

Наталья Любимова

12+

Седьмая тень

книга первая

Наталья Любимова

Седьмая тень

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Любимова Н. В.

Седьмая тень / Н. В. Любимова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Однажды студенты медицинского института отправляются на практику в маленький, богом забытый городок. Никто из них и не подозревает о том, что их туда собрала сама судьба. Что отныне их жизни тесно переплетутся, и они поймут, что случайностей не бывает... Герои книги попадают в круговорот странных событий и загадочных приключений. Они еще сами не знают, кто из них окажется главной фигурой на шахматной доске, а кто только пешкой в жестокой игре Добра и Зла? За кем будет идти смертельная охота? И кто станет хранителем древнего артефакта?..

© Любимова Н. В., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1 «На равных условиях»	6
Глава 2 «По аналогии»	10
Глава 3 Непредвиденные обстоятельства	13
Глава 4 Знакомство	17
Глава 5 «Предназначение»	27
Глава 6 «Ящик Пандоры»	36
Глава 7 «Черное озеро»	44
Глава 8 «Пропавшие»	52
Глава 9 «В гостях у сказки»	66
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Пролог

Он шел по темному коридору туда, откуда недавно прилетела его душа. Его была мелкая дрожь, в голове пульсировала дикая боль, тошнота подкатывала к самому горлу, он боялся, потому что не знал, что его ждет там, в конце этого коридора...

Он все время думал, почему это произошло именно с ним, почему именно в этот день, а не в какой-нибудь другой, почему именно так, а не по-другому. Ведь он часто бывал и в других более опасных ситуациях, и умудрялся выкручиваться. Как будто кто-то незримый хранил его от бед, не давал ему умереть раньше назначенного срока. А теперь этот срок пришел, и этот кто-то незримый отвернулся от него, не помог, а может, не захотел больше спасать?..

Кто он теперь? Дух? Призрак? А ведь самое интересное, он никогда об этом не задумывался, да и не верил в «жизнь после смерти», так это кажется, называется? И что ему делать дальше, в этой «другой жизни», он не имел ни малейшего представления.

Когда он летел поэтому же коридору в прошлый раз, впереди был свет, и уверенность, что его ждет радость и покой. Сейчас все было наоборот. И теперь он не летел, а шел, можно сказать на ощупь, словно пробираясь сквозь хлам коммунальной квартиры. И даже ощущал этот терпкий, густой запах чужих жизней.

Куда он должен идти? Зачем?..

Он до сих пор не мог понять, что случилось с ним, и куда он отправлен теперь.

Он не видел там ничего, кроме слепящего света и белых теней, слышал их голоса, но не понимал смысла их слов. Да, честно говоря, он и не вслушивался в них. Ему казалось, что они обращаются не к нему, а просто разговаривают между собой.

И вот голос, глубокий, ясный, уверенно произнес, словно вынес приговор:

– Назначается ее тенью.

Почему-то в этот момент он осознал, что эти слова относились именно к нему.

– Найди ее, и будь рядом, пока не получишь знак, – приказал голос.

Дальше все в его мозгу затуманилось, он силился разобрать еще что-то, но не мог этого сделать. Обрывки фраз, древняя латынь, звуки музыки, голубой огонь, блики какого-то озера...

Когда его сознание немного упорядочилось, он попытался сделать выводы:

«Первое – он умер.

Второе – его назначили каким-то «ее духом», нет, – «тенью».

Третье – он должен ее найти и быть рядом.

Четвертое – он должен получить какой-то знак.

Пятое – ему показали отрывки фильма, (или это был не фильм?), но зачем, он не знал».

На этом ход его мыслей прекратился, и как только он сделал это умозаключение, сразу оказался в этом коридоре, с мыслью, что надо идти назад.

Он в очередной раз наткнулся на какое-то препятствие, имеющее цилиндрическую форму. «Может титан для воды», – мелькнула мысль (ему очень хотелось пить).

«Странно», – подумал он. «Если я тень, – значит, у меня нет тела, почему же я испытываю дискомфорт, натыкаюсь на предметы, думаю, вижу, слышу. А может быть я жив? Почему тогда меня назначили чьей-то тенью, ведь тень не может быть материальной?»

Сейчас ему хотелось лечь, закрыть глаза, уснуть, а проснувшись, ощутить, что это всего лишь дурной сон.

Но он знал, что это не сон, он знал, что все происходит именно с ним, и он должен сделать что-то, чтобы обрести покой и радость по другую сторону коридора.

Глава 1 «На равных условиях»

Как долго она об этом мечтала, и как часто ей снился сон, что этого никогда с ней не случится. В этих тревожных снах она теряла паспорт и ее не допускали на экзамен, а когда она спрашивала можно ли прийти завтра, отвечали – «нет! Набора больше не будет»; или давали экзаменационный билет, в котором она не могла разобрать ни одного слова, и тогда она просила подсказать ей, хотя бы на каком языке составлен этот билет, и слышала в ответ: – «посмотрите на нее, она даже вопрос прочесть не в состоянии». В такие моменты она просыпалась в холодном поту, сердце ее бешено колотилось, и казалось, что сейчас оно выскочит из груди. Положив на него ладонь, она начинала его уговаривать успокоиться, объясняя ему, что это всего лишь сон. После таких кошмаров, она обкладывала себя учебниками, и с остервенением повторяла формулы, решала химические уравнения, зубрила биологию, учила латынь.

Это была ее единственная возможность вырваться из ненавистного интерната и начать новую жизнь. Со временем обзавестись своей комнатой, а еще лучше отдельной квартирой. Где она будет совсем одна, никто не будет ей мешать читать, где она будет неспешно пить чай с малиновым вареньем, мечтать или философствовать на разные житейские темы. А еще, непременно, она разведет на окне фиалки и герань, повесит на окошко в кухне кружевные занавески и в тон им покроет стол скатертью. А еще у нее будет пушистый, рыжий кот с зелеными глазами, он обязательно должен быть большим и ленивым. А когда она будет приходиться с работы усталая, но счастливая, он должен будет встречать ее, тереться у ног и весело мурлыкать. Но все это будет в другой жизни, в которую она так стремится попасть.

И вот первый шаг в направлении счастья сделан. Она студентка медицинского колледжа. У нее в руках ключ от комнаты № 8 студенческого общежития. Осталось в нее войти, и начнется новая жизнь, такая радостная и долгожданная.

Дверь оказалась не запертой, комната маленькой и пыльной, в ней было три железных кровати с провисшими сетками, на двух из которых в виде завернутых рулетов лежали матрасы. На одной из кроватей матрас был развернут, на нем восседала тоненькая девушка с белокурыми длинными волосами, и розовыми надутыми губками. Взгляд ее был отрешенным направленным в одну точку. Рядом с ней стояли не распакованными две спортивные сумки и три пакета.

– Привет! Я Лена Самохина, – не поворачивая головы, сказала белокурая девушка.

– Тоня Белова, – ответила входившая.

У нее была одна старая сумка, с потрескавшимися ручками. Ей ее дала сердобольная медсестра в интернате. Эту медсестру Зою Михайловну, Тоня уважала и любила больше всех из всего обслуживающего персонала.

– На какой факультет поступила? Опять не поворачивая головы, спросила Лена.

– На фельдшерский, а ты?

– На фармацевтический, будь он не ладен, с досадой в голосе ответила Лена.

– Ты что не рада, что поступила? – с удивлением спросила Тоня.

– У меня папа фармацевт, мама фармацевт, бабушка фармацевт, и братец тоже. Только он уже институт заканчивает. У нас своя фирма и сеть аптек «Чародейка», слышала наверно? – после небольшой паузы добавила Лена.

– А, недавно дед открыл еще одну лабораторию, – это мечта всей его жизни. Ну и естественно у меня не было выбора, этот вопрос решился без учета моего мнения и желания. Моя фамилия произвела впечатление на декана и ректора, так что все остальное было чистой формальностью.

Только теперь она повернула голову в сторону так и стоявшей у порога Тони. Провела по ней оценивающим взглядом, и даже не спрашивая, а больше утверждая, заключила:

– А ты сама, своими знаниями... Молодец, у-ва-жаю, – выделив последнее слово, протянула Лена.

– Спасибо – кивнула Тоня.

– Ну что стоишь? Проходи, занимай местечко, какое нравится.

Тоня прошла в комнату, поставила сумку на перекосившийся стул, стоящий у кровати, развернула матрас и села напротив Лены.

– Как тебе царские апартаменты? Обведя взглядом комнату с покосившимся шкафом, отошедшими обоями, облупившимся столом и старым холодильником, спросила Лена.

– Нормально, – пожав плечами, отозвалась Тоня, – мне приходилось жить и похуже.

– Ну, да, я так и подумала. И после небольшой паузы продолжила: – А мне вот в первый раз довелось попробовать окунуться в мир простых людей. Дед считает, что каждая личность обязательно должна пройти закаляющую социализацию. Предки от него очень зависят, а потому потакают его маразматическим капризам. Я могла преспокойно поступить в медицинский университет, или в академию, у отца там связи, причем в своем городе, а не в этом богом забытом «Мухосранске». Так нет, «Леночка должна сама пройти свой путь взросления, осознать свое место в обществе, научиться взаимодействовать с людьми», – сев в картинную позу и изменив свой голос на баритон с хрипотцой, заключила она.

Тоня впервые за долгое время искренне улыбнулась, но не потому, что Лена очень смешно спародировала своего деда, а потому что представила, как эта «Нежная Лилия» (так ей почему-то захотелось назвать Лену), покинула золотую оранжерею с многочисленными садовниками, которые тряслись над ней потакая каждому капризу, и оказалась на только что удобренном поле, среди сорняков и пьяных колхозников, которые не знают, что им с ней делать, и зачем она им тут нужна.

– Максим, это мой брат, – пояснила Лена, – хотел отдать мне свою машину, он уже три года на ней ездит, ему все равно отец новую обещает купить, когда он получит диплом. Так, нет и тут драгоценный дедушка вставил свое веское слово, опять переходя на баритон с хрипотцой, пропела Лена: «Девочка не должна выделяться среди обычных студентов, они должны быть на равных условиях». И вот я теперь на равных, думаю, дедушка очень доволен, – с ноткой ненависти добавила Лена.

– Ну, ничего, жить можно, – заверила ее Тоня, – помоем окна и пол, подклеим обои, какие-нибудь шторы соорудим, на стол скатерть купим или веселенькую клеенку, и будет вполне уютно.

С облегчением вздохнув, Лена заулыбалась, видимо успокоившись, что есть кто-то, кто знает, что нужно делать и как.

Тоня сбегала за тряпкой и ведром к коменданту, а когда вернулась, третья кровать тоже была занята, но хозяйки вещей в комнате не было. Лена сидела все в той же позе и явно нервничала.

– Что, у тебя появилась конкурентка? – напрямик с иронией в голосе спросила Тоня.

Лена рисовано повела плечом, и вздернув вверх курносый носик ответила:

– С чего это ты взяла? Просто какая-то напыщенная стерва, я таких насквозь вижу. Она сюда приехала подальше от родительской опеки, охмурять мужиков, и выпячивать на показ свои прелести. Все это – она кивнула на сумки с пакетами, – бутафория и мишура. Поверь мне, я очень хорошо разбираюсь в людях.

– А, обо мне, что ты можешь сказать? – с вызовом спросила Тоня.

– О тебе? – с небольшой паузой произнесла Лена – ну, например, что ты явно из многолетней деревенской семейки, обделенная вниманием и заботой, целеустремленная, всего в жизни добиваешься сама, ни на кого не надеешься, и не ищешь легких путей. Некий образ «некрасовской женщины», которая коня наскоку остановит, и в горящую избу войдет, но только если ей это для чего-то будет нужно.

Тоня была немного поражена попаданием Лениного высказывания, единственная неточность состояла в том, что ее «семейкой», был городской интернат, ну это в прочем не имело большого значения.

В этот момент дверь распахнулась, и на пороге появилась еще одна девушка. Ее Тоне почему-то захотелось назвать «Чертополохом», но не с точки зрения красоты и окультуривания растения, а с точки зрения ощущений, которое она произвела на нее. По сравнению с «Нежной лилией», она была живая, яркая, необычная, с тонкими чертами лица, смуглой кожей, копной каштановых вьющихся волос, большими карими глазами. В ее движениях читался вызов и полная уверенность в себе. У Тони мелькнула мысль, что, скорее всего, Лена окажется права в отношении их соседки.

– Привет! Я Светлана Иванова, – представилась «Чертополох». Тоня про себя отметила, что имя ей совсем не идет, уж больно простое.

– Тоня Белова – протянула она ей руку.

– Елена... Самохина... – с показной паузой между именем и фамилией отозвалась «Нежная лилия».

В руках Света держала вымытые фрукты: яблоки и груши, она протянула их девушкам, и не обращая внимание, на Ленин тон, сказала:

– Угощайтесь, очень вкусные.

Когда фрукты были съедены, началась генеральная уборка комнаты. Но ею занимались в основном Тоня и Света. «Нежная лилия», только делала вид, что принимает в ней участие. Фактически она совершала по комнате хаотические движения, которые напоминали движения слепого жонглера на арене цирка, который не знал, чем он может помочь воздушным гимнастам под куполом.

К вечеру, когда порядок был наведен, окно и холодильник сияли, вещи были сложены в отремонтированный шкаф (о ремонте мебели позаботилась Света, она быстро организовала группу парней, которые готовы были на все, лишь бы угодить красавице), и даже покрашен стол. Света вынула из своей сумки бледно-розовую, шелковую ночную сорочку с оборочками, разрежала ее пополам, что-то с чем-то сшила, причем так искусно (работа в ее руках кипела и даже завораживала), затем вставила тесьму и соорудила на окно очень симпатичные занавески. Тоня отметила про себя, что именно о подобных она мечтала, живя в интернате.

Гуляя по окрестностям своего городка, она часто сама не зная почему, оказывалась возле небольшого аккуратного домика, с побеленными стенами. Домик летом утопал в зелени и цветах, а зимой в пушистом снегу. На его окошке с расписными ставнями были видны фиалки разных цветов и кружевные розовые занавески. Иногда рядом с фиалками восседал рыжий кот с зелеными глазами. И Тоне казалось, что в этом доме живет счастье. Правда хозяев она никогда не видела, но представляла одинокую пожилую женщину в светлой косынке и кружевном передничке. Тоня подолгу бродила около этого домика в надежде увидеть его обитателей, и даже забиралась на плакучую иву, которая росла рядом, но все ожидания были четны. Этот живописный уголок всегда манил ее, словно там была какая-то тайна, не дававшая ей покоя. Этот домик, рядом с которым протекала мелкая речушка, с гусями и утками часто снился ей, и тогда она решила, что когда-нибудь у нее тоже будет уют и тихое счастье.

Пока Тоня предавалась воспоминаниям и мечтам, Света готовила «праздничный ужин», из пакета на стул, покрытый страницами из модного глянцевого журнала (так как стол высыхал после покраски), она выставила овощи, зелень, вареный в мундире картофель, жареного цыпленка и бутылку шампанского с одноразовыми стаканчиками.

– Ну, что давайте пировать, – приглашая к столу девушек, сказала Света.

После физических упражнений, связанных с уборкой комнаты, есть хотелось очень сильно. Но Тоне было неловко, что она в отличие от Светы, не подумала о провизии. Но глядя на Лену, которая быстро примостилась на кровать по центру выставленных угощений, и явно

не испытывая угрызений совести, присела рядом на старый скрипучий стул. Света, ловко откупорив бутылку шампанского, разлила пенящийся напиток по пластиковым стаканчикам и провозгласила:

– За знакомство!

– За равные условия, – растягивая слова, произнесла Лена.

– За новую жизнь, – добавила Тоня.

После ужина, Лена легла на кровать, и стала разглядывать свои ухоженные ногти, а Тоня со Светой убрали остатки пищи, вынесли мусор.

– Давайте, организуем поочередное дежурство, – предложила Света.

– Завтра готовлю, убираю в комнате, мою пол и посуду я, послезавтра Тоня, ну а потом ты, Лена, – тоном, не терпящим возражения, добавила Света.

«Нежная лилия» и глазом не повела в ответ, и сделала такой вид, будто ее это вовсе не касалось. Света многозначительно посмотрела на Тоню, та только пожала плечами и стала укладываться спать.

Сначала Тоня долго лежала без сна, просто с закрытыми глазами, мысли ее были сосредоточены на плане предстоящего дня. Послезавтра начинались первые занятия, нужно было узнать расписание, купить тетради, ручки, блокнот, снять со своего счета деньги, заглянуть к Зое Михайловне (теперь они будут видятся редко), купить продукты (скоро ее очередь готовить)...

Тут ход ее мыслей поплыл по другому руслу: мы не договорились с девчонками, как будем покупать продукты, в складчину или поврозь, у нас нет нормальной посуды, скатерти, и других бытовых вещей, надо будет завтра с утра обсудить этот вопрос. В интернате она об этом не задумывалась, там был завхоз, воспитатели, повара, технички. Нет, конечно, ей приходилось мыть посуду и полы в классе, стирать свои вещи, но готовила она только на уроках обслуживающего труда и то под руководством учителя. Наверное, надо будет купить какую-нибудь книгу, о здоровой и полезной пище, решила Тоня. Потом она силилась подумать еще о чем-нибудь, но усталость и сон оказались сильнее, и этот поединок выиграла.

Ночью ей снился странный сон: она видела черного человека без лица, в свете яркой луны, который выходил из беленого домика с фиалками на окне, и бродил как на ощупь, вокруг плакущей ивы, будто искал там что-то.

Глава 2 «По аналогии»

Роман Антонов был одаренным молодым человеком. Учеба давалась ему легко, он мог замечательно играть на скрипке и фортепьяно, рисовать и разбираться в электронной технике. В совершенстве владел несколькими языками, подавал спортивные надежды в легкой атлетике и волейболе, обладал прекрасной памятью, но по сути, был ленив и неусидчив. Ему быстро надоедало одно занятие, и он переключался на другое, затем на третье и так могло продолжаться до бесконечности. Если бы не родители, он не закончил бы музыкальную школу, да и учебу тоже бы наверняка забросил.

Он был единственным, поздним ребенком в семье. Родители сдували с него пылинки, старались во всем угодить, таскали его по всевозможным кружкам и спортивным секциям, организовывали праздники, заваливали подарками. И чем больше они проявляли заботы и рвения в его воспитании и образовании, тем сильнее в нем это вызывало протест. Он завидовал своим сверстникам, которые были предоставлены сами себе, за которыми по пятам не бегают родители и не пичкают витаминами, фруктами и другими полезными на их взгляд продуктами.

Больше всего в своем упорстве его раздражала мать, Ирина Петровна. Она была учителем химии и биологии, невысокая слегка полноватая женщина с прямыми соломенными волосами и голубыми глубоко посаженными глазами. Она тряслась над ним, как над грудным ребенком:

– Ромочка, ты должен обязательно хорошо питаться, у тебя может образоваться язва.

– Ромочка, одень теплые носочки, ты можешь простудиться.

– Ромочка, не сиди допоздна за компьютером, ты испортишь зрение.

– Ромочка, не водись с дворовыми мальчиками, особенно с Юркой Кондратьевым.

Татьяна Ильинична не очень лестно отзывалась о его родителях. Он курит, выпивает и вообще он хулиган и задира.

– Рома сиди за столом ровно, не сутулься, это может привести к сколиозу.

Эти ее бесконечные наставления вызывали в нем бурю эмоций, он старался не грубить матери, и поэтому при первой возможности вырывался на свободу по каким-нибудь вдруг образовавшимся неотложным делам.

Отец Ромы, Иван Геннадьевич, был человеком приятным и добрым, но всегда шел на поводу у жены. Во всем старался ей угодить, и поэтому смотрел на окружающее ее глазами. Иногда Роме казалось, что он не имеет своего мнения, и его Рому, он любит не потому, что он его сын, а потому, что его любит мать. Когда Ромка был маленьким, он иногда спрашивал у отца разрешения, можно ли ему куда-нибудь пойти или заняться чем-то, но тот отвечал – «если мама разрешит», или – «сейчас узнаю у мамы». Тогда Рома понял, что к отцу подходить с какими бы то ни было вопросами бесполезно, что в семье все решает мать, и как она скажет, так и будет. Хотя надо отдать матери должное, она умела выдавать свои идеи, за идеи отца, и он этого даже не замечал. А она, сделав, что-нибудь на свое усмотрение, (причем наперекор желанию и вкусу их с Ромкой), потом целую неделю восхваляла их, – какие они молодцы, как угадали с цветом и фактурой, какой у них замечательный вкус, и так далее и тому подобное. Что в конечном итоге, они с отцом, начинали верить в то, что это была их идея, и именно они, все это подобрали и соорудили.

Рома любил своих родителей, но часто совершал поступки, которые они, мягко говоря, не одобрили бы.

Подолгу сидел за компьютером, играя в разные «стрелялки», так называла их мать, общался с виртуальными друзьями и подругами в Интернете, выходил на запрещенные родителями сайты. На вопрос – чем он занят, – отвечал без тени смущения – что готовит реферат или выполняет контрольную работу. Дружил с Юркой Кондратьевым, часто бывал у него в двухкомнатной квартире, пропахшей сигаретным дымом и перегаром.

Родители Юрки были алкоголиками, отец некогда военный начальник не смог найти себе иное применение в перестроечные времена, и после сокращения из армии запил. Мать, которая всю жизнь просидела дома на содержании мужа военного, привыкшая к «рогу изобилия», и не утруждающая себя какой быто ни было работой, поначалу пилила мужа за бесхарактерность и никчемность, но позже смирилась, и стала вместе с мужем пропивать его пенсию. Но деньги быстро заканчивались, приходилось брать в долг у соседей и знакомых. А когда отдавать стало нечем, они поменяли четырехкомнатную квартиру в центре областной столицы, на двухкомнатную, в другом городе.

У Юрки был старший брат Павел, который большую часть своей жизни проводил по тюрьмам, и младшая сестра Даша, которая напоминала Роману гадкого утенка.

В этой старой квартире с запыленными окнами, разбросанными вещами и горой невымытой посуды, Ромка находил некую романтику. Нельзя сказать, что ему это нравилось или он испытывал восторг по этому поводу, но это не вызывало у него отвращения и раздражения.

Он сравнивал свою стерильную квартиру, где все было подобрано в тон и сочеталось друг с другом, с захлавленной Юркиной, и мечтал о чем-то третьем, где чистота и порядок будут сочетаться с хаосом и безвкусицей.

Юрка был веселый и простой в общении парень, у которого идеей фикс было, как разбогатеть и добиться успеха, не прикладывая усилий. Он бил фонтаном утопических и бредовых идей и считал себя гением. Ромка предпочитал не вмешиваться в его рассуждения, даже если они были очевидно абсурдными, он наблюдал со стороны, и ждал развязки, как зритель, пришедший на спектакль в театр Драмы и Комедии.

Иногда они компанией в несколько человек выпивали вино или пиво в беседке соседнего двора (в целях конспирации от Ромкиных родителей, дабы сохранить их нервную систему от потрясений). Общались с девчонками, ходили на дискотеки и в кино. Но все это было для Ромки Антонова чьим-то чужим – не его. И чувствовал он себя в этих компаниях посторонним, хотя все считали его «своим парнем», «весельчаком и балагуром».

Он не был обделен женским вниманием, так как был выше среднего роста, атлетического телосложения, с темно-русой вьющейся шапкой волос, с большими, грустными, серыми глазами, эрудированным и приятным в общении молодым человеком. Одним словом, он был чертовски привлекателен и хорош собой. Девчонки разных сортов и мастей так и льнули к нему, как мухи к липкой ленте. У него было много приятелей, знакомых, друзей-товарищей, но, по сути, он был одинок в этой жизни, как будто, кто-то свыше ошибся в его предназначении. Ему хотелось сравнить себя со сложным точным прибором, который попал в руки ребенка-первоклассника и применяется им не по назначению.

Когда после окончания средней школы, встал вопрос, куда пойти учиться, чтобы «насолить» матери, которая прочила ему светлое будущее в министерстве иностранных дел, (спала и видела его консулом какой-либо иностранной державы, нанимала ему репетиторов по иностранным языкам), он поехал в областную столицу и сдал свои документы в медицинский институт, вдруг возжелав стать хирургом. Причем он не надеялся поступить туда, а после провала собирался объявить родителям, что пойдет служить в армию. Но судьба распорядилась иначе, он прекрасно сдал все экзамены и его зачислили.

Первое время мать проявляла недовольство, пытаясь внушить сыну, что это тяжелая, трудная и не благодарная работа, но потом смирилась и стала искать плюсы в этой профессии.

Ромку же прельщало то, что он наконец-то, вырвется из-под опеки родителей и начнет самостоятельную жизнь вдали от дома.

В комнате студенческого общежития они проживали вдвоем. Но виделись большей частью ночью в дождливые или холодные зимние вечера, когда выходить из теплой комнаты не хотелось. Все учились на разных факультетах и курсах, поэтому не пересекались на лекциях по общим дисциплинам. У каждого были свои друзья-приятели на факультете и в группе, и

свободное время они предпочитали проводить с ними, обсуждая общие темы и злободневные проблемы.

Ромка Антонов был вхож практически во все компании института, и в каждой считался своим, не зависимо от курса и факультета. Его любили преподаватели, уважали студенты, он был само обаяние, но держался на вторых ролях, не любил напыщенных речей, ко всему относился с холодком и внутренней иронией. Никто никогда не мог с уверенностью сказать, что у него на самом деле в голове, что он предпочитает, как к чему-либо относится. Он никогда не с кем не откровенничал, зато все вокруг изливали ему душу, и «плакали в жилетку». Может быть, поэтому он и слыл прекрасным другом и хорошим собеседником, что умел слушать, и не давал советов и рекомендаций, как бы он поступил в подобной ситуации. В эти минуты он ассоциировал себя с церковным священником, отпускающим чужие грехи, а своих многочисленных приятелей-прихожан с грешниками на исповеди.

Хотя институтская жизнь была многомерна и насыщена, и у студентов не было времени для скуки, Роман и сейчас испытывал чувство ненужности и обделенности. Иногда ночью он просыпался, и до утра под мирное посапывание своих соседей, размышлял о жизни и своем предназначении. Ему хотелось все бросить и уехать туда, где он мог найти действительно свое место в ячейке жизни. Но тут его воображение рисовало: мать, лежащую на сиреновом диване в голубую полосочку с инфарктом. Отца, словно жука, попавшего между оконными рамами, мечущегося по комнате в руках которого, находилась голубая салфеточка с сиреновой каемочкой и в тон ей стаканчик с графинчиком. И тогда он понимал, что еще не законченный эгоист, и доучиться придется, хотя бы ради родителей.

Так же было и с музыкальной школой. Только тогда его воображение рисовало другие картины: мать сидела на маленькой кухоньке с залитым слезами лицом, а перед ней, на кружевной розовой скатерти лежала кружевная белая с розочкой салфеточка. На этой салфеточке, стояла чашка холодного чая в белой с розовой полосочкой чашке, а рядом лежала горка таблеток: розовых, белых и даже одной зеленой. Тогда он тоже решил доучиться, чтобы не видеть этой картины наяву.

Роману оставалось еще два года ординатуры. Но он планировал, что после окончания института, он ни за что не останется в столице и уж тем более не вернется в родной городок. Он отправиться в качестве судового врача в дальнее плаванье, побывает в разных странах, у него будет много времени размышлять и философствовать и тогда он уж точно найдет себя и будет счастлив.

Заканчивалась летняя сессия, предстояла практика и каникулы. Нужно было возвращаться в родительское гнездо. Мать звонила каждый день, не могла дождаться, когда же увидит свое ненаглядное чадо, и это еще больше угнетало Романа. Вернуться в фиолетово-розовые и белые рюшечки ему придется, но можно как-то отдалить этот момент и ускорить потом свое возвращение какими-нибудь срочными обстоятельствами (надо будет, что-нибудь придумать позже), успокаивал он себя. Вот пройдет день его рождения, мать налюбуется им, наготовится всяких яств, напичкает его фруктовыми и овощными витаминами, отведет душу и успокоится, а дня через три-четыре, можно будет и уезжать обратно, подальше от ее заботы и внимания.

Глава 3 Непредвиденные обстоятельства

На практику Романа Антонова и еще троих ребят из параллельных факультетов отправили в маленький городишко под названием Латуринск. Их разместили по частным домам. Ромка с Максимом Самохиным попали в жильцы в беленый домик с расписными ставнями и цветущим садиком. Хозяйка домика Ольга Петровна, была пожилой одинокой женщиной, работавшей терапевтом в местной обшарпанной с допотопной мебелью и такой же техникой больнице-амбулатории, в которой проходила их практика.

Роман Антонов специализировался на хирургии, но приходилось заниматься всем. Врачей здесь катастрофически не хватало, молодежь из этого богом забытого места уехала в крупные города, районные и областные центры на заработки, в поисках лучшей доли. А врачи пенсионеры уже сами больные и немощные, ничем кроме совета и направления в область помочь не могли. Здесь же проходили практику и студенты местного медицинского колледжа.

Когда заканчивались сессии и наступала пора практик, главврач Латуринской больницы-амбулатории посылал пачку писем в разные медицинские ВУЗы и СУЗы с заявками на предоставление практикантов. Звали его Губкин Илья Петрович, был он по образованию фельдшер, было ему 68 лет, любил он опрокинуть стаканчик, другой во время дежурства, но держался молодцом, поэтому и стал главврачом, выбирать все равно было не из кого. Старушка терапевт, у которой проживал Роман с Максимом на работе появлялась редко, болели ноги и если зять, проживающий по соседству соизволял выпить на кануне «горькой», то и везти ее на работу было некому. Остановка общественного транспорта была далеко, а на такси денег не хватало. Случалось, что он по той же причине не забирал ее и с работы, и тогда она несколько дней могла быть дежурным врачом. Спала на кушетке в кабинете, питалась с больными в столовой. Лечила не столько медикаментами (да их в больнице почти и не было), сколько советами и душевными беседами. В больнице говорили, что она бывшая фронтовичка, имеет множество боевых наград, а ноги ей перебили фашисты автоматной очередью, чтобы раненых не выносила с поля боя. Больные ее любили, и если ее не оказывалось в больнице, шли сами к ней домой. Она никогда никому не отказывала, денег не брала, если и выписывала какие-то лекарства, то старалась, чтобы были они эффективными и дешевыми.

Еще две старушки, лор и окулист, были подслеповаты и глухи. Больных у них никогда не было, за исключением тех, кто приходил за справками для поступления на работу, в школу или детский сад. Беседовали они на повышенных тонах, пытались разглядеть изъяны в работе друг у друга, и каждая считала себя непревзойденным гением в своем деле. Рассказывали друг другу, в присутствии пациентов и другого медицинского персонала, как одна лечила министра здравоохранения Советского Союза, – другая самого генерального секретаря ЦК КПСС. Только кроме них самих в эти рассказы никто не верил, но все согласно кивали и быстро уходили по своим делам.

Из молодых были две женщины – одна санитарка, опустившаяся особа неопределенного возраста где-то в районе от 25 до 40 лет, точнее сказать было невозможно, потому, что была всегда нечесаная, с запахом перегара и с синяками то под левым, то под правым глазом. Но на работу ходила исправно и даже иногда мыла палаты, хотя считала, что и так сойдет. Звали ее Ниной, но все называли ее Нинель.

Вторая – проработав гинекологом полгода, вышла замуж, за человека верующего (в больнице называли его баптистом), и вот уже шесть лет не выходила из декретного отпуска, имела троих детишек и опять была на сносях.

Стоматолог жил в соседнем городке, раз в неделю он лихо рвал страждущим зубы, а кто желал их лечить, тому нужно было ехать к нему, так как в его поликлинике техника была исправной, да и посовременней местной.

Все остальные вакантные должности, согласно штатному расписанию, выполнял сам главврач, делал что по силам, или выписывал направления в областной центр. Поэтому практиканты для него были как манна небесная. С их помощью он наводил порядок в кабинетах, палатах, в карточках регистратуры, не гнушался мелким ремонтом (побелить, покрасить, помыть, отремонтировать и т.д.) Если студенты кочевряжились, у него был один ответ: «будущий врач должен уметь делать все, и даже больше». Потом он выпячивал колесом грудь и говорил непутовой молодежи:

« – Представьте, что вы попали на войну, и вам приходится работать в полевых условиях. Ваша боевая задача из непригодного овина, создать госпиталь для тяжелораненых, причем в короткие сроки, от ваших усилий зависят жизни людей и страны. Кто выдержит испытание, ему уже ничего в этой жизни будет не страшно».

Произносил он эту заученную речь с выражением, будто сдавал выпускной экзамен по актерскому мастерству. Обычно она производила должное впечатление. Были конечно редкие случаи, когда студент отлынивал от работы, и тогда Губкин Илья Петрович становился «палачом», и писал такую характеристику и отзыв о студенте, которые были сродни судебному приговору, где не хватало строк – «приговорен к высшей мере наказания». Отправлял он их по почте ректору, что как правило приводило этих студентов к настоящим мытарствам и хождению по мукам.

Все ректоры хорошо знали Губкина, жалели его, однако всегда посылали к нему лоботрясов и «блатных», чтобы в случае чего, их можно было с его помощью отчислить, или заставить побегать и понервничать, а родителей «напрячься».

На этот раз вышло по-другому. К ректору в кабинет пришел Роман Антонов, лучший студент факультета, и сам упрашивал его послать на практику куда-нибудь подальше, на периферию. Тогда ректору пришла идея послать туда вместе с ним, лучших студентов с других факультетов, пусть Губкин порадует.

Илья Петрович ждал практикантов со сметой на расходы ремонта и надеждой, что все будет идти своим чередом. За неделю они сделают ремонт, потом девчонки с колледжа разберут бумаги в регистратуре, подклеят анализы, заполнят журналы. Хорошо бы попались со способностями к рисованию (надо обновить санитарные бюллетени о всевозможных инфекциях). Парни из института, отремонтировали бы мебель, разобрали бы хлам в кладовке.

Только он собрал их вместе в пустой больничной столовой, и произнес заученную речь, стал назначать фронт работы каждому, как в дверях показалась нечесаная Нинель с заплывшим глазом и затараторила:

- Илья Петрович, там Силиваниха с внуком, плохо ему сильно.
- Что с ним? – остановился главврач.
- Не знаю! Кричит что умирает!

Губкин выскочил из столовой, и быстрым шагом пошел по коридору за бегущей впереди Нинель. За ним выбежала симпатичная девчонка с русой косой и веснушками. За ней вышел Антонов. Когда он подошел ближе, полная женщина со слезами, размазанными по всему лицу рассказывала, как внук Ермолаихи прибежал к ней и сказал, что ее Витька умирает. Силиваниха побежала за внуком Ермолаехи к речке, а он уже и сказать ей ничего не может, только стонет, да держится за живот. Ну, она его взяла на руки да бегом сюда.

Мальчику было лет девять, худой, долговязый, чумазый. Губкин отогнал Силиваниху от внука. Губы мальчика посинели, находился он в полубморочном состоянии. Пришлось выяснять у Сеньки Ермолаева, что произошло.

– Мы играли с пацанами в футбол, возле речки, – всхлипывал тот. – Витька вызвался быть вратарем, Кешка бил по мячу, но попал Витьке в живот. Витька сморщился, но играть продолжал. Видно было что терпит боль. Потом Славка бил по воротам, Витька прыгнул за мячом, упал, мяч не поймал, лежит не встает. Мы сначала думали прикалывается, а он поблед-

нел весь, а сказать ничего не может, зубы сжал, за живот схватился и не шевелится. Ну я и побежал к его бабке. А Славка с Кешкой испугались, подумали, что убили его, и убежали, – тараторил размазывая по щекам слезы Сенька.

– Явно что-то повредили... Срочно операция нужна. В область везти надо. У нас ни хирурга, ни толком операционной нет, с растерянностью почти шепотом произнес Илья Петрович.

– Думаю времени у него не осталось, не довезут его туда – заключил Антонов.

За плечом взвыла Силиваниха, ей в такт вторил Сенька. Антонов вздрогнул, в висках застучало: «Что делать? Не смогу! Вдруг ошибусь? А если, это единственный шанс спасти этого чумазого Витьку, ведь все равно его не довезут». В этот момент его взгляд упал на девчонку с косой и веснушками, в ее глазах читался ужас и боль, она была бледнее мальчика Витьки, и казалось, что умрет раньше него.

– Быстро в операционную! – скомандовал Антонов, и не узнал своего голоса, – инструменты – то у вас есть? – обращаясь к Губкину и Нинель, спросил он, направляясь в кабинет с табличкой «процедурная».

Губкина колотила мелкая дрожь, он доставал инструменты, Нинель бегом принесла халат, шапочку, перчатки, марлевые повязки. Девчонка с косой вышла из ступора и начала раздавать толковые указания двум другим, те подчинялись, и через пятнадцать минут мальчик лежал на операционном столе.

Губкину досталась роль анестезиолога, девчонке с косой – операционной сестры, парню с другого факультета – Андрею Тихомирову – роль ассистента. Так как процедурная сестра, преклонного возраста, сама нуждалась в экстренной помощи. У нее подскочило давление, стало плохо сердцем. Она лежала на кушетке с открытым ртом, и как рыба, выброшенная на берег хватала им воздух. Красивая девчонка, с пляшущими чертиками в глазах поила ее лекарством и мерила давление.

Третья сидела отрешенная в стороне, и нервно накручивала на палец белокурые волосы, видимо представляя себе, что это ей снится. Двое его товарищей сидели возле этой девицы и о чем-то перешептывались, и в бой явно не рвались.

Все это Антонов видел мельком, когда бежал полностью экипированный по коридору в операционную. Как только за ним закрылась дверь, его мозг переключился на режим автопилота, как будто существовал самостоятельно и соединен был только с глазами и руками. Роман не чувствовал ни времени, ни усталости, он был машиной, и все вокруг было как конвейер. Одна машина передавала ему инструменты, другая комментировала процесс изменений, третья – выполняла его указания.

Из этого состояния его вывела сирена в коридоре. Антонов не сразу сообразил, что это кричит женщина, но вроде бы не Силиваниха. Кто-же тогда? И тут он как будто бы сам пришел в сознание – он на операции, он сам один, и никто не подскажет, правильно он ее провел или нет. Ему на миг привиделось, что он в темном зале казино, на кону чужая жизнь, кружится колесо фортуны, и он с замиранием сердца ждет, что выпадет красное – жизнь, или черное – смерть. Рядом стоит девчонка с русой косой, живая и даже порозовевшая, и Губкин вроде бы не трясется, как осиновый лист. Андрей Тихомиров, производил впечатление хорошего ассистента, видимо ему было не впервой, но ответственность за операцию он еще брать на себя побаивался, хотя, наверное, мог бы провести ее не хуже Антонова.

Роман посмотрел на свои руки, они накладывали последние швы. Паники не видно, значит мальчик Витька – жив!

– Пульс нормализуется, давление в норме. – Услышал он голос Губкина, а потом свой голос:

– Операция окончена, всем спасибо!

Он нагнулся над чумазым Витькиным лицом, и тихонько позвал его по имени. Но Витька не отзывался, тогда он слегка похлопал его по щекам, Витька медленно открыл глаза.

– А мяч ты все-таки не поймал, – сказал ему Антонов.

– Ну, и что? Удивился Витька, – я спать хочу!

– Теперь спи, – ответил Антонов, теперь тебе много нужно спастись.

Девчонка с косой улыбалась, она уже успела привести его товарищей, чтобы они отвезли Витьку на каталке в послеоперационную палату.

– Молоток Ромка! Здорово! Хлопали по плечам и спине парни. – Только там бабка пацана умерла, сердце не выдержало. Пока процедурную сестру отхаживали, та тихо сидела в уголочке, руки на грудь сложила, глаза закрытые. Думали молиться. А как ту отходили, Светка, ну девчонка с колледжа к ней подошла, позвала, та не отвечает, она за плечо ее взяла, потрясла, та и повалилась на бок, мертвая уже. Процедурная сестра как закричит, Светке тоже плохо стало, девчонка с косой их двоих отхаживает.

Теперь Антонов знал происхождение сирены, которая вывела его из состояния автопилота. Он вышел из операционной, снял перчатки и марлевую повязку, сел на облупившееся крыльцо, ему сильно хотелось курить, и только теперь начала чувствоваться смертельная усталость. Роман вытащил из кармана брюк пачку сигарет и закурил. Но после первой затяжки засосало под ложечкой, затошнило, закружилась голова. Рядом присел Губкин, от него разило свежим перегаром.

– Так ты значит хирург? Причем очень неплохой. Четыре часа, как заведенный, и хоть бы хны. Молодец! Уважаю. У вас династия семейная что ли?

– Нет, – ответил Роман, – я первый.

– Странно, – парировал главврач, – работаешь так, как будто это у тебя в крови.

Антонов ничего не ответил. Ему не хотелось сейчас разговаривать. Не чувствовал он ни триумфа победы, ни радости. Было ощущение, что это не он делал операцию мальчику Витьке, а кто-то свыше управлял его руками и мозгом.

– Ну, раз у нас сложились такие непредвиденные обстоятельства, – вымолвил Губкин, – идите все отдыхать, ремонтом будем заниматься завтра.

Глава 4 Знакомство

Автобусы ходили редко, да и от остановки нужно было пройти примерно километра полтора по ухабам и кочкам.

– Как здесь люди живут? – ворчал всю дорогу Максим Самохин. – Ни больницы нормальной, ни врачей, ни транспорта. Еще машина как назло сломалась, пришлось в ремонт отдать перед практикой. Теперь ходи пешком, ноги бей. Как тут сестра моя учится? Ума не приложу.

– У тебя здесь сестра учится? – удивился Антонов.

– Да, в колледже медицинском. Да ты ее видел, она тоже практику с нами проходит, беленькая такая, добавил Максим.

– А почему здесь, а не дома? Спросил Антонов.

– Да понимаешь, дед у нас в семье всем заправляет, все под его дудку пляшут. Семейная династия не должна быть прервана. А прежде чем вступить в семейный бизнес, все должны пройти «путь преодоления себя», ну, что-то вроде того, чтоб жизнь медом не казалась. По мнению деда, мы должны сами научиться чему-нибудь. Понять, как нам повезло в отличие от других иметь все то, о чем простые смертные и мечтать не могли. В этом суть его жизненной концепции. Мы все от него материально зависим, а потому с ним никто не спорит. Вот и Ленка живет в обветшалой общаге, и представляешь, уже научилась жарить яичницу и чистить картошку. Хорошо хоть девчонки нормальные попались, я думаю, они ее не очень напрягают, а то она бы уже давно закатила истерику и вернулась домой. Кстати они вечером нас приглашали к себе на кофе, познакомимся поближе. Мне Светка очень понравилась, красивая зараза, может у нас, что-нибудь и выйдет? – с мечтанием в голосе проворковал Максим, – так как, пойдём?

– Нет я не пойду, устал, возьми лучше Андрюху или Славку – ответил Антонов.

– А мне показалось, что ты запал на эту с косой, Антонина ее кажется зовут, не отставал от него Максим.

– Тебе показалось, – спокойно ответил Роман, – спать хочу, а девчонкам передай, чтоб не обижались, в другой раз обязательно зайду.

Когда они вернулись, Ольга Петровна ждала их с ужином. Вкусно пахло борщом и жареной рыбой.

– Ну, как прошел день? Не загонял вас там Губкин? – спросила она. – Мы ведь даже толком познакомиться не успели. Ну да идите руки мойте, и присаживайтесь к столу, кушать. Сейчас Маринка, прибежит, поможет мне на стол накрыть. А то я плохой работник, ноги откалывают носить. Она мне и с обедом помогла.

Маринка, была соседской девчонкой лет пятнадцати, помогала Ольге Петровне по хозяйству, ходила в магазин. Мать их троих тянула одна, отец нигде не работал, пил и устраивал скандалы. Маринка была старшая, поэтому ей приходилось взять часть забот о семье на себя. Ольга Петровна платила ей из своего скромного заработка за помощь. Маринка страшно при этом краснела, но деньги брала. Надо было собирать в школу братьев, в этом году младший Кирилл, должен пойти в первый класс. По вечерам помогала матери убирать магазин, где та подрабатывала техничкой. В чем только держалась душа в этом хрупком теле, на котором сарафанчик болтался как на тонкой веточке.

Сели за стол, ели почти в полной тишине, если не считать звуков, издаваемых челюстями и ложками. Максим с Романом, потому, что очень хотели есть. С утра только и успели поставить вещи в комнату, да по пути съесть по пирожку с картошкой. Ольга Петровна потому, что с любовью наблюдала за тем, как ее подопечные с аппетитом уплетают приготовленный ужин.

Когда с трапезой было покончено, у Романа слипались глаза от усталости. Он поблагодарил за ужин и ушел в комнату. Там не раздеваясь, упал на кровать и тут же уснул.

Спал крепко, во сне видел черно-фиолетовое небо в зареве багрового солнца и взрыв космического корабля. Проснулся оттого, что испытывал чувство страха, сковавшее его словно тисками, сердце бешено колотилось в груди. В висках стучало, разболелась голова. Антонов вышел во двор, там были уже сумерки. С разных дворов доносились звуки разных жизней. Где-то с права доили корову и кололи дрова, с лева, – детишки, плескаясь в речке, визжали и смеялись, через дорогу звонко лаяла собачонка. Антонов опустился на скамейку под окном с расписными ставнями. Пахло смесью скошенной травы, садовыми цветами и коровьим навозом. Почему-то этот запах показался ему родным и знакомым. Но тут же логика оборвала ход его мыслей, – как может казаться запах знакомым, если он всю свою сознательную жизнь прожил в городской квартире. Он, конечно, выезжал с родителями отдыхать за город, на море, в горы, был с друзьями на их дачах, но такого запаха нигде и в помине не было, он бы его запомнил.

Тихо подошла Ольга Петровна:

– Слышала, тяжелый выдался день у тебя? – спросила она.

– Да, не простой, – отозвался Роман.

– Ну, ничего, молодец, справился. Жаль, только бабушка мальчика умерла, сердце у нее большое было. Как он теперь без нее будет? Матери он не нужен, у нее новый муж, третий или пятый по счету, и неизвестно последний ли? – вздохнула Ольга Петровна. – Ее несколько лет назад лишили родительских прав. Теперь вот и бабушка умерла.

– А у вас есть родные? – спросил Роман.

– Из родни у меня, один зять, Иван. Дочь моя, Лиля, пропала двадцать три года назад. Я в розыск подавала, но ее так и не нашли. Может и в живых уже нет, – снова тяжело вздохнула она. – С тех пор Иван, зять мой запил, так и не женился больше, все ее ждет. Раньше подавал большие надежды в медицине. Сам он из Томска, ради Лили сюда переехал, работу престижную в клинике оставил, домик купил по соседству, в больницу нашу пошел работать. Хирургом, как ты был. За ним даже из соседних городов приезжали, да и в Томск звали обратно, но он все Лилю ждал, да вот и сломался. Зимой как-то, снежно было, мороз лютый стоял, прибежали за ним из больницы, девочку срочно оперировать нужно было. Он операцию провел, а потом выпил лишнего, за удачный ее исход. Надо бы ему остаться до утра в больнице, но он пешком домой пошел. Боялся, что Лиля придет, а его дома нет. Ночью автобусы не ходят, да и снегу было не проехать. В общем, устал он, сел в сугроб отдохнуть, да и уснул. Нашли его под утро, сам выжил, а руку правую отморозил, ампутировали ее почти по локоть. С тех пор он еще больше запил, несколько раз из петли вытаскивали. Оно конечно понятно, жена пропала, профессии лишился, инвалидом стал. Плакал он у меня тут, как же теперь Лиля отнесется к этому, зачем он ей такой нужен...

– Хороший он человек, несчастный только, – продолжала женщина. – Сколько раз говорила ему, женись, уже бы детей женил, а там бы, и внуки пошли. Так нет, все Лилю ждет. То, что я жду ее, – это понятно, – я мать. Надеюсь хотя бы что-нибудь узнать о ней или на могилку сходить, если нет ее в живых...

Ольга Петровна отвернула в сторону лицо, чтобы Роман не заметил слезы скатившейся по щеке, и продолжала, – знаешь, самое трудное в жизни, это жить в неведении. А он, почему ждет, не знаю? Ведь столько лет уже прошло, целая жизнь...

– Любит, наверное, – тихо отозвался Роман.

Пока Ольга Петровна рассказывала о своем зяте, в душе у него, что-то переворачивалось. Вот значит, какая она любовь, совсем не такая, о какой он слышал от своих друзей и сокурсников. Все их заверения – ничто, по сравнению с чувствами этого человека. Наверное, было в ней, этой Лили, что-то особенное, неповторимое, ради чего ее ждет этот человек столько лет. Интересно посмотреть на ее фотографию, подумал Роман, а сам спросил:

– Долго они вместе прожили?

– Полтора года всего. Детей не успели нажить. Может, если бы родился ребеночек, все по-другому сложилось. Да и у меня был бы внук – как ты, а может еще и внучка как Маринка. Да не судьба видно, – в очередной раз вздохнув, и украдкой смахнув слезу ответила женщина.

Головная боль Романа стала проходить, легко ему было рядом с ней. Какая-то внутренняя сила была в этой женщине и «вселенский» покой, все казалось каким-то близким и родным, а почему, Антонов не мог себе объяснить. Возле его ног терся рыжий упитанный кот, заискивающе заглядывал в глаза Романа, и мурлыкал.

– Что, проголодался прохвост? – меняя тему разговора, спросила Ольга Петровна, обращаясь к коту. – Как мышей ловить, так тебя днем с огнем не найдешь, а как спать, да есть – ты тут, как тут.

Кот поднялся на задние лапы, а передние положил на колени хозяйки, сложил на них свою хитрую морду, и замурлыкал так, словно завели маленький трактор. Роман улыбнулся и взял кота на руки.

Отворилась калитка, вошла худенькая женщина лет тридцати пяти, и не обращая внимание на Романа обратилась к пожилой женщине.

– Здравствуйте, вы Ольга Петровна?

– Да, я – ответила та.

– Вас мне рекомендовала Круглова Лида, она лечилась у вас, так что вы моя последняя надежда, – трясущимся голосом добавила женщина.

– Ну, я не Господь, но чем могу, постараюсь помочь. На что жалуетесь? – спросила Ольга Петровна.

– Сын болеет у меня давно, чахнет на глазах, нет в нем энергии, как будто жизненные силы покидают его. Анализы у него нормальные, не могут поставить диагноз. Он почти ничего не ест, ничем не увлекается, ничем не интересуется. Лежит целый день на кровати, смотрит в одну точку и молчит, – заплакав, рассказывала женщина.

– А сколько лет вашему сыну? – поинтересовался Рома

– Десять, – ответила женщина.

– Сколько времени у него это длится? –спросила Ольга Петровна.

– Три года уже, – всхлипывала женщина...

Рома поймал себя на мысли, что правильнее было бы отправить женщину с сыном к психологу или психиатру, а еще лучше к психотерапевту. Но, обратив внимание на нагруженные руки женщины со вздутыми на них венами, давно вышедшую из моды одежду, понял, что ей это не по карману, да и где здесь в глуши можно найти таких специалистов, если и в местной больнице нет ни реанимации, ни хирурга, ни других специалистов.

Вновь распахнулась калитка – это пришел Максим, вид у него был нервный, видимо сказала усталость ходить пешком, и скорее всего, со Светой тоже ничего не вышло, пришел к выводу Роман. Рыжий кот тут же побрел ленивой походкой к новому объекту – Максиму. Тот слегка отпихнул его ногой, поздоровался с хозяйкиной гостьей и прошел в дом. Рома пошел вслед за ним.

Уже в комнате он спросил:

– Ну, как прошло знакомство?

– Нормально, – буркнул он. Я пришел, Светка для виду посидела полчаса, и ушла на какую-то встречу. А Ленка с Тоней, весь вечер расспрашивали меня о тебе.

– А почему ты Андрея со Славкой не взял с собой? – спросил Роман.

– У Славки видите ли футбол начался, а Андрей отказался, как и ты, – с раздражением в голосе отозвался Максим.

Роман улыбнулся и произнес:

– Нос erat fatis.¹

– Да, ну тебя, отмахнулся Максим – пойду приму душ, и спать.

– Прими, прими, – с иронией в голосе произнес Роман.

Так называемый душ, представлял собой покосившуюся баньку с прогнившим полом, тазом нагретой кипятивником воды и старым алюминиевым ковшиком.

Ночью Антонову не спалось, он смотрел в открытое окно на звездное небо и макушку плакучей ивы, и думал о своей жизни. Интересно, как сложится она дальше. Может быть, он станет известным хирургом, и к нему будут со всех концов страны приходить, приезжать люди, и он будет их последней надеждой, как его квартирная хозяйка. А может быть, он влюбится, в какую-нибудь провинциальную девушку, как зять квартирной хозяйки, и ради нее бросит все, уедет далеко в глушь, и будет жить простой, деревенской жизнью. Интересно, какая она, любовь? Он ее еще не испытывал, даже не увлекался ни кем. Все окружающие его девушки казались ему жителями других планет. Не было в них настоящих живых чувств, были они хищницами и охотницами, жертвами и маньячками, красивыми и не очень, но все они были далеки от него и холодны, как разделяющие миллионами километров их пространство.

В открытое окно запрыгнул с улицы рыжий кот, посидел на подоконнике принялся и ловко спустился на кровать Антонова. Постоял в ногах, обдумывая, где бы ему лучше уместиться, и пошел по краю кровати к лицу Романа. Осторожно прилег у него на груди, уткнулся своей наглой мордой ему в шею, и затарахтел трактором. Под это мирное мурлыканье Антонов наконец-то уснул.

На этот раз снилось ему, что идет он по краю крыши городской многоэтажки, люди внизу кажутся ему муравьями, хаотично снующими по каким-то для них важным делам. Но Антонов смотрел на них сверху и думал, что все это ненужная суета, что главное не в этом, а в чем-то другом, а в чем именно, он и пытался разобраться ходя по краю этой крыши. Но как не пытался понять смысл жизни, так и не смог. От такого напряжения ему стало тяжело дышать, голова, словно горела в огне, ему было душно, не хватало воздуха, и он стал хватать воздух руками, в надежде зацепиться за него. Потом он оступился и полетел вниз, к людям-муравьям, но долететь до земли не успел, проснулся...

На голове шапкой лежал рыжий хозяйский кот, его густая длинная шерсть, свисая с кошачьего тела, забила Антонову нос, поэтому ему было тяжело дышать, а голове было жарко. Он резким движением скинул кота на пол. Тот недовольно пробурчал что-то на своем кошачьем языке, и запрыгнул на кровать спящего Максима.

Антонов потянулся, и подумал, – вот ведь рыжий гад, испортил интересный сон, не дал узнать в чем смысл жизни. На улице было совсем светло. Доносилось разноголосое пение петухов и мычанье коровы.

В комнату заглянула худенькая, любопытная Маринка.

– Ольга Петровна просила меня, чтобы я вас разбудила, – шепотом произнесла она, и добавила – завтрак уже на столе.

– Самохин, вставай! Нам пора на фронт, Родина ждет трудовых подвигов, – с иронией в голосе произнес Антонов.

Максим открыл глаза, потянулся, зевнул и заметив на своем животе кота, (у которого были прижаты уши и сузились в зеленые щелки глаза, от предчувствия того, что сейчас его опять сбросят) тихонько, взяв того за шкурку, опустил рядом с кроватью на пол. Кот тут же стал умываться и чиститься, недовольно поглядывая на возмутителей его кошачьего спокойствия.

¹ Нос erat fatis. – С лат. Так было суждено.

Позавтракав, отправились на растерзания к Губкину. Им предстоял ремонт и перестановка больничной мебели, потом разборка кладовки и много других дел и поручений. Они чувствовали себя «Золушками», которым все нужно было успеть, чтобы попасть на бал, вот только крестной феи у них не было.

Девчонки белили потолки, мыли окна, красили панели. Работа кипела, фронт отступал. В обеденный перерыв Роман заглянул к своему вчерашнему пациенту.

– Ну, как твои дела? – поинтересовался он.

– Хорошо доктор, а меня скоро выпишут? – быстро спросил мальчик, словно боялся, что Антонов убежит не ответив.

– Шустрый какой, надо чтобы все зажило, потом швы нужно будет снять, а потом посмотрим на твое поведение, – улыбаясь ответил Антонов.

– Это что, еще месяца два? – с грустью в голосе протянул Витька.

– Ну, я думаю, если больше с тобой ничего не случится, то обойдемся двумя неделями – заверил его Роман.

– Тогда ладно, – с облегчением согласился мальчик.

– Отдыхай, а я пойду пообедаю, – подмигнув пациенту, сказал Антонов и вышел из палаты.

С утра он уже наводил справки о мальчике у дежурной медсестры, поинтересовался, делали ли ему перевязку, какова температура, и, удовлетворившись ответами, пошел штурмовать кладовку вместе с Максимом и Андреем.

Обедали в больничной столовой, Максим без усталости рассказывал смешные институтские истории, стараясь привлечь внимание Светланы. Она томно бросала на него равнодушные взгляды свысока своей самоуверенной красоты, и старалась напустить на себя загадочность и неприступность.

Тихомиров ел молча, и украдкой поглядывал на девчонку с косой и веснушками, так же, как и Антонов, который внимательно изучал каждый ее жест, любую мимику на ее милом лице. Самохин представил ее Антониной. Была она хороша собой, русая коса ниже пояса, редкие веснушки придавали лицу выражение детской непосредственности. Но серые глаза, говорили о том, что не так уж она и проста, как кажется на первый взгляд. Была в них какая-то сила магнетизма, нет даже не так, «колдовская сила», поправил ход своих мыслей Антонов. Она даже не подозревает, как она красива, осенило вдруг его. Не умеет пользоваться этой силой и красотой. Вот Светлана, та искушенная штучка, знает, как понравиться мужчине, знает все свои достоинства и выставляет их напоказ, как бы приглашая всех обратить на себя внимание. Вот и сейчас, как бы невзначай она поправляет волосы, чтобы показать свою безукоризненную шею. Потом закидывает ногу на ногу, демонстрируя их длину и ровный загар. Все это делает плавно, ненавязчиво, но во всех этих жестах прослеживается тактика хищницы на охоте. А жертва – Максим, сам готов попасть в ее сети, надеть на себя ошейник, и пристегнуть поводок.

У Антонова был нюх на все виды женских особей, так про себя он их называл. Лену он отнес к разряду маньячек, она казалась ему из тех видов, которые готовы на все ухищрения ради понравившейся штучки. Причем, добившись, она будет всюду таскать ее за собой, демонстрируя ее всем своим приятелям и знакомым, не отпуская ни на минуту из своих цепких, ухоженных ничего не умеющих ручек. Не о какой свободе здесь речи идти не может. А если «штучка», вдруг захочет вырваться, то, скорее всего, здорово об этом пожалеет. Тут надо будет ждать момента, когда маньячке «штучка» надоест, и она сама без сожаления выбросит ее на помойку.

Такой же маньячкой была его мать. Отец смирился с этим, а может быть, ему нравилась быть жертвой, в отличие от Романа, который всячески пытался вырваться на свободу.

Тоня показалась Антонову другой, и не подходила не к одному из этих стереотипов, а может быть в ней сочетались все виды женского коварства, он это пока не понял. Но то, что

впервые в жизни он не мог определить женскую суть, стало для него «идеей фикс». Видимо именно эта загадка, и протянула тонкую нить в его сознании и невидимыми стежками пришила ее.

После обеда все вновь разошлись по своим объектам.

Ремонтируя больничную кладовку, Антонов невольно возвращался мыслями к обеденному столу. А ведь он не слышал ее голоса, она, наверное, молчала и слушала трель Максима. А сам Антонов по привычке разглядывал и давал характеристики всем собравшимся за столом. Интересно, смотрела ли она в его сторону? Разгадывала ли его, как он ее? Какое впечатление он произвел на нее?

Впервые в жизни его это почему-то волновало. В этот момент он оперся на неудачно закрепленную скобу, и она сорвалась. Антонов падая, решил ухватиться за другую, она была отколота и острыми краями разорвала ему ладонь. Упав на пол, он повредил себе плечо. К горлу подступила тошнота, плечо жгло и болело, с разорванной ладони тонким ручейком лилась кровь. Подбежал рядом работавший Андрей.

– Ромка, ты что? – с испугом спросил он.

– Хотел полететь, не получилось, – ответил Антонов.

Вышли в коридор, на шум прибежали девчонки, из кабинета выскочил Губкин.

– Быстро обработайте ему рану и перевяжите, – скомандовал он.

Девчонки исчезли. Но ладонь беспокоила Антонова меньше плеча.

– По-моему, я плечо выбил, – сказал он Губкину.

Губкин побледнел, и стал в надежде смотреть в сторону Максима и Андрея. Но те тоже переминались с ноги на ногу.

Что с них взять, подумал Антонов, – Самохин – фармацевт, Тихомиров – кардиолог, да и учится он только на четвертом курсе.

Прибежали девчонки. Раздвигая всех локтями, к нему рвалась неумеха Ленка, трясущимися руками она отматывала бинт, но увидев окровавленную руку Антонова приостановилась в растерянности...

Роме захотелось, как в фильме ужасов еще больше напустить на нее страху, например, пошевелить у нее перед глазами этой рукой, закричать и скорчить гримасу. Но он сдержал себя, да и больное плечо не давало волю движениям.

Тоня выхватила из ее рук бинт, (Антонов облегченно вздохнул и расслабился) промыла рану, смазала ее и ловко перевязала.

– Здорово у Вас получается, – похвалил ее Роман, и добавил – большое спасибо.

– Всегда, пожалуйста, – ответила она, улыбнувшись одними глазами и отошла.

Теперь он услышал ее мягкий, волнующий голос. Разглядел вблизи ее серые бездонные глаза, в которых можно было утонуть, русые мягкие волосы, выбивающиеся из-под косынки, редкие и такие милые веснушки, которые сочетались с белыми крапинками известки на ее смуглом лице. Такое лицо, подумал он можно снимать крупным планом в мелодрамах и триллерах. Одни глаза выражали все эмоции и чувства, не нужно было слов и жестов, все было понятно и так.

В ее глазах он прочитал, сначала страх, потом в них мелькнуло волнение, затем появилась уверенность в правильности своих действий. Как только она коснулась его руки, боль тут же стала проходить, веяло от нее надежностью и добротой.

– А как же мне быть с плечом? – поинтересовался Роман.

– Я, конечно, могу попробовать, но за стопроцентный успех не поручусь, – отозвался Губкин, – икнул издав легкий запах свежего перегара. – А так надо либо в область ехать, а лучше к бабке Лукерье идти, она практически все болезни лечит, во всяком случае, лучше областных специалистов.

– И где живет эта бабка Лукерья? – спросил Антонов

– В лесу, за городом, – ответил Илья Петрович
– Как мне ее найти? – не унимался Роман, плечо ныло тупой навязчивой болью. Эта боль была повсюду, – в голове, в солнечном сплетенье, в пояснице.

– Девчонки вы местные? – спросил Губкин, обращаясь к Тоне и Свете. На Лену он даже не посмотрел.

Тоня кивнула, Света отрицательно покачала головой.

– Проводи его, – обратился он к Тоне.

Полчаса ждали «карету» скорой помощи, в которую уж действительно осталось лишь впрячь пару, тройку лошадей, для скорости. Этот УАЗик, был старше Антонова лет на двадцать, и ломался через каждый километр. Во время вынужденных остановок Роман узнал очень много нового о названиях запчастей и инструментов, а также о самой машине и Губкине, причем в колоритном исполнении пожилого водителя. Наконец выехали из города, хотя пешком его можно было пройти гораздо быстрее. На «скорой» помощи, они преодолели это расстояние за два часа двадцать четыре минуты. Потянулась проселочная дорога, УАЗик прыгал на кочках как мячик, подлетали к потолку и Тоня с Романом. В конце концов, на очередной кочке машина подпрыгнула, уткнулась носом в высокую траву и замерла. Антонов понял, что больше им не суждено ехать, да и сил у него не оставалось, каждая кочка отдавалась нестерпимой болью, рука опухла так, что казалась надутой резиновой перчаткой.

– Еще далеко? – спросил Антонов.

– До леса нет – отозвался водитель, – а от леса до бабки Лукерьи еще километра полтора не меньше. Все равно я вас только до леса могу довести. А там дальше дороги нет, пешком пойдете.

– Мы и к лесу сами дойдем, так быстрее будет, – успокоил его Роман, – пошли, – обратился он к девушке.

Через двадцать минут ходьбы, за холмом появился лес. Сверху он казался черным и бесконечным, виляя, к нему бежала узкая тропинка, зажатая с двух сторон луговыми травами. Солнце пыталось помахать им из-за леса своими последними лучами. В траве звенел, жужжал, роился и стрекотал местный насекомый народец. Редко пролетали птицы, спешившие на ночевку. Ветер колыхал макушки травы и луговых цветов. Тоня шла впереди, подол ее платья качался в такт траве, а кисточка русой косы напоминала маятник часов. Если бы не сильная боль в руке, Антонов согласен был идти за ней долго и далеко, хоть на край света. Тишина и покой казались такими желанными, такими завораживающими. Он благодарен был Тоне, что она шла молча, видимо тоже наслаждаясь этой тишиной и покоем. Антонов пошарил по карманам в поисках сотового телефона, но его не было, – «наверное, выпал в машине, когда она скакала по бездорожью», – подумал он. – «Позвонить не получится, и время посмотреть тоже».

Когда подошли в плотную к лесу, солнце совсем скрылось из вида. Веяло прохладой, пахло ельником, тропинка становилась все уже, высокая густая трава постепенно сменялась реденькой малорослой, а потом мхом. Плечо еще сильнее заныло, каждый шаг отдавал острой болью в висках. Антонов шел на автопилоте в полуобморочном состоянии за светлым платьем девушки, уже не различая деталей. Чем глубже они заходили в лес, тем темнее там становилось. Вдруг светлое платье резко замерло на месте. Антонов чуть не врезался в него.

– Что случилось? – спросил он.

– Я не знаю куда дальше идти. Темно. И я тут никогда раньше не была, – дрожащим голосом выпалила Тоня.

– Зачем же ты пошла меня провожать? – с растерянностью в голосе вновь спросил Антонов.

– Не знаю, Илья Петрович сказал, я пошла. Да и не думала, что мы так долго ехать будем. Мне кажется, что идем мы уже часа три, а в лесу никаких признаков жизни не видно, – упавшим, голосом ответила девушка.

– А ты с тропинки не сходила? – поинтересовался Роман.

– Нет, она одна была, а теперь вдруг закончилась, – с тревогой отозвалась та.

Антонов понял, что девушка перепугана. В темноте он не видел ее лица, но оно представилось ему таким же, как перед операцией мальчика. Тогда он подумал, если он сию секунду не примет решение, то она умрет раньше мальчика. Теперь по ее голосу он понял, что она в таком же состоянии. Ему самому хотелось взвыть от безысходности, опустится сейчас прямо на мягкий мох и дать волю чувствам и покричать на этого «Ивана Сусанина» в светлом платье, и даже позаимствовать пару, тройку фраз из лексикона водителя УАЗика. Боль и паника подступились к горлу и застряли в нем колючим комом. Надо было что-то сказать этой глупой девчонке, пока с ней не приключилась истерика. Но что сказать? Что сделать? Голова не работала, мозг был занят подавлением боли и страха. Воображение рисовало мрачную картину: они никогда не выберутся из этого леса, найдут их разложившиеся тела какие-нибудь грибники лет через пять, если еще раньше их не найдут какие-нибудь милые звери из породы псовых.

– Ладно, давай присядем, а то я уже плохо соображаю от боли, – предложил Роман.

Тоня кивнула, скорее, угадал, чем увидел он. Сели там, где остановились. Антонов вынул из кармана зажигалку, она была снабжена мини-фонариком. Посветил на тропинку, ее действительно было не различить, причем и в обратном направлении она тоже исчезла.

– Давно тропинка пропала? – обратился он к девушке.

– Минут десять назад, – отозвалась Тоня.

– Почему ты сразу не сказала? – почти простонал Антонов.

– Думала, стемнело вот и стало плохо ее видно, – ответила та.

– Придется просидеть здесь до утра, – заключил Роман и попытался опереться спиной о дерево. – Звери тут водятся? – опять обратился он к девушке.

– Наверное... Точно не знаю, – с еще большим волнением отозвалась она, и подвинулась ближе к Роману.

– Странная ты, – живешь здесь всю жизнь и ничего не знаешь, – чтобы отвлечь девушку от страшных мыслей завел разговор Антонов.

– Я детдомовская, в этот городок меня перевели десять лет назад в интернат. На экскурсии нас не водили, достопримечательности не показывали, если и отпускали погулять, то ненадолго. Сказки и истории на ночь рассказывать было некому. Слышала я о бабке Лукерье от нашей интернатской медсестры: что лечит она заговорами, да травами, что ходят к ней люди со всего городка и даже приезжают из близлежащих деревень и поселков, что живет она в лесу, за городом, а больше ничего не знаю, – с раздражением проговорила девушка.

– Ладно, не переживай, выберемся, – скорее успокаивая ее, чем себя заключил Антонов.

Усталость брала свое: хотелось есть и спать одновременно, но плечо не давало покоя. Ноги гудели от пройденных километров. Хотя бы воды попить, чтобы желудок немного успокоился. Антонов закурил сигарету, он не был заядлым курильщиком, вполне мог обходиться без этого, но в экстренных случаях ему хотелось затянуться, чтобы подумать или успокоиться. Сейчас был как раз такой момент.

Может быть, развести костер, или идти назад, соображал он. Надо было отдаться Губкину на русское «авось». Лучше уж он бы вправил мне плечо, чем неизвестно какая бабка Лукерья. Может быть, она совсем не костоправ, а костолом какой-нибудь. Эта, вон еще Антонина «Сусанина», сидит, трясется, прижалась к нему, как будто он сможет ее защитить от волков или медведей одной рукой. Единственное, что он сможет сделать для нее, так это попросить лесных зверей, чтобы они съели его первым. Хотя надо отдать ей должное она старалась не подавать виду, что боится, и тряслась в сантиметрах пяти от Романа. Но он ощущал бы ее

дрожь, даже если бы она была от него на расстоянии пяти метров. Хорошо, что не истеричка, не рыдает, не бьется в предсмертных конвульсиях, а сидит молча.

Послышался шорох, как будто кто-то подкрадывался к ним, старался не шуметь и не наступать на сухие сучья. Антонова накрыло горячей волной, он быстро затушил сигарету, в его мозгу пронеслось: вот она смерть подкрадывается, чтобы нанести свой когтистый или зубастый удар. Он вскочил на ноги, схватил здоровой рукой девушку и толкнул ее так, чтобы она оказалась за его спиной, а сам повернулся лицом к приближающемуся звуку:

– Кто здесь? – спросил он, обращаясь к шороху, и машинально ища в джинсах зажигалку, чтобы осветить, туда, откуда он доносился.

Шорох затих. Никто не отозвался. Наконец Роман нащупал кнопку фонарика, узкая полоска света выхватила то ли пенек, то ли кочку, на секунду показалось, что эта кочка шевельнулась и замерла. Антонов почувствовал, как мурашки пробежали по его коже, обдало холодным потом, он даже забыл о своем больном плече, нагнулся и стал лихорадочно искать на ощупь палку покрепче, не отпуская из виду кочку, что попала в полоску света. Но кочка больше не шевелилась.

Вдруг сзади вскрикнула Тоня и схватила его за больную руку. Антонов резко обернулся, что-то косматое замерло в метрах трех от них. Глаза его отдавали зеленым блеском, словно у кошки. Для волка большой, для медведя маленький, промелькнуло в сознание Романа. Надо было костер разводить, ругал себя он. Животные бояться огня, и так близко бы не подошли к ним. А теперь, они были легкой добычей для всех обитателей леса, включая «комаров-вампиров».

– Кто здесь? – снова спросил окружающее пространство Антонов. Но никто и не думал отзываться. Где-то вдали мелькнул огонек, а может, это только ему показалось. Но Антонов схватил девушку за руку, и потащил в том направлении, где только что замаячил хоть какой-то призрак жизни. Чувство времени как-то пропало, и сколько они шли, или бежали ни Роман, ни Тоня сказать не могли. К моменту, когда взошла луна, они оказались на небольшой лесной поляне. Где-то в траве журчала вода. «Ручей» – подумал Антонов, надо умыться и попить. Лицо и руки были исцарапаны в кровь, потому, что приходилось почти на ощупь пробираться через валежник и молодой ельник.

Когда напились и умылись, Роман спросил:

– Слушай, а у тебя сотовый есть?

– На зарядке остался в больнице, – ответила девушка.

– И я свой в машине посеял, – посоветовал Роман.

– Почему мы сюда пошли? – спросила его девушка.

– Мне показалось, что где-то здесь свет был. Я подумал, может быть, это люди, – объяснил Антонов и добавил, – давай костер разведем. А то опять придется бегать.

Начали собирать хворост и сносить его на середину поляны. Одной рукой Антонову было не удобно, да и каждое движение отдавало острой болью, которая из плеча, казалось, перетекла в грудную клетку, и теперь ныло все тело. Но Роман старался не думать о боли. Больше всего на свете, ему сейчас хотелось, чтобы скорее наступило утро, и они нашли дорогу обратно. Боль уже казалась ему не столь важной. Сейчас важным было выжить, и не удариться в панику, чтобы не напугать девчонку, которая доверяла ему и надеялась, что он ее спасет. Сам на себя Антонов не надеялся, но страх постепенно отступил.

Они разожгли костер, пламя осветило близлежащие деревья и кустарники. Кустарник оказался калиной. Оранжевые ягоды бусами свисали с веток. Есть ее еще было рано, спеет она поздней осенью, да и на вкус горчит и вяжет во рту.

За калиновым кустом Роман разглядел сухую корягу. «Надо ее в костер подбросить» – подумал он. Встал и пошел к калине. Под корягой лежал большой камень-валун, что-то привлекло внимание Романа к нему. Он достал зажигалку, включил фонарик, здоровой рукой

смахнул с камня кору и старые истлевшие листья. Там было изображение чего-то, но разобрать было невозможно. Роман поводит фонариком вокруг камня и увидел три тропинки, разбегающиеся в разные стороны. Как в сказке подумал он: направо пойдешь коня потеряешь, налево голову сложишь, а что случится, если прямо пойдешь, он не мог вспомнить. Но все равно ничего хорошего это уж точно. В сказках богатыри предпочитали либо голову сложить, либо коня потерять, и тогда им фартило, находили они меч-кладенец, Елену Прекрасную или Василису Премудрую, молодильные яблоки и другие сказочные вещи, а вот налево никто никогда не ходил.

Антонов подтащил корягу к костру. Тоня сидела и переплетала косу, пока бежали, ветки растрепали ей волосы. Они вились крупной волной и ручьем падали на землю. В свете костра она была еще прекрасней, и казалась такой хрупкой и незащищенной, что Роману захотелось прижать ее к своей груди и гладить по волосам. В этот момент он дал себе слово, что сделает все, чтобы ее вера в него нашла свое оправдание. Он отдаст свою жизнь, чтобы она жила, дышала этим густым ароматным воздухом, смеялась, ходила босиком по мягкому мху, чтобы она никогда в нем не разочаровалась. Как только он это понял, в его мозгу, как ему показалось, сработал какой-то механизм. Словно завелся маленький моторчик, мозг стал отдавать команды его телу: – нельзя здесь сидеть, надо идти, если не уйти сейчас будет беда, стучало в висках. Все тело сковало предчувствие надвигающейся бури, холодок пробежал по коже.

– Вставай, надо идти, – скорее приказал, чем сообщил он девушке.

– Но ведь мы не знаем куда идти, да и зачем тогда костер надо было разводить? – С недоумением подняла на него глаза девушка.

– Пойдем, надо идти, – уже схватив ее за руку, на ходу сказал Роман.

Он шел быстрым шагом, за ним еле поспевая, почти бежала девушка. Он был рад, что она не задавала ему вопросов, на которые он и сам не знал ответов. Он просто чувствовал, что надо было идти и все. Тропинка петляла между деревьями, как трусливый заяц, то пряталась под кустом, то опять появлялась перед глазами.

Лес неожиданно зашумел кронами деревьев, луна быстро пропала за облаками, в одно мгновение стало темно так, что невозможно было разглядеть собственных пальцев на руках, даже если поднести их к самым глазам. Роман включил фонарик на зажигалке, ускорил шаг, который плавно переходил в бег, увлекая за собой девушку. Темнота сгущалась, ее уже можно было ощутить не только зрением, она стала осязаемой, словно текла сквозь деревья. Антонов побежал со всех ног, не обращая внимания на боль, одна рука висела плетью, другая вцепилась в запястье девушки мертвой хваткой. Она не успевала за ним, но он знал, что скорость, это их единственный шанс выжить. Ветки деревьев били по лицу, цеплялись за волосы и одежду, вонзались острыми иголками и сучьями в кожу. Все тело жгло и саднило.

Впереди мелькнул свет, и тут же пропал за деревьями. Антонов спешил к нему, тропинка уходила вверх по холму, бежать стало тяжело, Антонов слышал биение своего сердца, оно хотело выскочить из груди. Сзади тяжело дышала Тоня, рука ее была холодная, наверное, он передал ей в запястье. Но Роман боялся ослабить хватку, он почему-то был уверен, если он хоть на миг разожмет свою руку, он потеряет Тоню навсегда, и тогда случится что-то непоправимое. Вихри ветра звенели в его ушах: «Не успеешь... Не успеешь... Не успеешь...». И уже из последних сил он втащил ее на вершину холма, дорожка побежала вниз, там был свет. Роман понял, что успел...

Как только они пересекли невидимую черту, разделяющую свет и тьму. Антонов тут же почувствовал, как земля уходит из-под его ног. Как свет расплывается перед его глазами, как что-то тяжелое наваливается на него и тянет к земле. У него не было больше сил сопротивляться, он закрыл глаза и утонул в темноте.

Глава 5 «Предназначение»

Тоня стояла на островке тусклого света, который падал от свечи в старинной лампе, в руках пожилой худощавой женщины. Тьма, что преследовала их по пятам отступила и затаилась в лесной чаще. Женщина склонилась над внезапно рухнувшим парнем, провела рукой по его лицу и груди и произнесла:

– *Ab initio!*²

Потом Тоней овладел страх, и что делала и говорила женщина, казалось ей странным и непостижимым. Она не понимала ничего, речь женщины казалась каким-то набором слов не относящимися ни к ней, ни к лежащему на земле парню, ни к врачеванию. Как будто та была в каком-то глубоком трансе.

– *Встреча – только начало, соединение будет в конце. Смерть одного неизбежна. Соблазн будет велик, тьма спустится на землю. Судьба Мира уже решена, он должен сделать свой выбор. Скоро настанет его час,* – заключила женщина, и тяжело вздохнула. Потом перевела усталый взгляд на девушку и добавила:

– У каждого свой путь, за человека в его судьбе очень многое решают другие, но главный выбор он всегда делает сам.

Затем она снова провела рукой по груди и лицу Романа, и глядя будто сквозь него, сказала:

– Иди в дом, там, на сундуке, лежит полотенце, а на печке стоит ковш с отваром, принеси их сюда.

Тоня только сейчас обратила внимание на то, что в лесу действительно стоял деревянный сруб. Домом его язык не поворачивался назвать, скорее он был похож на избушку только без курьих ножек. Дверь была приоткрыта. В щель пробивалась полоска тусклого света.

В избушке было тепло. Ее убранство состояло из потрескавшейся беленой печки, которую недавно протопили, широкой деревянной кровати, видимо срубленной из того же материала, что и сама избушка, стола с начисто выскобленной крышкой и двумя лавками по обе его стороны. На столе горела толстая восковая свеча. В углу висела полка с посудой. Посуда в основном была из меди и керамики, «скорее всего позапрошлый век», подумала девушка. К потолку избушки на разноцветные веревочки были подвешены небольшими снопиками разные травы, и сухие цветы. Пахло только, что приготовленным отваром. На сундуке под посудной полкой лежало льняное, домотканое полотенце. Взяв все, что просила женщина, Тоня вышла на улицу.

Женщина ловко навязала на полотенце большие узлы, обвила им плечо и предплечье Антонова стала потихоньку тянуть за его концы. Узлы помаленьку перемещались с места на место, пока все полотенце не прошло от плеча до локтя, лежащего без сознания на земле парня. По мере того, как все полотенце оказалось в руках женщины, она быстро развязала на нем узлы и сложила в несколько раз. Взяла из рук девушки ковш с отваром, приподняла голову Романа, и влила глоток жидкости ему в рот. Он пошевелился и стал приходить в себя.

Сквозь далекую черноту оторвавшегося сознания Роман почувствовал тупую боль. Она была далекой еле различимой, будто бы чужой. В ушах нарастал звон, казалось, что били в колокол над самой его головой. Этот звон достиг такого резонанса, что вот-вот должна была лопнуть голова. И вот этот звон так же резко прекратился, как и возник. Из глубины сознания донеслось бормотание какой-то женщины, затем теплом разлилась по телу сладковато-горькая жидкость и заполонила собой каждую клеточку организма. От этого тепла захотелось спать и

² *Ab initio!* (Лат.) С самого начала.

не просыпаться, по крайней мере, несколько часов. Но внутренний голос приказал открыть глаза, и Роман их открыл.

Перед ним на коленях стояла женщина, придерживая одной рукой его голову, другой держа ковш с какой-то жидкостью. По другую его сторону со свечой в руках стояла Тоня с перепуганным лицом и растрепанными волосами. Антонов оперся на локоть и ощутил, что боль в плече прошла, рука свободно двигалась и гнулась в локте, и даже опухоль начала спадать. Он сел, выпил остаток отвара, поданный женщиной, и почувствовал себя гораздо лучше.

– Спасибо, вы настоящая волшебница. Рука вообще не болит, как вам это удалось? – спросил Антонов.

– Помогаю избранным, – ответила женщина, заглянув в его глаза.

Этот взгляд был тяжелым, заглядывал в душу и мысли, словно сканировал рентгеном. Затем она взяла его за руку подержала ее в своих горячих ладонках и тихо, почти шепотом проговорила:

– Береги себя, и ее тоже, кивнув в сторону Антонины, добавила она, – тяжелые времена грядут, ты должен быть сильным... Удачи тебе.

Потом поднялась с колен, подошла к девушке, долго молча, смотрела в ее глаза, тяжело вздохнула, взяла из ее рук свечу и, махнув в сторону рукой, сказала:

– Дорога там... Вас уже ждут. Идите....

И не оглядываясь, пошла к избушке.

Роман взял Тоню за локоть, она вздрогнула, словно очнулась от оцепенения.

– Пойдем, нас ищут уже, наверное, – сказал он ей, и потянул в сторону, куда указала женщина.

Когда вышли на опушку леса уже рассвело. Шли не долго, примерно минут сорок. Впереди замаячила знакомая тропинка, бегущая к небольшому холму. Вчера за ним остался водитель со старым УАЗиком, – интересно, подумал Антонов, уехал он обратно, или остался их ждать? – Наверное, уехал, не ждал же он их тут всю ночь, – сам, мысленно ответил он, на свой вопрос. А вслух спросил:

– Слушай, а почему ее бабкой Лукерьей зовут? Она ведь еще не старая. На вид ей лет пятьдесят, ну пятьдесят пять не больше.

– Не знаю, – отозвалась Тоня, я ведь ее тоже никогда не видела. Да и странно все как-то. Почему мы сейчас шли по дорожке, и так быстро вышли к опушке. А вчера, по ней же, мы шли несколько часов. И что вчера вообще происходило в лесу? Что-то ведь нас преследовало. Я чувствовала это, ощущала каждой клеточкой тела.

Антонов и сам задавал себе этот вопрос, но ему было легче, он мог списать это на полуморочное состояние, на болевые галлюцинации, да на что угодно. Но Тоня, она ведь тоже все это видела и чувствовала. Значит, ему это не показалось, значит было реальностью, но что это было?

– И эта женщина, ее слова, она говорила по латыни, ты не находишь это странным? – продолжала девушка. – А как она смотрела на меня, мне казалось, что все внутренности вынули из меня, всю энергию выкачали. Мне стало так плохо, что казалось еще мгновение, и я потеряю сознание. Если бы ты не потянул меня за руку, я бы упала.

– А что она говорила? – спросил ее Роман.

– Ты знаешь, это было похоже на бред, вроде этого: «все только начинается кто-то с кем-то встретиться, чья-то судьба предрешена». Но главное не в этом, – она нас ждала. Как будто знала, что мы идем, и что у тебя повреждено плечо. У нее уже все было готово, – и отвар, и полотенце, – заключила Тоня.

– Наверное, ей позвонил Губкин, рассказал, что у меня с плечом, а пока мы с тобой по лесу бегали, отвар двадцать раз приготовить можно было, – заключил Антонов.

– Не знаю, мне показалось, что она не пользуется сотовой связью, да и вряд ли тут есть роуминг. В центре города и то связь ужасная, а на окраинах ее и вовсе нет, а ты хочешь, чтоб она в лесу была. Да и электричества тут нет, как она по-твоему, телефон заряжает, от свечи что ли, или от печки? – не сдавалась Тоня.

Антонов не успел ничего ответить, так как за холмом оказалась куча народа. Завидев Романа с Тоней, из толпы им на встречу бросился Губкин с криками:

– Слава богу, вы живы! Где вы были? С вами все в порядке? Мы вас уже четвертый день ищем.

– Как четвертый? – удивился Рома, – мы только вчера вечером с больницы уехали.

– Какой вчера, во вторник вы уехали, – возмущался Губкин, – Валерьяныч вас до утра прождал, потом сам к бабке Лукерье ходил, вас там не было, ну он в панике в амбулаторию, полгорода вас искать ходило, прочесали весь лес вдоль и поперек. Уже думали, если до вечера не найдем, то сгинете вы в этом окаянном лесу, а я под суд пойду.

– А сегодня разве не среда? – осторожно поинтересовался Роман.

– Суббота уже! Слушай, а ты точно только плечо повредил? Головой не ударялся? – Озадачено поинтересовался главврач.

Антонов не знал, что и подумать, неужели он три дня был без сознания. А как же Тоня? Почему она не сказала ему, что он так долго был в «отключке»? Но спросить он у нее ничего не успел, стая девчонок уже оттащила ее в сторону и обвинила плотным кольцом. Все бурно обсуждали их поиски, Губкин цепкой хваткой тащил Романа к машине. УАЗика не было, вместо него стояла грязная «Нива», за рулем сидел худощавый мужчина средних лет, его лицо было пепельно-серое и одутловатое, под глазами были мешки, в глазах читалась боль и грусть.

Завидев приближающегося Губкина тянувшего за собой парня, он вышел им на встречу из машины, и спросил:

– Ну, что нашлись? А то я уже спасателей вызвал из райцентра с кинологами. Надо позвонить пусть не приезжают. В этот момент его глаза встретились с глазами Антонова, он протянул левую руку для рукопожатия, и Роман только теперь обратил внимание на то, что вместо правой – у него протез.

– Иван Николаевич Северский, – представился он.

– Роман Антонов, – протянул в ответ ему руку, наконец-то вырвавшийся из мертвой хватки Губкина парень.

Народ стал расходиться. К «Ниве» подошли Максим с Андреем.

– Ну, вы даете, – с иронией в голосе начал причитать Максим, весь город на уши поставили. Мы две ночи не спали, в больнице такой переполох... Бабуськи-медики только и судачат о вас: сгнули, пропали, утонули в озере и еще кучу всяких небылиц напридумывали, сами на себя страху нагоняют, потом им сердцем плохо, давление скачет, мы только и делали, что их спасали, да выхаживали.

Андрей был чем-то расстроен, и явно всеобщей радости от того, что Роман с Тоней нашлись, не разделял. Единственный раз он улыбнулся, когда увидел Тонию живую и здоровую.

В прочем он никогда не отличался общительностью, старался находиться в тени, никогда не рисовался перед парнями и девчонками. Отличался старательностью и прилежанием. Никогда не пропускал занятия, много сидел за учебниками, на студенческих вечеринках замечен не был. Внешне напоминал медведя: высокий, широкоплечий, немного неуклюжий, с большими ручищами, сосредоточенным взглядом, часто напускал на себя взрослую серьезность и строгость, поэтому девчонки его как-то сторонились и даже побаивались, хотя явно он им был симпатичен. Но Андрей на них никакого внимания не обращал и на все их провокации не подда-

вался. У него была цель – стать первоклассным хирургом-кардиологом, и он к ней стремился изо всех своих «медвежьих» сил.

Он был приверженцем старых моральных устоев, сначала любимая профессия, достойная заработная плата, потом дом и дружная семья. Размениваться по пустякам у него не было ни желания, ни времени. А потому, ко всему он подходил основательно, долго обдумывал каждую мелочь, каждую деталь, и только потом принимал решение.

Так было и с поступлением в медицинский институт. Родители Андрея были далеки от медицины, отец был строителем, мать – воспитателем в детском саду.

В детстве Андрей мечтал стать архитектором, чтобы по его чертежам строились красивые, необычные здания, чтобы в жилых домах были уютные просторные комнаты. Чтобы у каждого члена семьи был свой уголок, где можно было побыть одному, отдохнуть и в то же время заняться любимым делом, почитать, послушать музыку, порисовать, да и просто помечтать в тишине никому не мешая. Но этой детской мечте не довелось сбыться...

Семья Тихомировых состояла кроме родителей и Андрея еще из двух человек, его старшего брата – Сергея, который пошел по стопам отца, и младшей сестры Вики. Жили они в двухкомнатной малометражной квартирке, где каждый сантиметр ее площади использовался с максимальной перегрузкой. Андрей с братом занимали спальню, мать с отцом и младшей сестрой гостиную. Один письменный стол делили на троих, всюду лежали учебные принадлежности: тетради, книги, альбомы. Обедали в кухне по очереди, потому, что вместе за одним столом не помещались. Сначала мать кормила отца и старшего брата Сергея, потом Андрея с Викой и с ними присаживалась сама. Поэтому свои проблемы обсуждали по отдельности. Андрей был в курсе дел Вики и матери, и никогда в курсе дел отца и брата. С Сергеем они общались редко, тот после обеда или ужина уходил из дома, или смотрел телевизор вместе с отцом. Мать занималась домашними делами, Андрей шел в свою комнату учить уроки, потом помогал их выучить сестре. Они с ней были родственными душами, у них совпадали интересы и желания, общие темы разговоров. Самой родной для Андрея была Вика, она понимала его, как никто другой, всегда поддерживала, восхищалась и гордилась им, Андрей же в свою очередь, был для нее надежной защитой и опорой. У них были свои секреты, они охотно ими делились друг с другом, вместе собирали деньги на кино или книги, потом обсуждали увиденное или прочитанное. Им было так хорошо вместе, что любое свободное время они старались провести в обществе друг друга.

С раннего детства Андрей гулял с Викторией, играл с ней, забирал из детского сада, потом провожал и встречал из школы, учил с ней уроки, разогревал обед, и даже мыл посуду, хотя это была ее прямая обязанность. Зато она с удовольствием ходила в магазин и выносила мусор вместо него. Вообще Андрей по натуре был домоседом, даже спортом он занимался дома. Делал зарядку, поднимал гири, тренировал спину и ноги. Только теснота, в которой они жили, всегда угнетала его. Ему хотелось простора, много места и света, чтобы у Вики была своя комната, где она могла бы рисовать свои эскизы, – она хотела стать дизайнером по интерьеру и ландшафту. Вместе с Андреем они мечтали открыть свою маленькую фирму, строить людям жилье, придумывать необычную планировку, авторскую не типовую мебель, и даже поклялись выполнять одно условие, которое было для них первостепенным, жилье должно быть капитальным, надежным и самое главное доступным. Чтобы каждая семья могла позволить себе большую квартиру или дом, где у каждого ее члена будет своя комната и много простора.

Но однажды мечта в одночасье рухнула. Вика тяжело заболела, у нее неожиданно для всех обнаружили порок сердца, и она стала угасать на глазах. Нужна была дорогостоящая операция за границей. Денег на нее не оказалось. Теперь большую часть времени Вика проводила в

больнице, а когда ей становилось немного лучше, она просилась домой, чтобы чаще видеться с Андреем. В эти дни он старался изо всех сил: поднимал ей настроение, уверял, что она гораздо лучше выглядит, что завтра ей непременно станет легче, и они обязательно осуществят свою мечту. Рисовал для нее новые проекты домов, предлагал подумать над их интерьером. На ее лице появлялась улыбка, в глазах теплилась надежда. В такие минуты мать уходила на кухню, якобы для того, чтобы вымыть посуду, включала там воду и плакала.

Отец реже стал появляться дома, брал сверхурочную работу, чтобы как-то насобирать денег на операцию. Все отказывали себе во всем. Брат перешел учиться на заочное отделение, устроился в охранное предприятие, дежурил сутки, через трое. В свободное время ходил подрабатывать вместе с отцом на стройку. Андрей после школы тоже приходил помогать отцу с братом. Матери пришлось уволиться с работы, чтобы ухаживать за больной дочерью. Вся семья сплотилась вокруг этого горя, и когда Вика засыпала, садились вплотную друг к другу за кухонным столом и молчали, но каждый, Андрей был в этом уверен, думал о Вике. Все хотели ей помочь, но не знали, как.

Как-то в очередной раз осенью, когда Вика лежала в больнице, Андрей ждал окончания обхода. Рядом сидела женщина с заплаканным лицом и теребила в руках носовой платок. Из палаты вышел врач, и подойдя к ней, не церемонясь, вынес приговор:

– Мы не сможем помочь вашему сыну, лечение положительных результатов не принесет, нужна операция, но у нас нет таких специалистов. Здесь нужен ас, операция очень сложная, в принципе у вас есть немного времени, чтобы собрать деньги и поехать за границу, но это большие деньги, но и там нужно встать в очередь, и если вам повезет, то мальчик будет жить. Я могу дать вам координаты хорошей клиники. Но больше ничем вам помочь не смогу.

– Доктор, – обратилась женщина к нему, – неужели у нас в России нет ни одного специалиста такого класса?

– Почему, есть, но очень мало, два – три человека, но очередь на операции у них распланирована на несколько лет вперед, боюсь, что вы не успеете ее дождаться, да и оборудования у нас такого нет. К нам в глубинку, специалисты такого класса не едут, предпочитают практиковать в Москве, в крайнем случае, в Санкт-Петербурге или выезжают за границу по приглашению и становятся там миллионерами, – печально заключил он.

То же самое сказали и матери Андрея, когда та пришла в слезах домой и сообщила им страшный диагноз Вики.

Сидя тогда в этом коридоре, он и принял судьбоносное решение, он станет тем самым асом, в котором нуждаются люди, он не поедет ни в Москву, ни за границу. Он останется здесь, в своем городе и будет спасать больных сердца детей, их матерей и близких. И если успеет, то спасет и свою сестру.

Той осенью Андрей перешел в одиннадцатый класс, занятия только начались, и если раньше он интересовался математикой, физикой, черчением, теперь все чертежи были заброшены, на письменном столе появились медицинские энциклопедии, биология, учебник по хирургии и кардиологии, по ночам он сидел в Интернете и изучал медицинские сайты.

Когда он получил аттестат и отнес документы в медицинский институт, школьные учителя очень удивились. Они прочили ему другое будущее, но семья Андрея поддержала. Конкурс был большой, но когда преподаватели узнали о причине его поступления, и его истинных намерениях, то решили дать парню шанс. И Андрей их не подвел. Скоро он стал лучшим на своем факультете, параллельно с учебой он устроился медбратом в больнице, просился на все операции, связанные с кардиологией, и уже на третьем курсе ассистировал у местных ведущих кардиохирургов. В его огромных ручищах инструментов не было видно, но руки его были ловкими, движения отточенными.

Тем временем деньги на операцию Вики были собраны, часть собрали сами, часть одолжили у знакомых, но большую часть взяли в кредит. После всех бумажных оформлений,

очередь в клинику теперь казалась бесконечной. Кардиохирург, рекомендованный лечащим врачом, операции проводил не чаще одной в неделю. К тому времени Вика уже все время проводила в больнице, где работал Андрей. Он часто сидел рядом с ней, держал ее за руку и убеждал, что это скоро закончится, и она станет снова веселой попрыгуньей и великим дизайнером всех времен и народов. Только надо чуть-чуть потерпеть, а главное не терять надежду.

Ухаживая за больными, он видел и других детей, и их родителей, которые также, как и их семья жили одной надеждой, и готовы были отдать все, лишь бы их ребенок встал на ноги. В соседней палате лежал сын той женщины, что сидела рядом с Андреем, когда он принял решение стать кардиохирургом, звали его Мишей, было ему восемь лет, состояние его ухудшалось с каждым днем, рядом с ним дежурили по очереди мать и бабушка.

Отец мальчика, не выдержал напряженной обстановки в доме и оставил жену с больным ребенком на руках. Ей приходилось работать на двух работах, чтобы хоть как-то продержаться. Мальчику нужны были дорогие препараты и витамины. Андрей даже боялся спросить встали ли они на очередь в клинику, нашли ли деньги на операцию. Эта чужая боль тоже стала ему родной. Когда в палате никого не было, Андрей сидел и с этим мальчиком, рассказывал ему разные истории из прочитанных книг, подбадривал его и внушал надежду, которая угасала с каждым днем.

Наконец-то Вике пришло приглашение на операцию. Нужно было лететь в Израиль. У Андрея в это время началась сессия. С сестрой улетела мать. Но целый месяц Вике ничего не делали, снова собирали анализы, занимались подготовкой к операции, да и хирург, который должен был её оперировать, уехал на несколько дней отдохнуть к теплому морю.

Все в этой клинике оказалось платным, и пребывание, и питание, и медикаменты, и даже все необходимые процедуры, а их требовалось не мало. Деньги, скопленные на операцию, катастрофически испарялись, а хирург все не возвращался.

Мать, прожив один день в гостинице при клинике, и узнав все расценки, жила теперь, где придется: на вокзале, в парке. Деньги на еду закончились, все средства уходили на лечение Вики. Все время в палате находиться ей не разрешали. Сжалилась над ней лишь пожилая иммигрантка, которая устроила ее в маленькое кафе ночной уборщицей. Хозяин разрешил ей поставить старую кушетку в кладовке между швабрами и ведрами, там она и жила. Денег, заработанных ею, хватало только на проезд и еду. Позвонив домой, и описав ситуацию, она надеялась, что домашние постараются найти деньги, но умом понимала, что взять их неоткуда, знакомым и друзьям они и так должны, а муж и сыновья, даже если сутками семь дней в неделю будут работать все равно не соберут такую сумму.

Когда, наконец, вернулся хирург, и назначили день операции, Вике вдруг стало хуже, и операцию перенесли еще на несколько дней. Деньги на нее муж и сыновья собирали по крупицам, набранных средств не хватало. Мать умолила хирурга все-таки сделать операцию дочери, а недостающие деньги обещала с процентами выслать чуть позже, и даже нотариально заверила все бумаги. Но было уже поздно, за день до операции Вика умерла.

В аэропорту вся семья встречала мать со специальным грузом, все оставшиеся деньги, собранные на операцию, ушли на оформление бумаг, транспортировку и сохранность этого «груза».

Мать постарела и осунулась, кроме безмерного горя над их семьей повис огромный долг. Пришлось продать свою отдельную квартиру, более-менее сохранившуюся мебель, и переселиться в коммуналку с клопами, крысами и тараканами. Но это не спасло, отдали только часть долгов, а в банке все росли проценты. Все работали только на них, не оставалось времени ни на отдых, ни на что другое. Старший брат Сергей бросил учебу, уехал на заработки на север, первые месяцы деньги высылал регулярно, но потом это стало случаться все реже и, в конце концов, он перестал их высылать, а потом и звонить. У отца от тяжелой физической работы и переживаний случился инфаркт, а потом инсульт. Мать, разрывалась между двумя работами

и домом. Отец лежал, ни на что не реагируя, а Андрею казалось, что он просто смертельно устал, и теперь лег и отдыхает за всю свою прожитую жизнь. Иногда по его впалой покрытой морщинками и немного обросшей щеке катилась слеза. В такие моменты Андрею хотелось бежать без оглядки, пока не останется сил, потом упасть в траву и рыдать в голос, от горя, от безысходности, от подлой и жестокой жизни, от несправедливости. Но он говорил себе, ты не можешь дать себе расслабиться, ты нужен людям, ты должен сделать то, что обещал, ни смотря, ни на что. И он с удвоенным усердием занимался, корпел над учебниками, так же подрабатывал в больнице, старался выполнить работу побыстрее, чтобы оставалось время для учебы. Даже во время назначенных врачом процедур, между капельницами и уколами, перевязками и обработкой инструментов он мысленно повторял пройденный материал, вспоминал лекции, заучивал определения, а между сменами разгружал вагоны на товарной станции. Дома Андрей практически не бывал, заносил продукты, деньги и опять пропадал на несколько дней.

В те очень редкие часы, когда он бывал дома, они с матерью вдвоем сидели за кухонным столом, пили чай и разговаривали на посторонние темы, боясь даже невзначай затронуть больные места. В эти дни, мать старалась приготовить что-нибудь вкусненькое, и самый лакомый кусочек клала ему на тарелку.

Но впереди Андрея поджидал еще один удар. После смерти сестры, он всей душой привязался к мальчику Мише. Видя, как его мать тоже выбивается из сил, он чем мог, помогал им. Приносил соки, покупал лекарства. Экономил на своем обеде и ужине, а иногда обходился только чем-нибудь одним. Некогда здоровый парень похудел, осунулся, одежда, которая раньше плотно облегалась его торс, стала слегка великовата. Только за счет накаченных мускулов он казался плотным.

Мать Миши сама не смогла собрать нужную сумму денег. В одной из очередей в банке по оформлению кредита, какая-то женщина посоветовала ей обратиться к своему знакомому, который смог бы ей помочь. Она встретила с ним, и несколько месяцев ходила словно одухотворенная. Человек обещал не только помочь с деньгами, но и поспособствовать определить Мишу в клинику без очереди, как только сумма будет собрана. Даже пригласил телевидение и открыл счет в банке, куда все желающие могли перевести денежные средства для больного ребенка. Ролик о Мише прогнали по местному каналу несколько раз. Человек заверил мать мальчика, что скоро все будет хорошо, что сумма приближается к намеченной, надо только оплатить эфир на государственном канале, и без зазрения совести взял собранные деньги у доверчивой женщины. Через неделю вновь встретился с ней и успокоил, что все устроил, что ролик выйдет через два дня, но деньги, поступившие на счет в местном банке нужно перевести в другой и открыть новый счет, а так как женщина очень занята, то он сам от чистого сердца поможет ей с этой волокитой. Но не через два дня и даже не через две недели ролик по государственному каналу не прошел. Сотовый телефон этого «добродетеля» не отвечал, деньги с банковского счета исчезли. Человек с именем Петр Васильевич Соловьев, оказался банальным мошенником. Милиция обещала помочь, но пока поиски не увенчались успехом. Скорее всего, Соловьев был уже каким-нибудь Канарейкиным, и грелся под пальмами в южных странах.

У матери Миши случилась истерика, которая переросла в нервное расстройство, а потом в психоз. Теперь ей самой нужна была помощь специалиста. Она перестала за собой следить, часто сидела в коридоре с отсутствующим взглядом и не решалась войти в палату к сыну. Иногда медицинские сестры рассказывали друг другу, что видели ее в таком состоянии в парке на скамейке, или на автобусной остановке, или подолгу стоящей в магазине или в аптеке. От мальчика естественно все скрывали, бабушка приходила реже и все плакала. У Андрея разрывалось сердце, он не мог вынести еще одного предательства. Ему хотелось ускорить время обучения, пройти стажировку у мировых светил, нужно было уметь наверняка проводить те сложные операции, в которых нуждались дети. Но время тянулось медленно, опыта у него пока

не было, и специалистом он точно себя не считал. Он как мог, облегчал состояние мальчика, тем самым, помогая себе справиться с горем, которое как ржа ело его изнутри.

Закончилась летняя сессия, наступило время практики. Андрея вместе со старшими ребятами с параллельных курсов отправили в маленький городишко Латуринск. Поселили их со Славкой Карауловым у бабы Фроси, так ее называли в городке. Для своих лет она была очень проворна и не в меру болтлива. Разговаривала всегда и со всеми: с квартирантами – парнями, соседями, мимо проходящими детьми, со своими двумя котами Кузьмой и Василием, с собакой Жучкой, с соседской коровой Майкой, с курами и поросенком Яшкой. Это бесконечное бормотание, причитание, сетование первое время выводило Андрея из себя. Но потом он привык к ним, и перестал обращать внимание.

Славка Караулов был большой любитель спорта, все вечера проводил, уткнувшись в телевизор, специально привезенный для этого, или в Интернет в телефоне. Андрея это вполне устраивало, он не любил подолгу общаться, не знал, о чем говорить, какую тему обсуждать, чтобы собеседнику было интересно. В большинстве случаев такому общению он предпочитал отмалчиваться и слушать других, либо отвечал односложно «да», «нет», «не знаю». Исключением была сестра Вика и мальчик Миша. С ними он мог говорить часами, и даже сам себе удивлялся, как легко находились разные темы, и ему даже не приходилось задумываться, что обсудить и о чем завести разговор.

Теперь Андрей находился в затруднительном положении. Впервые с ним происходило что-то необъяснимое. Его тянуло к этой строгой девчонке Тоне, которую он впервые увидел на практике. Ее волосы, глаза, движения, словно завораживали его. Рядом с ней он не мог дышать, сердце начинало предательски ускорять свой темп. Он боялся посмотреть в ее сторону, потому что ему казалось, она ослепит его, как солнце. Все валилось из рук, по ночам его мысли витали вокруг нее, он забывал о трудностях жизни, о несправедливости судьбы, и даже о своей святой цели.

После того случая в лесу, когда Тоня и Роман потерялись, в душе Андрея поселилось еще одно чувство, которое царапало, жгло, вызывало возмущение и гнев. Хотя Ромка Антонов был хорошим парнем, и у Андрея раньше вызывал только симпатию, теперь он стал ему казаться избалованным и слишком самоуверенным. А хуже всего было то, что Тоня с таким умилением и восторгом смотрела на него. Их что-то связало за эти три дня в лесу, но что, Андрей пока не знал, очень хотел узнать, но подсознательно боялся этой тайны.

За эти три дня он чуть не умер от горя и тоски. Ему казалось, если еще и с этим дорогим ему человеком случится непоправимое, он не вынесет, его сердце и так не зарубцевалось еще. Глубокие раны кровоточили и болели. Еще один удар, и это большое сердце разорвалось бы на мелкие осколки, как боевая граната.

Когда Андрей увидел Тоню с Романом, выходящих из леса, уставшими, но живыми, вздох облегчения разлил благодать по всему телу. Ему хотелось побежать, к Тоне обнять ее, потрепать запутанные волосы, зацеловать ее глаза, губы и не выпускать из своих объятий больше не на секунду. Но Максим схватил его за локоть и с силой потащил к «Ниве», куда только что, так же, как его, Губкин притащил Романа.

На все расспросы Роман отвечал как-то осторожно, тщательно обдумывая каждый ответ. Ничего вразумительного и точного сказать не мог:

– Да, они с Тоней заблудились, он потерял счет времени, находился в полубморочном состоянии, поэтому частично ничего не помнит, потом потерял сознание, а когда пришел в себя, рука не болела, ему показалось, что кто-то показал им дорогу, и они с Тоней вышли к людям.

Но Максим не думал отставать:

– Ну, а руку-то, кто тебе ее вправил? А эта Тоня-то, ничего красивая, можно было и на неделю потеряться. Она ведь местная, ни за что не поверю, что она не могла найти дорогу. Да и каждый в городе знает, где живет эта бабка Лукерья, но вас у нее не было. Эта девчонка просто положила на тебя глаз, и водила тебя по лесу, как Моисей евреев по пустыне, чтобы ты привык к ней, нуждался в ней, а потом она тебя спасла. Вот только рука твоя сюда никак не вяжется.

– Как ты меня достал! – огрызнулся Роман, – я тебе еще раз повторяю, я не помню. Может быть, я без сознания был, не соображал ничего, мне показалось, что мы только одну ночь по лесу и бродили. Мне было сильно плохо, я потерял сознание на какое-то время, возможно, я упал на вывихнутое плечо, и оно само собой вправилось, и рука перестала болеть. И тогда мне померещилось, что кто-то указал мне дорогу. Мы пошли, стало уже светать, и вышли на тропинку, а тут вы. Все!

– Надо будет у Тони спросить, пусть она расскажет свою версию, – не унимался Максим.

– Оставь ее в покое! – в один голос выкрикнули Роман с Андреем. Взглянули друг на друга, на секунду их глаза встретились и задержались. Роману на мгновение показалось, что эта фраза относилась и к нему. Затем они разошлись в разные стороны. Максим пошел вслед за Романом, Славка за Андреем.

Чувства Романа смешались, с ним впервые происходило подобное, никогда раньше он не испытывал их столько одновременно: и злость, и раздражение, и ненависть, и любовь, и ревность, и соперничество.

Так вот значит, как бывает больно, когда ты находишься между этими чувствами. Наверное, тоже самое, испытывает и Андрей Тихомиров. Роман вдруг вспомнил, с какой нежностью Андрей смотрел на Тоню, как трогательно улыбался сам себе, когда видел ее идущей по больничному коридору. В другой ситуации Роман поступил бы не раздумывая, он сам себе сказал бы: «зачем мне эта Тоня – Антонина, ничего особенного в ней нет. Завтра будет Таня, послезавтра Оля, Даша, Света и другие». Но не теперь. В нем проснулся инстинкт охотника. Он приложит максимум усилий, но эта девчонка будет только его девчонкой. Если понадобится, он перевернет Землю, разобьет в лепешку, преодолеет все преграды на своем пути, но добьется ее любви. Андрей конечно отличный парень, с нелегкой судьбой, он его уважает, и даже в какой-то мере восхищается его силой воли, его стремлением к цели, но сейчас, они по разные стороны баррикад, Андрей – сильный соперник, но последнее слово будет за ним, Романом Антоновым.

Он уже поклялся тогда в лесу невидимым силам, что отдаст жизнь за эту девчонку, и свое слово сдержит. А поэтому без боя не сдастся. Ведь не зря все это происходило с ними, это – его судьба. Роман это почувствовал там, как голодный зверь добычу, именно это помогло им выжить и найти выход. Именно он предназначен для нее, их связывает общая тайна, и они вместе будут ее разгадывать.

Глава 6 «Ящик Пандоры»

Антонов долго не мог уснуть в эту ночь. Даже смертельная усталость не помогала забыться. Мысли все время возвращались к одному и тому же: почему их не было всего одну ночь, а все говорят, что вернулись они только через трое суток? Кто, та женщина в лесу, которая вправила ему руку и указала дорогу, если не бабка Лукерья? И что вообще происходило в этом странном лесу? Не мог же он все это придумать. А может быть, ему действительно все это померещилось? Надо будет поговорить с Тоней, – решил Антонов. Обсудить что с ними случилось им так и не довелось, потому что их, как на ринге растащили в разные стороны и объявили таймаут.

Дальше его мысли стали кружиться вокруг Тони, ее растерянных глаз, ее растрепанных струящихся волнами волос, испуганного худенького тельца. Интересно кто она? Почему выбрала медицину? Что собирается делать после колледжа? Все эти и множество других вопросов всплывали в уставшем мозге Романа Антонова. Он старался представить себе, как они с Тоней будут говорить обо всем этом, как она расскажет ему о себе, как они будут, держась за руки, идти вдоль реки, любуясь вечерним закатом, как ему будет хорошо и спокойно. Эти мысли плавно вытекали одна из другой, и наступала пьянящая дремота. Только Антонов начал опускаться в нее, как вдруг из-за плакучей ивы, что росла у берега речки вышла темная фигура и преградила им путь, Антонов поднял глаза и увидел лицо Тихомирова.

– Вот, гад! Ведь почти уснул, – вырвалось вслух у Антонова. А дальше уже про себя добавил: «все так было замечательно, пока ты не выперся, что тебе надо в моем сне? Теперь точно не усну».

Мысли начали виться и жужжать вокруг Андрея Тихомирова, потом перешли на надоедливое Максима Самохина, который сопел теперь в две дырочки на соседней кровати и смешно раздувал щеки. Ему, наверное, Светка снится, а не всякие там Тихомировы, заключил Роман, повернулся на другой бок, и стал считать овечек.

Семьдесят третья повернулась к нему своей кучерявой мордой, и стала корчить рожу похожую на Тихомирова, семьдесят четвертая овца была похожа на Самохина, семьдесят пятая на Караулова семьдесят шестая на Губкина. Потом овца с рожей Губкина, хитро подмигнула ему, и начала рассказывать о предстоящем фронте работы. Откуда-то появился овца-Северский, который шевелил протезом вместо копыта и манил его в какой-то кабинет. Антонов шел по коридору за Северским в образе овцы, пока тот не остановился перед дверью с табличкой:

«Профессор медицины и секретных наук,

Бабка Лукерья.

Ведущий специалист в области парасихологии, хирургии, кардиологии».

Антонов хотел спросить у Северского, что значит «секретных наук», но Северский жестом показал ему: «Тихо!» И Антонов промолчал. Бывший хирург открыл скрипучую дверь, там было темно и сыро: «Как в лесу подумал Антонов», его с силой толкнули в темноту, он упал на коленки и стал обшаривать пол, потому, что Северский закрыл за ним дверь. Что-то теплое и мягкое дышало ему в нос. Роман подумал, что это, наверное, семьдесят четвертая овца снова начинает корчить ему рожу Самохина. Он попытался разглядеть ее, и изо всех сил раскрывал глаза, но ничего не видел, только услышал, как завелся трактор, а потом тракторист стал расталкивать и трясти его. Овца вдруг приобрела рыжей цвет и превратилась в кота, а тракторист обрел лицо Максима Самохина.

– Ну, ты дрыхнешь! Не разбудишь тебя. Вставай быстрее, Маринка уже два раза приходила звать на завтрак.

– Это рыжее чудовище когда-нибудь задушит меня во сне, – сбрасывая недовольного кота на пол, зевая и потягиваясь, произнес Роман.

Быстро позавтракав, пришли к больнице. На улице уже Губкин раздавал поручения девчонкам. Тоня стояла в белой косынке с кисточкой в руках, и в ответ, на указания Губкина молча кивала ему головой. Заметив приближающихся ребят, она улыбнулась, и махнула им рукой. Остальные девчонки тоже обернулись в их сторону и замахали.

Славка с Андреем расчищали кладовку, выносили старую рухлядь, которая уже не подлежала ремонту, скопленную предшественниками Губкина и им самим за время работы в больнице. Ту мебель и допотопную технику, что еще не совсем развалилась, и могла быть починена, по мнению главврача, следующими практикантами, выносу на помойку не подлежала. Максим с Романом аккуратно складывали ее в углу, так чтобы места хватило для новой рухляди, принесенной из палат.

В обеденный перерыв все снова собирались в столовой. Андрей специально, как понял Роман, задержался у крана с водой, заметив подхаживших к нему девчонок. Поэтому и Роман в обеденный зал сразу не пошел, хотя его туда с силой тащил Максим. Вкусно пахло едой, очень хотелось есть, но чувство соперничества было сильнее. Желудок предательски заурчал, но Роман не стал идти у него на поводу. Он достал сигарету, нехотя покрутил ее в пальцах, снова затолкал в пачку и подошел к девчонкам:

– Ну, как трудовое утро прошло? – поинтересовался он. Фронт работы выполнили? Без потерь и эксцессов?

– Нормально, – ответила Тоня, и улыбнулась. Ее глаза светились, и на душе Романа разлилось теплым бальзамом чувство блаженства.

– Кошмар какой-то, – отозвалась Лена Самохина, этот Губкин просто садист и маньяк. Я уже не чувствую ни рук, ни ног. А мой маникюр? Это что руки медицинского работника, фармацевта? – вытянув перед Романом свои длинные пальчики, пропела Лена. – Это руки доярной колхозницы! – заключила она тоном, не допускающим возражения.

– Колхозной доярки, – поправил ее Антонов.

– Какая разница, – не унималась Лена. – А волосы? Что теперь будет с моими волосами? Они пропитались этой вековой известковой пылью, я их теперь не отмою. У меня уже эта пыль впиталась в кожу, в легкие и, и...

– В мозги, – добавила за нее с иронической улыбкой Света.

– Я позвоню деду, пусть он накажет этого Губкина, у него есть связи, или заберет меня домой. Я больше не могу пахать здесь как на каторге, я ему не крепостная работница! – продолжала бушевать Лена.

– Крепостная крестьянка, – опять поправил ее Роман.

– Ой, куда ты не позвонишь! – услышал за своей спиной Антонов, голос Максима. – Дед палец о палец не ударит, – и изменив голос, пародируя деда, произнес: – «Леночка, ты должна быть сильной, в жизни надо уметь преодолевать трудности, учишь жить самостоятельно, как все. Благо не бывает вечным, оно ценнее тогда, когда ты сам его добиваешься».

Все засмеялись, а Лена метнула на него презрительный взгляд и театрально заплакав, уткнулась в плечо Антонова. Роман опешил. Что делать в такой ситуации? Он мельком глянул на лицо Тихомирова, тот стоял и довольно ухмылялся, Тоня повернулась и пошла в сторону обеденного зала, на миг Роману показалось, что она улыбнулась себе в плечо, Максим не скрывал своего счастливого, мстительного взгляда.

Все пошли обедать, а Роману теперь нужно было успокаивать эту «крепостную, доярную работницу».

На этот спектакль ушло сорок минут времени, все уже пообедали, желудок Антонова уже в голос подавал ему сигналы, издавая непристойные звуки, а Ленка все не унималась. Наконец, Антонов вырвался из ее цепких рук, уговори ее пойти поесть, набраться новых сил для вселенских подвигов во имя процветания медицины и хороших отметок по практике, а также рекомендаций «главврача-садиста».

В столовой они сидели одни, обед уже давно остыл, остальные отобедав вышли на улицу, и весело щебетали. В окно столовой Антонов видел, как Тихомиров с довольной рожей стоял рядом с Тоней, невинно улыбался ей, а сам ненасытным взглядом пожирал ее, радуясь тому, что так легко отделался от Антонова.

В столовой Роман еще двадцать минут слушал о бедах и несчастьях всех Самохиных, потом о конкретном невезении несчастной внучки, которая вынуждена прозябать в трущобах в лучшие годы своей жизни, а дед-тиран тем временем не желает им помогать и надавить на кого следует. Наконец обеденный перерыв закончился, и Антонов со вздохом облегчения, сообщил Лене, что ему пора на свой участок фронта.

Весь трудовой день Антонов ждал его окончания. Чтобы наконец-то поговорить с Тоней о приключении в лесу, обсудить так волновавшие его вопросы, узнать, что она рассказала девочкам об этом происшествии.

Фронт постепенно отступал, погруженный в свои мысли Роман, машинально, как робот выполнял свою работу. Самохин уже в десятый раз предлагал сделать перерыв, но он его не слышал. «Нить и жаловаться это у них семейное», – поставил диагноз Роман.

Губкин не мог нарадоваться своим практикантам. Все сделали хорошо, даже отлично, причем за короткое время. Остались сущие пустяки, на них уйдет еще пару дней, и ребят можно будет отпускать с хвалебными рекомендациями. Если бы не поиски этой потерявшейся парочки в лесу, то сегодня бы он их уже отпустил по домам на каникулы. Но три дня были потеряны, работа не клеилась, да и как тут будешь работать, если над тобой навис «Дамоклов меч», но слава Богу, все обошлось. Этот Антонов большая умница, операцию провел блестяще. Северский осмотрел мальчика и пришел к выводу, что у парня «золотые руки и голова», и что даже он не сделал бы ее лучше. На днях прооперированного мальчика можно будет выписать, родственникам он уже сообщил. Жаль, конечно, что бабушка умерла, но что поделать, так устроена жизнь.

За полчаса до окончания рабочего дня, прибыла машина с продуктами и медикаментами. И Илья Петрович попросил ребят помочь разгрузить ее. Андрей и Максим влезли в кузов грузовика и стали подавать ящики и коробки Роману и Славке. Работа спорилась быстро, не смотря на усталость, все хотели побыстрее разделаться с этим, как все надеялись, последним на сегодня поручением Губкина. У всех были свои планы на вечер. Но то, что случилось чуть позже явно не в чьи планы не входило.

Последний ящик оказался очень тяжелым и громоздким. Водитель объяснил, что его попросил по пути подвести и выгрузить в больнице, председатель соседнего колхоза, мол, это запчасти для ремонтной мастерской, в их машину этот ящик не поместился, они за ним приедут завтра и заберут. Сам он круг давать не будет, по «накладной» лишние сорок километров, он не поедет, «поди, потом объясни начальству, что ты не шабашил».

– Так, что выгружайте, господа-медики, мне еще обратно по вашему бездорожью два часа трястись, – похлопав по плечу Славку Караулова, заключил водитель.

Вчетвером они еле придвинули ящик к открытому борту машины, но как его снять, вопрос стоял открытым.

– Может скинем его? – предложил Максим.

– А вдруг там что-то хрупкое лежит, – возразил ему Антонов.

– У Андрюхи большой опыт по части разгрузки вагонов, пусть он нам предложит, как его снять, – кивнув в сторону Тихомирова, объявил Славка.

Уложили широкие доски, сделав тем самым из них подобие горки, обвязали ящик веревками и начали потихоньку спускать его, но на полпути он во что-то уперся и не двигался с места. Андрей отдал свой конец верки Антонову и спрыгнул с машины на землю, чтобы посмотреть, во что уперся ящик. И в этот момент произошло то, что никто не мог предвидеть.

Почему ящик вдруг не с того не с сего резко начал съезжать вниз по доскам? Роман уперся ногами в борт машины, но его сил не хватило, чтобы удержать его. Веревки впились в руки так, что трещали суставы, и казалось, сейчас ему их вырвет. Хилого Славку вместе с ящиком стащило вниз. Максим выпустил конец своей веревки, чтобы не полететь вниз за Славкой. Тихомиров видимо хотел задержать ящик снизу, видя, как Антонов из последних сил старается его удержать, и не дать рухнуть на Тихомирова стоящего внизу под ним, но тут веревка, как натянутая струна лопнула, Антонова откинуло назад в кузов машины, а Тихомирова как-то повело в сторону и притянуло к земле. В одно мгновение Роман вскочил на ноги и в один прыжок оказался на земле.

– Быстрее! – крикнул он Славке с Максимом, – поднимайте ящик. Руки, перетянутые веревками, онемели и не слушались его, но из последних сил собрав всю свою волю, он вместе с подоспевшими парнями приподнял ящик.

Рука Тихомирова напоминала кусок мяса, вываленного в грязи и соломе. Струйками по ней стекала кровь. Большой палец правой руки неестественно повис и напоминал раздавленный огурец.

Славке стало плохо, он как-то весь обмяк, побледнел и рухнул на землю рядом с Андреем Тихомировым.

– Какого черта переться в медицину, если ты такой слабонервный, – в сердцах выкрикнул Антонов. Схватил под руки Тихомирова, приподнял его и спросил, стараясь не смотреть ему в глаза:

– Ну, как ты? Сам дойдешь?

Тихомиров в ответ только кивнул и медленно побрел в сторону амбулатории, Антонов шел сзади. За те полминуты, что они шли к больнице в его голове пронеслись вереницы мыслей. Видимо за последний период жизни они ускорили свой бег до бешеной скорости, уж в том, что они опережали скорость звука, Роман уже не сомневался.

«Что делать?» – било барабанной дробью в мозгу, – артерия не задета, кости в пальце раздроблены, палец вырван, Господи, в этой больнице нет даже рентгена. Оборудование для микрохирургии тоже нет. Пока Тихомирова довезут до райцентра, уже поздно будет делать операцию, ткани отомрут и палец ампутируют. Прощай мечта, стать кардиохирургом. Делать операцию в слепую, собрать кости, пришить палец, а потом будь, что будет. По крайней мере будет с пальцем, отрезать его ему всегда успеют. А может не рисковать, вызвать вертолет со спасателями. На это уйдет время, вдруг потом его не хватит, чтобы спасти руку. А как сам Андрей отнесется к тому, что я буду делать операцию? Тут, ход его мыслей прервал сам Тихомиров, как будто прочитав его мысли:

– Собирай палец, все у тебя получится. Времени все равно нет, – заключил он.

После почти часовой подготовки к операции, собирании из подручных средств оборудования для ее проведения, и четырехчасовой сборки раздробленного пальца, Антонов не чувствовал ничего от усталости. Все силы покинули его, нервы были напряжены до предела, руки, перетянутые веревкой во время снятия ящика, еще давали о себе знать, и начали лихорадочно трястись, потому что во время операции Антонов приказал им выполнять все безупречно, от этого зависела дальнейшая жизнь и судьба человека, находящегося под его скальпелем.

Когда операция завершилась, и можно было перевести дух, Роман вышел на крыльцо амбулатории и уже по привычке уселся на него. Он пытался вынуть сигарету из пачки, но никак не мог этого сделать, в итоге закрыл ее и положил обратно в карман. Захотелось есть, но столовая уже была закрыта. Время давно перевалило за полночь, девчонки ушли в общежитие, Самохин вызвался их проводить. Славка Караулов после перенесенного стресса был отправлен

домой еще часа три назад. Губкина тоже выпроводили. Он все время винил себя, проклинал водителя, который навязал им этот ящик, еще больше председателя соседнего колхоза, который наверняка «умаслил» водителя.

– «Черный ящик Пандоры», а не запчасти, зачем я заставил вас его сгружать? Как же теперь этот мальчик будет жить? Сможет ли он стать тем, кем мечтал? – причитал пьяный Губкин. Он уже хватил неразбавленного спирта в ординаторской, занюхал рукавом медицинского халата, и теперь слезы ручьем текли по его морщинистым щекам. Никогда у меня не было таких замечательных студентов, как вы, но и никогда не было таких происшествий, то вы выбиваете себе плечи, то теряетесь, то пальцы отрываете. Что за напасть! Как будто вас заколдовали, – вытирая слезы, и всхлипывая, жаловался главврач.

– Все нормально будет, – успокаивал его, и Антонова Тихомиров. Ромка классный хирург от Бога, операцию провел уникальную, все срастется правильно, я чувствую это. Идите домой поспите, а завтра все наладится.

– Мне бы твоей уверенности, – произнес Антонов. Хорошо, что ты успел сам отскочить, честно говоря, я подумал, что ящик упал прямо на тебя.

Тихомиров с собранным и загипсованным пальцем присел рядом с Антоновым. Дежурившая сегодня пожилая медсестра согрела чайник, и раздала парням бутерброды с колбасой.

Ели молча, у Антонова не было сил разговаривать, а Тихомиров все это понимал. Медсестра принесла подушку на старенький диванчик в коридоре, Антонов с благодарностью опустил на нее голову и сразу же отключился. На этот раз он словно провалился в какую-то черную яму без всяких снов.

Проснулся от яркого света, бьющего по глазам из окна. Это солнце грело и щекотало его своими лучами. Больные и медицинские работники, пришедшие утром на работу, по просьбе все той же медсестры ходили на цыпочках, старались не шуметь, разговаривали шепотом, чтобы не разбудить Романа. Он потянулся на столько, насколько позволял диванчик, сощурил глаза от яркого солнца, встал и взглянул на часы. Уже был полдень. Вышел на улицу, вздохнул полной грудью летнего воздуха и пошел по направлению к крану с водой умыться.

В дальнем углу больничного двора он заметил девчонок, беливших с наружи хозяйственные постройки, но Тони среди них не было. Сначала Антонов хотел к ним подойти и спросить где она, но потом передумал. Там была Ленка Самохина, чего доброго опять начнет жаловаться и виснуть на него. Поэтому после водных процедур он пошел в палату к Андрею, узнать как дела, но его там тоже не оказалось. Кровь прихлынула к его щекам и ушам, мерзкое чувство подозрительности и ревности сверлило его сердце, мозг, душу.

«Спас на свою голову, палец пришел, самому веревками чуть руки не оторвало, а этот паразит клеится к девушке, которая вот уже несколько дней ему дороже всего на свете», – пронеслось в мыслях Антонова. «Но, а с другой стороны, разве он смог бы поступить иначе? Нет не смог бы», – сам себе ответил Роман. «Совесьть мучила бы всю оставшуюся жизнь и не давала покоя, он просто бы возненавидел себя. Вот такая у него натура, не может, да и не хочет он быть подлецом. А насчет Тони, решил для себя в этот момент Антонов, насильно мил не будешь, пусть сама сделает свой выбор. Тихомиров ведь, в конце концов, тоже не виноват, что влюбился в нее, да и хороший он человек, настоящий, надежный, без выпендрежа и тщеславия. Там у машины он тоже мог, просто отскочить в сторону, как Славка с Максимом, но держал этот проклятый ящик до последнего, чтобы мне руки им не вырвало. И о себе он подумал в последнюю очередь. Одним словом, достойный соперник. Он конечно мне не друг, но я бы хотел, чтобы он был им».

Снова войдя в душный коридор амбулатории, Антонов заметил там Северского, он о чем-то беседовал с Губкиным, у обоих под глазами были темные круги, и от обоих, наверное, несло перегаром, умозаключил Роман. Он хотел подойти поближе поздороваться с ними, но

из крайней палаты вышел Витька Силиванов, его первый пациент, в сопровождении Нинель и Тони. Увидев Антонова, он заулыбался, протянул ему, как взрослый руку, и важно произнес:

– Здравствуйте доктор, я уж и не надеялся вас увидеть, сегодня за мной тетка приезжает, вот иду собираться. Когда вы потерялись с этой, – махнул он головой в сторону Тони, – я плакал, думал, вас Черная Берегиня в озере утопила, но потом сказали, что вы нашлись, а ко мне все не шли.

Нинель поздоровалась, и пошла готовить мальчика к выписке, на ее лице ярким пятном красовался свежий синяк, который она пыталась скрыть несколькими слоями пудры. Запахом табака и перегара «благоухали» ее всклокоченные волосы. Тоня осталась с мальчиком, держала его за руку, как будто боялась выпустить.

– Прости брат, Илья Петрович, нас так работой загрузил, что я просто не мог к тебе вырваться, – ответил Антонов. Ну, как ты себя чувствуешь?

– Да, нормально, побежал бы уже, да эта не разрешает, – он опять махнул головой в сторону Тони, – ох и вредная она, что вы только в ней нашли? – заключил Витька.

– Не понял, ты, о чем? – удивился Антонов.

– Что я не вижу, что ли, как вы на нее смотрите, со мной разговариваете, а на нее смотрите, да и этот ваш другой доктор тоже, тот, которому вы ночью палец пришивали, с обидой в голосе пояснил Витька.

– А у вас тут слухи быстро разносятся? – с улыбкой спросил его Антонов.

– Так, это ж деревня, мы только называемся городом, а на самом деле, просто большая деревня. Все друг друга знают, все всё видят, больше-то заняться нечем, – со вздохом закончил Витька свою преамбулу.

– А она, – Антонов тоже махнул головой в сторону Тони, – не вредная, а заботливая. А бегать тебе не разрешает потому, что тебе только вчера швы сняли, нельзя делать резких движений, поднимать тяжелое, бегать, прыгать, а то они могут разойтись, и снова придется тебя зашивать, и в футбол играть ты тогда еще долго не сможешь, понял?

– Понял, понял, что тут не понятного. И отведя глаза в сторону, чтобы не показать наплывших в них слез, продолжил, – меня, наверное, теперь в интернат сдадут. Мать моя лишена родительских прав, у тетки своих детей трое, муж алкаш, живут в двухкомнатном бараке в Сосновке. Я им ясное дело не нужен.

– Ну, ничего, в интернате тоже люди живут, ведь ты туда не насовсем, а временно. Вырастишь, отучишься, будешь сам жить, как тебе захочется. Там и футбольная команда есть, правда тренер у них не очень, но ведь это не главное, – вступила в разговор Тоня.

– Откуда ты знаешь? – с недоверием покосился на нее Витька.

– Знаю, сама оттуда, – ответила Тоня.

– Так, у тебя тоже никого нет? – уже мягче спросил Витька.

– Никого, кроме Зои Михайловны, это медсестра из интерната, очень хорошая, добрая женщина, – улыбнулась Тоня, она хотела погладить мальчика по голове, но Витька отклонил голову в сторону и гордо заявил:

– Не надо мне этих ваших телячьих нежностей, я мужик, и не надо меня жалеть, сам справлюсь.

Тоня одернула руку и спросила:

– Слушай, Витька, а кто это «Берегиня»? Ты еще говорил, что подумал, что она нас в озере утопила.

– Да, сказки все это, бабушка рассказывала, что живут они в лесу, одна – добрая, другая – злая, что они могут менять возраст, кому-то являются молодыми и красивыми, а кому-то старыми и страшными, как баба-яга. Могут человека с ума свести, или в озере утопить, или в лес завести так, что тот заблудится и назад дороги не найдет. А грибки говорили, что иногда

они наоборот им дорогу домой указывали, чтоб не пропали в лесу. Да брехня все это. Говорю же сказки.

Вернулась Нинель, взяла вещи мальчика, и, шмыгнув носом, объявила:

– Идем, там тетка за тобой приехала, ждет уже.

Витька пожал руку Антонова, и уже повернулся, чтобы идти за Нинель, вдруг остановился и через плечо обратился к Антонову и Тоне:

– Ну, это. Спасибо вам. И до свидания, что ли. А в интернате, правда, нормально?

– Не бойся, самое главное будь человеком, и тогда к тебе будут относиться по-человечески, – ответила Тоня, – и добавила, – хочешь, я буду тебя навещать.

Витька заулыбался, глаза его заблестели, но радость в голосе он все же попытался скрыть:

– Навещай, если делать тебе нечего. И тут же спросил, – а как ты узнаешь, что я уже там?

– Узнаю, я туда каждую неделю хожу, по выходным, Зое Михайловне помогаю.

– А, ну тогда пока. И он побрел сначала медленной неуверенной походкой к выходу, но постепенно его походка становилась все уверенней и тверже.

– Этот пробьется, – заключила Тоня и вернулась в палату.

Сегодня она замешала заболевшую процедурную сестру. Ставить капельницы и делать уколы Губкин поручил ей. Так как Светка, по его мнению, была вертихвосткой, а эта Ленка и вовсе неумехой. У Антонова отлегло от сердца, и он пошел искать ребят.

– Молодой человек! Роман Иванович! – услышал он за своей спиной голос Северского. – Я хочу с вами поговорить.

Антонов остановился:

– Здравствуйте, Иван Николаевич, я вас слушаю, – отозвался Антонов.

– Хотел вам лично выразить свое признание, у вас золотые руки, вы провели воистину уникальную операцию, без специальной техники, без многолетней практики. Я восхищен! – Северский все время пока произносил свою хвалебную речь, тряс плечо Антонова своей целой рукой, и дыша на него перегаром, заглядывал в глаза. – Вы станете великим хирургом, я это чувствую. Жаль, что я не могу работать с вами, но видит Бог, мне этого очень бы хотелось.

На опухшем лице хирурга блеснула прозрачная слеза. Он был такой трогательный, такой искренний и такой несчастный в этот момент, что Антонову захотелось обнять его, утешить, сказать, что все еще будет хорошо, но он понимал, что хорошо для хирурга без руки уже не будет. Поэтому стоял, как истукан и не знал, что ему делать, и от этого ему становилось все хуже. Он боялся еще раз посмотреть в глаза хирурга, потому, что когда он это сделал в первый раз, там у леса, ему показалось, что в них есть что-то близкое самому Антонову, но тогда он не понял, что именно. Сейчас, когда их глаза встретились, у Романа мурашки пробежали по коже, он видел эти глаза раньше, этот взгляд, эту скупую слезу, не то разочарования, не то надежды, но где и когда не знал. «Дежавю не иначе», подумал Антонов, и перевел разговор на другую тему:

– Иван Николаевич, а как же вы тут работали в таких условиях, без оборудования, и специального персонала? Я слышал, что вы очень хороший хирург.

– Был когда-то хирургом, теперь так, никчемная личность, спившийся интеллигент, – с грустной улыбкой ответил Северский. – Когда теряешь смысл жизни, теряешь все.

– Но можно найти другой смысл, и тогда жизнь даст новый побег. Как старое дерево, сохнет, сохнет, потом его спилят, и кажется все конец ему, а оно пускает новые побеги и постепенно преобразуется. На нем появляются сначала почки, потом листочки, потом цветочки, а потом оно начинает плодоносить, – заключил Антонов.

– Наверное, вы правы, но я не могу определить, в чем должен быть этот новый смысл. Если бы у меня была семья, дети, то, наверное, смысл бы заключался в них. Но у меня нет семьи, теперь я еще и профнепригоден, – вздохнул Северский.

– Но вы могли бы учить нас молодых, ведь наверняка у вас большой опыт, много знаний, вы могли бы составить конкуренцию многим светилам отечественной, да я уверен и зарубежной хирургии. Вы ведь практиковали в тяжелых условиях, почти в слепую и все ваши операции можно назвать своего рода уникальными, – не сдавался Антонов.

– Конечно это сложно всегда идти на риск, потому, что нет выбора, и людям больше не от кого ждать помощи. Но одно дело теория, и совсем другое практика. А практиковать я больше не смогу, – почти шепотом произнес Северский, и продолжил, – практика теперь ваша прерогатива, вы теперь настоящий хирург, и если бы вы были моим сыном, я бы вами гордился. Мне не довелось присутствовать на ваших операциях, но Илья Петрович очень лестно отзывался о вас. Я очень хочу, чтобы вы и дальше развивали свой талант.

– Спасибо, Иван Николаевич за вашу высокую оценку, но я не считаю себя гением, просто так сложились обстоятельства, и кто-то свыше помог мне их преодолеть. Вы знаете, – после небольшой паузы продолжил Антонов, – мне иногда кажется, что это не я проводил операции, а кто-то незримый моими руками. Я знаю, это звучит нелепо, но все было именно так.

– Скромность вас еще больше украшает, молодой человек. Как бы я был счастлив, если бы у меня был такой сын. В вас есть что-то, что напоминает мне ее, какие-то неуловимые черты, природный магнетизм, который притягивает людей и уже никогда не отпускает, – объяснял Северский, скорее себе, чем Антонову.

– Я не понял, о ком вы говорите, Иван Николаевич, – перебил его размышления Роман.

– Ах, да, – как будто вспомнив о нем, остановился Северский, – простите ради Бога, старею, сам с собой начинаю вступать в полемику. Это я так, вспомнил былое. Как вас там, в лесу с девочкой, увидел, так каждую ночь Лиля стала сниться, жена моя. Ну, не буду вас задерживать, вы торопились куда-то. И сам резко развернувшись, почти бегом, пошел по коридору к выходу.

Антонов так и остался стоять с полуоткрытым ртом. Что имел в виду, этот странный хирург он не понял. Да и ход его мыслей нарушил Тихомиров вдруг появившийся из неоткуда:

– Здоров! Протянул он ему большую руку.

Антонов пожал ее чуть выше запястья:

– Как дела? Пойдем в перевязочную, посмотрим на результат работы. Сам как думаешь, получилось? Потянул его за локоть Роман.

– Если честно, то мне очень страшно, – остановился на полпути Андрей, – отек спал, ткани вокруг розовые, значит, палец приживется, но вот смогу ли я им работать, пока не знаю.

– Ты прости меня, если я сделал, что-то неправильно, или плохо. Я ведь не могу дать тебе стопроцентной гарантии, – посмотрев в глаза Тихомирову, произнес Антонов.

– Ты все сделал правильно, я смотрел за твоей работой. Лучший хирург, даже с большим стажем, едва ли сделал бы лучше. Андрей помолчал несколько секунд и продолжил, – Это моя судьба. Не знаю, уж за что она меня наказывает всю жизнь. Чем я провинился? Или предки мои? Но у меня есть еще одно дело, и я хочу его сделать. Не знаю только, успею ли, а теперь еще и смогу ли? – с грустью произнес он.

Глава 7 «Черное озеро»

В конце рабочего дня главврач Губкин собрал всех практикантов в столовой для заключительной речи. Он долго «пел» хвалебные оды, скорее всего впервые в жизни, так как до этого ему присылали полных бездарей и лодырей, поэтому на слова и комплементы он не скупился. Обещал дать всем прекрасные характеристики и рекомендовать преподавателям, поставить добросовестным студентам за прохождение практики оценку «отлично». Поэтому эту эстафету перенял бывший хирург Северский, трезвый на этот раз, в безукоризненном темно-сером костюме, белоснежной сорочке с галстуком в полоску. Его некогда темные, коротко стриженные волосы, посеребрила седина, но большие, голубые глаза, обрамленные пушистыми ресницами, оставались молодыми и подвижными.

«А он был красавцем», – подумал Антонов, – «и фигура некогда была атлетического сложения, только теперь изрядно похудела. Как могла эта Лиля сбежать от такого человека?» – уже не раз задавал себе вопрос Роман. Он никогда не интересовался чужими жизнями и судьбами, но теперь его как будто подмывало. Он хотел знать эту историю, словно его собственная жизнь, как-то соприкасалась с этим, зависела от этого, и должна была измениться.

«Я должен знать, почему», – скомандовал внутренний голос Роману. «Если я буду знать, то пойму, что произошло в лесу», – решил он. Хотя никакой связи Антонов в этом не видел.

Когда все стали расходиться, чтобы собрать вещи для завтрашнего отъезда, Роман специально задержался. Он нарочно копался в бумагах, потом в своем шкафу, а сам все время поглядывал на кабинет Губкина, чтобы не прозевать, когда оттуда будет выходить Северский.

Наконец дверь открылась, и Северский направился к выходу. Антонов быстро захлопнул свой шкаф и двинулся вслед за ним.

– Роман Иванович, вы еще здесь? – обратился бывший хирург к Антонову, – а я думал, что вся молодежь уже разбежалась, как только получила свободу, – пояснил он.

– Да, я как-то закопался, порядок в шкафчике и отчете по практике наводил, все как-то некогда было. А на квартире собираться мне не долго, вещей у меня мало. И выспался я сегодня от души, – соврал он. – Как-то привязался я к этому городку, сам не знаю почему. Завтра уезжать нужно, а совсем не хочется. Такое чувство, будто что-то не отпускает меня, – решил зацепить Роман за разговор Северского.

– А вы знаете, я тоже неоднократно пытался вырваться отсюда. Думаю, всё, хватит, не могу больше прозябать в этой неизвестности. Билеты покупал в разные концы страны, но как только доходило дело до отъезда, меня словно засасывало трясиной и не отпускало. Наплывали воспоминания, начинала болеть душа, и что-то останавливало меня в последний момент. А хотите я покажу вам билеты? Они у меня до сих пор хранятся, как часть тех воспоминаний, которые меня удерживают здесь, – предложил Иван Николаевич.

– Это было бы интересно, – заверил его Антонов.

– Тогда давайте поедem ко мне, чаю выпьем, у меня давно не было гостей, – обрадовался Северский.

Они сели в его «Ниву», и поползли по ухабистым дорогам маленького городка. В машине разговор в основном шел о ужасных отечественных дорогах и таких же автомобилях. Потом плавно перешел на медицинское оборудование и транспорт.

Подъехали к небольшому аккуратному домику, дорожка от калитки была выложена булыжником, по обе стороны которой пестрели разнообразные цветы и декоративные кустарники. Антонов ожидал увидеть заросшую бурьяном перекошенную избушку, но был странно удивлен порядку и чистоте. Домик был свежесмыелен, окна сияли своей чистотой, клумбы пестрели цветами, словно над ними поколдовал специалист-дизайнер.

– Лиля очень любила эти цветы, сама их посадила. Пояснил Иван Николаевич, видя, как Антонов разглядывает клумбы.

В доме был почти идеальный порядок, только несколько пустых бутылок из-под водки и коньяка, аккуратно составленных в углу, выдавали хозяина. На столе лежала чистая веселая скатерть, грязной посуды нигде не было видно. Даже пепельница сверкала своей чистотой. На стене висел портрет двух счастливых, молодых людей в свадебных нарядах. Они улыбались, нежно смотря друг другу в глаза, и веяло от них умиротворением.

«Странно, – подумал, глядя на фотографию Роман, – лица этих людей были ему знакомы, как будто он видел их раньше, потом забыл, а теперь пытается вспомнить, но не как не может».

– Это вы с женой? – спросил он у Северского, хотя сам уже давно об этом догадался.

– Да, это моя самая любимая фотография, – грустно улыбнулся Иван Николаевич. – И еще, пожалуй, вот эта. Он показал на комод, там стояло несколько фотографий в рамочках. На той, которую указал Северский, была изображена худенькая девушка с веснушками, лет семнадцати, на голове у нее был венок из ромашек и других полевых цветов. Она сидела на лужайке и заплетала волосы в косу. Антонов чуть не потерял дар речи, если бы не качество черно-белой фотографии, и не платье, которое вышло из моды лет двадцать назад, он мог с уверенностью сказать, что это была Тоня.

– Это Лилия, – пояснил Северский, – такой я увидел ее впервые, сразу влюбился, дышать даже боялся, мне тогда двадцать девять уже было. А она девочка совсем.

– Институт закончил, продолжал Северский, – меня сразу рекомендовали в клинику в Томск. Отец там мой тоже начинал. А до него дед, – его когда-то, за передовые идеи в хирургии, как врага народа отправили в Сибирь, практиковать в лагеря, а когда реабилитировали в пятьдесят четвертом, он так там и остался, не стал возвращаться в Москву. К тому времени женился уже, сын у него родился – отец мой. Так что у нас уже династия своего рода там образовалась. Да вот я подвел, наследника не оставил, тяжело вздохнув заключил он.

– Ну, а как же вы молодой человек, попали в медицину? – спросил Антонова Иван Николаевич, – ведь что-то вас подтолкнуло к выбору этой профессии? Случайные люди видны сразу, но вы к ним не относитесь.

– Честно сказать, я и сам не знаю, почему я пошел в медицинский, вы не поверите, но иногда мне кажется, что кто-то незримый управляет моей жизнью. А я всего-навсего выполняю его волю. Он знает, что нужно мне, а я подчиняюсь и делаю, – ответил Роман и стал разглядывать фотографии на комод.

– Этот незримый в психологии называется внутренним «Я», то есть подсознанием. И это внутреннее «Я», не возникает из неоткуда. Значит должна быть веская причина, вы можете ее не помнить, не знать, но она есть – это научно доказанный факт, – стал пояснять бывший хирург.

– Возможно, вы и правы, и я действительно не помню побуждающих моментов. Причем я никогда не думал, что когда-нибудь стану врачом-хирургом и даже не мечтал об этом. Родители прочили мне совершенно другое будущее. Они хотели, чтобы я стал каким-нибудь атташе, в одной из европейских стран, и прикладывали к этому максимум усилий, нанимали репетиторов по иностранным языкам, таскали меня по спортивным секциям и в музыкальную школу. Особого энтузиазма я не испытывал, но чтобы не огорчать родителей учился достойно, – излил свою душу Антонов.

Почему-то с этим мало знакомым человеком он чувствовал себя так свободно и расковано, что хотелось с ним разговаривать на любую тему, обсуждать наболевшие вопросы, слушать его. Веяло от него покоем, добротой и простотой. Он был из тех, кто выслушает любой бред и постарается понять и помочь. Антонов определил это сразу, потому и напросился в гости к Северскому.

– Похвально, молодой человек. Очень похвально! Современное поколение не всегда отличается сдержанностью и тактом, норовит все сделать по-своему, и это, наверное, правильно. Но есть рамки приличия, за которые, я считаю, они не должны выходить. Ваши родители, конечно, огорчились, что вы не стали тем, кем они вас видели, но я думаю, они простят вам, ведь профессия врача тоже социально значимая, ничуть не хуже профессии консула, или министра иностранных дел. Тем более вы прирожденный талант, этого нельзя не заметить. А все остальное вам пригодится в жизни, я уверен. И музицирование, и иностранные языки, а уж спортивные навыки подавно. Не каждый здоровый и атлетически сложенный выдержит нагрузки по несколько часов к ряду, стоять в операционной при этом у оперирующего напряжены все участки тела, включая мозг и зрение, я не говорю о руках, ногах, спине и так далее. Поэтому старания ваших родителей не пройдут даром, – заверил Антонова, Северский.

– Они уже смирились, и стали искать прелести этой профессии, – с улыбкой признался Роман, – мама даже стала гордиться моей профессией, и рассказывать своим подругам, какой прекрасный выбор я сделал.

– Ну, вот и замечательно, вы еще добьетесь признательности на этом поприще, я в этом несколько не сомневаюсь, – ободрил его бывший хирург.

– Скажите, Иван Николаевич, неужели даже в наше время найти следы человека, пропавшего два десятка лет назад нереально? – напрямую спросил Антонов.

Северский от удивления открыл рот, и несколько секунд так и стоял в замешательстве. Наверное, обдумывал, стоит ли отвечать на столь прямой вопрос, но Антонова это не смутило, а наоборот, позабавило.

Наконец он принял решение, и ответил:

– Хорошо, что вы спросили, все мои знакомые избегают говорить со мной на эту тему, даже моя теща, Ольга Петровна, хотя я знаю, она тоже страдает и мучается. А мне иногда так хочется излить кому-нибудь свою душевную боль. Вы действительно хотите это знать? – с надеждой в голосе спросил Иван Николаевич.

– Да, я очень хочу узнать всю эту историю от начала до конца. Дело в том, что я не могу разобраться в некоторых обстоятельствах, происходящих в моей жизни, понять свои мироощущения. И мне кажется, что ваша история, как-то связана с моей, – поспешил заверить его Антонов.

– Мне трудно уловить смысл ваших слов, но если я смогу вам помочь, буду очень рад, – закивал бывший хирург.

Пока шел этот диалог Северский накрыл на стол, заварил ароматный чай. Антонов отметил про себя, что движения его ни неуклюжие, а наоборот точны и легки.

– Этот чай, меня научила заваривать Лилия. Она придавала этому большое значение, считая, что чайная церемония, это целый оздоровительный ритуал. Сама ходила в лес собирать травы, ягоды. Сама их сушила, даже разговаривала с ними, как с живыми. И наблюдать за этим было каким-то волшебством. Глаз нельзя было оторвать, какая она была красивая в этот момент. Именно такую я увидел ее в первый раз, и сразу понял, что пропал. Та фотография, что стоит на комод, сделана в тот самый день.

– Вы пейте чай, он придает силы, успокаивает нервы, снимает усталость, – подлил в чашку Романа еще душистого янтарного напитка Северский, и продолжил:

– Мы тогда с друзьями собрались отдохнуть и поохотиться, я конечно не охотник, но знакомые ребята уговорили меня поехать с ними. И вы знаете, тоже история своего рода. Мы ведь хотели поехать в Сосновку, это километров пятьдесят отсюда, почему Аркадий повернул не на том перекрестке, остается загадкой. Аркадий Андреевич Сычев, – пояснил он, – мой товарищ, мы вместе учились, довелось и поработать с ним, очень хороший врач терапевт, его потом в Новосибирск пригласили работать, он теперь там заведующим отделением служит. Позже в Москву звали, но он отказался, привык к своим пациентам, да и семья его вся в Новосибирске

устроилась. Так вот он сам из этих мест, в Сосновке его бабушка жила, он практически вырос там, места все с закрытыми глазами знал, а тут повернул раньше и все. Почему сам не знает, может, заболтались мы, отвлекли его, а может судьба повернула нас, именно туда и именно тогда. В общем, оказалось, что попали мы не туда куда хотели, но бензина у нас осталось мало, поэтому решено было остаться здесь. Тем более, что речка рядом, а в лесу Аркадий сказал, есть озеро, которое местные называют «Черным зеркалом».

– «Старожилы обходят его стороной», – рассказывал нам Аркадий, – «боятся, говорят, что там живет нечистая сила». Но нам пятерым, молодым, здоровым атеистам, все было нипочем. Особенно мне, я не рыбак, и не охотник, и уж тем более не знаток леса. Я приехал подышать свежим воздухом, полюбоваться природой и повеселиться в шумной мужской компании.

Мы подкрепились, и даже выпили по рюмочке, товарищи оставили меня на хозяйстве, чтобы я костер разжег, да к ночлегу приготовился. Время было уже вечернее, солнце садилось за макушки леса. А сами, взяв ружья, пошли посмотреть есть ли дичь на озере.

Стал я собирать хворост для костра, да искать подходящие камни, чтоб устроить жаровню, и чайник установить. На том месте, где мы остановились, ничего подходящего не оказалось. Решил я на опушку леса выйти, там посмотреть. Вернулся к Аркашиному старенькому «Москвичу», мы его у леса под холмиком оставили, чтоб в глаза сильно не бросался. Выхожу на опушку и у меня дух перехватило. Она там сидит, с травой разговаривает, сама тоненькая, как былиночка, пальчиками травинку к травинке складывает, прежде чем сорвать, разрешения спрашивает, извиняется. Я на нее, как зачарованный смотрю, глаза боюсь отвести, вдруг исчезнет. А она подняла ресницы, увидела меня и даже не испугалась, а наоборот улыбнулась мне, как старому знакомому, как будто знала, что я приду, протянула мне свои хрупкие пальчики и сказала, словно пропела: – «Меня Лилей зовут, я тут травы на чай собираю. А вы, наверное, на охоту приехали, да только зря. Сейчас не сезон». Потом она встала с колен, протянула мне букетик травы разной, «это вам на чай», и пошла прочь. А я так и остался стоять, как заколдованный. Уж не знаю, сколько я так простоял, но уже стало холодно и темно. Ничего я не нашел, соорудил что-то вроде треноги, подвесил чайник, и стал ждать товарищей. А их все нет и нет, как будто провалились куда-то. Леса не знаю, где их искать ума не приложу. Костер горит, только успевай сухие ветки подкидывать. Думаю, если пойду их искать, костер потухнет, тогда и сам заблужусь, и они дороги не найдут. Стал ждать, кто знает этих охотников, может быть они ночью и охотятся. Решил ждать до утра, а утром, если не вернуться, искать надо будет идти.

Заварил чай, из травы, что Лиля дала, такой ароматный получился, пьешь и не напьешься, а как выпил, уснул сразу, толи от усталости и пьянящего лесного воздуха, толи от чая этого, не знаю. Проснулся, костер потух давно, но угольки еще теплые были. Ребят нет, рассвело уже. Стрельбы я не слышал, значит, думаю, не охотились. Пошел их искать. Взял с собой аптечку на всякий случай, непечатую бутылку водки, бутерброды, да шоколада плитку, Аркаша уж очень любил его. Сам-то лес не знаю, иду и каждую кочку, каждое дерево запомнить хочу, чтоб потом вернуться к костру. Не знаю, сколько я ходил, только показалось мне, что не больше трех часов. Вышел к озеру. Поверхность его действительно как зеркало, ровное и имеет форму овала, макушки деревьев отражаются в нем и заслоняют собой небо, поэтому кажется оно черным. Подошел к нему, зову товарищей своих, никто не откликается. Умылся в озере, а сам думаю, может быть пока я ходил, ребята вернулись. Все равно, куда идти дальше не знаю. Пошел обратно. И ведь дорогу запоминал, а найти не могу, хожу вокруг этого озера, как замороженный, и вдруг показалось мне, что огонек мелькнул где-то за деревьями. Пошел я в ту сторону, не знаю, сколько еще времени прошло, может быть, час, а может быть и пять часов, но я почти бежал, почему-то казалось мне, что если я не успею за ним, то пропаду. А огонек то в одной стороне мелькнет, то в другой, уже почти с ног валюсь от усталости, но бегу. А потом раз, и исчез совсем. Стою я в густой чаще, и так мне стало страшно и тоскливо, что

я в отчаяние, закричал, на сколько голоса хватило, эхо во все стороны разнесло мой крик, а когда он затих, слышу, стонет кто-то совсем рядом. Пошел я на стон и нашел человека.

Сколько ему лет определить было сложно, может быть тридцать, а может и пятьдесят. Заросший бородой, волосы спутаны, лицо грязное, одет в кольчугу, сапоги и штаны на нем странные, как в фильмах про Киевскую Русь показывают. Я подумал, что с ума схожу, что мне уже исполиные богатыри мерещатся. Но он схватил меня за плечо и застонал еще сильнее. Смотрю, а у него в боку обломок стрелы торчит, а из раны кровь струится. Приподнял я его, ох и тяжелым он оказался, а в какую сторону идти не знаю. И тут снова свет за деревьями мелькнул, темно уже было, идем на свет, и как будто из неоткуда появился деревянный сруб. У его дверей стоит женщина свечу в руке держит. Увидела нас, навстречу двинулась, словно ждала уже. Помогла мне раненого в дом занести, и говорит мне: «Спаси его, он надежда земли русской, а я помогать тебе стану».

Уложили его на стол дубовый, раздели, осмотрел я рану, вынимать стрелу надо, а что из внутренних органов задето, не знаю. Выхода все равно нет, помощи ждать не откуда, довести в больницу, даже по хорошей дороге не успеем, а уж по этому бездорожью подавно.

Вода нагрета уже была, руки вымыл, обработал водкой их и рану, ввел раненому обезболивающее, что в аптечке было, и подручными средствами, какие нашел у хозяйки, осторожно вынул остатки стрелы. Стрела вошла глубоко, но легкое было задето не значительно, других тяжелых повреждений я не нашел. Только крови он потерял много. На свой страх и риск, способом прямого переливания, одноразовым шприцом, влил ему своей, у меня первая положительная группа крови, – пояснил Роману Северский. Бога молил, чтобы совпала. Рана большая, зашивать нужно, а чем, в аптечке ничего подходящего не нашлось, у хозяйки только шерстяная пряжа, да холсты домотканые. Решение пришло как-то внезапно. Смотрю волосы у нее длинные, густые из-под платка выбиваются. В общем, взял я несколько волосков ее, обработал их, и наложил швы.

Мужик терпеливый оказался, заложил я ему в рот ложку деревянную, он не стона не издал, только ложку пополам перекусил. Зеленкой рану я ему обработал, перевязал бинтами из аптечки. Хозяйка настой травы какой-то ему дала, да в рубаху чистую с косым воротом передела. Достал я плитку шоколада дал раненому половинку, чтоб сил прибавилось. Съел он ее с недоверием, а оставшийся кусочек в обертку аккуратно завернул и за пазуху засунул.

Переложили его на кровать, а он мне говорит: «Знахарь, диковинно ты врачуешь, да и платье твое чудно. Христианской ли веры ты?». Отвечаю ему: «Дед был Православным христианином, а я в церковь сам не хожу и о Боге вспоминаю только в трудные минуты жизни». А он мне и говорит: «Верить надо, мил человек, за веру святую славные сыны русские головы свои сложили. Без веры не будет Руси нашей». Протянул руку к груди своей, на ней кожаный мешочек на шнурке висит. Сдернул мешочек он с себя и отдал мне. «Пусть вера поселится в душе твоей», откинулся он на подушки и уже в полудреме спросил меня: «Кличут-то тебя как, знахарь?». «Иваном», – отвечаю. «Тезка значит, – я тоже Иваном наречен, по прозвищу «Северный», – представился он, и провалился в сон, дыхание его стало ровным.

Очень мне хотелось пить, сказывалась многочасовая усталость и напряжение, женщина налила мне отвара, я сделал пару глотков, и, наверное, отключился. Во сне видел, как полчища татаро-монгол подступают к старинному городу. Как сражаются с ними у стен его русские богатыри, и как не хватает сил у них отбить атаку многотысячного врага. Тогда крикнул князь своему помощнику, чтобы нашел он «Северного» Ивана, и сказал ему, чтоб скакал он за подмогой. Потом видел я этого Ивана, отбивающимся от десятка вражеских воинов, видел, как скачет он к лесу, чтоб укрыться в нем. Как те пускают стрелы и копья в след ему. А князь молится Пресвятой Богородице, чтоб дошел Иван, и подмогу успел привести, чтоб спасти город и не дать народ русский на растерзание врагу.

Проснулся я от того, что кто-то расталкивает меня и трясет. Открываю глаза, стоят мои товарищи и смеются. А я около костра лежу на мной же приготовленной лежанке, костер горит, чайник кипит. Стал спрашивать, где их почти двое суток носило. А они мне отвечают: «Что они уходили всего на три часа, до озера дошли, да обратно вернулись». Я им говорю: «Что вчера весь день их искал, и к озеру ходил, и звал, а до этого всю ночь костер жег, ждал, когда вернуться». А когда они обнаружили, пустую бутылку из-под водки, то и вовсе на смех подняли: «Мол, бутылку водки одному выпить, еще не то померещиться». В общем, не поверили они мне. Но я-то знаю, что не пил. И вот тут я вспомнил чай Лили, ну думаю, не иначе мне из-за него все померещилось, и даже согласился в душе с ребятами. Так мы ничего и не настреляли, переночевали в лесу, утром еще раз к озеру сходили, оно оказалось немного меньше, чем мне приснилось и уже черным и гладким не выглядело, торчали из него сломанные ветки деревьев, поросшие мхом, а по форме оно напоминало скорее неправильную запяную, чем правильный овал. Отражалось в нем синевя неба, да рваные облака, плывущие по нему. Я невзначай спросил Аркадия: «Нет ли здесь деревянного дома и не живет ли в нем женщина лет пятидесяти?». На что он мне ответил: «Что да, есть знахарка по имени Лукерья, но живет она не здесь, а по другую сторону леса, что она последняя из староверов, которые жили в лесу еще до революции. Подлинной ее истории никто не знает, живет и живет себе, никому не мешает, наоборот, людям помогает, болезни разные лечит, травы собирает. Народ к ней часто ходит, особенно когда врачи бессильными оказываются. Говорят, и ее бабка тоже знахаркой была».

Когда вернулись в город, я об этом и думать забыл, только девушка Лилия из головы не шла. Словно приворожила меня. Я не есть, не спать не мог. Выходных было мало, никак не вырваться, тут осень подкатила, потом зима, руки сломанные, ноги, аварии разные, я уж и не говорю о язвах и аппендицитах.

Выбраться я в этот городок смог лишь на майские праздники. Стал собирать вещи для прогулок по лесу, и вдруг из кармана походной куртки выпало что-то. Я подобрал, смотрю кожаный мешочек на веревочке, открыл его, а там образок Святой Богородицы. Я чуть чувств не лишился. Вспомнил я того человека в лесу, слова его, женщину-знахарку и понял, что все это мне не приснилось.

Чем больше я об этом думал, тем сильнее меня завораживало это место, тем сильнее мне хотелось побывать там еще раз, и убедиться в своей правоте. Я не знал с кем поделиться своими соображениями. Меня могли поднять на смех, или того хуже счесть сумасшедшим, но мне было просто необходимо это сделать. И я решил рассказать все еще раз Аркадию.

Он меня выслушал очень внимательно и рассказал мне легенду, которую ему бабушка в детстве рассказывала. Подробности он сам не помнил, но суть заключалась в том, что живет в лесу некая Берегиня, что следит она за тем, чтобы не нарушался природный баланс, является она лишь избранным и соединяет миры прошлого с настоящим и будущим. Но лично он в это не верит, и скорее всего, по его мнению, я случайно вышел к знахарке Лукерье, и возможно к ней в этот момент приходил какой-нибудь раненный, а в боку у него была не стрела, а ветка, мало ли, упал человек в лесу, на сук напоролся.

Я тоже изо всех сил старался убедить себя, что на самом деле все так и было, но были три неувязочки:

– Первая, – стал перечислять Северский, загибая первый палец, – *образок*, который оказался у меня, я просил знакомого, работавшего в то время экспертом в уголовном розыске, определить его подлинность. Экспертиза подтвердила, что сам образок написан не позднее тринадцатого века, и шнурок, на котором он был подвешен не позднее пятнадцатого. И что на шнурке остались микроскопические частицы кожи, биохимический состав которой говорит о том, что принадлежали они человеку, жившему в стародавние времена.

– Вторая, – загнул он второй палец, – *время*, если мои товарищи ходили всего часа три, к озеру и обратно, то, как я успел, сходить к знахарке, которая живет совершенно в другом месте, причем значительно дальше черного озера, сделать операцию и вернуться обратно, раньше их?

– И третья, – загнул он третий палец, – *знахарка*. Я уговорил Аркашу съездить в лес к этой Лукерье. Это была совершенно другая женщина, и по внешним и по возрастным показателям. И дом был совершенно другой и убранство дома, и лес тоже. И меня она видела впервые, и никаким воинам никогда стрелы из боков доставать не помогала.

– Воля ваша, молодой человек, – обратился Иван Николаевич к Антонову, – верить вам мне, или нет, но видит Бог, мне всю последующую жизнь не дают покоя эти события.

– Я вам верю, – искренне признался Роман, – сам через это прошел, только на этот раз время шло наоборот. И поспешил спросить Северского, – а что с Лилей?

Иван Николаевич взглянул на часы, их стрелки изображали подлую ухмылку, было без пятнадцати три ночи.

– Ох, как мы с вами засиделись, я даже не заметил, что столько времени прошло, вам пора отдыхать, да и мне тоже, – скорее уходя от ответа, чем от усталости заявил он. – В другой раз я расскажу вам продолжение этой истории, а теперь спать, спать и не спорте со мной.

Северский буквально выпихнул его из своего дома, благо, что дом Ольги Петровны, был на соседней улице. Антонов вдохнул полной грудью ароматный воздух лета. И медленно побрел вдоль спящих домов. Шел тихо, старясь не нарушить ночную тишину, не разбудить «домашних звонков», так Ольга Петровна называла маленьких беспородных собачонок, имевшихся в каждом дворе. Чтобы не подняли лай на всю округу и не разбудили хозяев. Шел, а сам все думал, почему Северский сначала обрадовался тому, что сможет поделиться наболевшим с ним, а потом вдруг резко выставил его за дверь, не рассказав ему самое интересное, и как он чувствовал главное.

За поворотом виднелась речка с плакучей ивой на берегу. На секунду Роману показалось, что за ним кто-то наблюдает из ветвей этого дерева. Но он осадил себя тем, что в три часа ночи, сидеть на дереве и уж тем более ждать, когда ему заблагорассудится прийти домой, может только больное воображение.

Чтобы не разбудить Ольгу Петровну и Максима Самохина, который уже, наверное, видел седьмой сон, Антонов решил пробраться через окно. Оно как всегда было открыто, он отодвинул горшок фиалок на край подоконника и тихонько влез в комнату. Уже раздевшись, обнаружил, что его место занято. Во весь свой рост, вольготно распластавшись на его кровати, спал рыжий кот. Он недовольно приподнял голову, взглянул на Антонова злым прищуренным взглядом, и не двинулся с места.

– Вот котятра, – шепотом проговорил себе под нос Роман, – достал меня уже. И что ты не спишь на Самохине? Посмотри какие формы, атлетическая фигура, спит-храпит, он даже не почувствует, что ты ляжешь рядом с ним и будешь петь ему свои тракторные мотивы. Ну, иди к Самохину, по-хорошему прошу», – уговаривал кота Роман.

Кот не шевелился, а лишь нервно постукивал хвостом о кровать. Тогда Антонов схватил его за пушистую шкурку и резким движением хотел стащить и выбросить через окно на улицу. Но кот крепко вцепился в покрывало и смел им на пол вазу, стоящую на прикроватной тумбочке и горшок с фиалками на окне.

– Вот идиот, – выругался Антонов, вслед улетающему как на покрывале-самолете коту. Кот, тоже самое, только по-кошачьи изрек ему в ответ. Это Антонов понял по выражению его довольной удаляющейся морде.

– Антонов, ну что тебе все не спиться? Завтра вставать в пять часов утра, а ты все бродишь где-то. Я билеты уже взял, – сонным голосом не открывая глаз, пробубнил Самохин.

Из соседней комнаты донесся голос Ольги Петровны:

– Ребята, у вас все в порядке? Помощь не нужна?

– Нет, все нормально! – Отозвался Антонов, и добавил, – извините за беспокойство.

Ваза оказалась целой, а вот из цветочного горшка высыпалась земля. Антонов, чтобы не искать веник и не пачкать рук, старался собрать ее на газету, помогая себе оторвавшимися листочками фиалки. Но выходило плохо, то листочки оказывались не приспособленными к этому занятию, то газета слишком гнулась и норовила высыпать всю землю обратно на пол. В итоге он остановился на версии, что руки у него растут не из того места, а голова не соображает.

Наконец с уборкой было закончено. Горшок установлен на свое законное место, цветок реанимирован, правда он испытал сильный стресс, но Антонов решил, что жить будет.

Повернувшись к кровати, он не поверил своим глазам, на том же самом месте наблюдая за трудотерапией Антонова, лежало мерзкое чудовище, в виде рыжего кота, которое только, что устроило всю эту разруху. От злости у Антонова заходили желваки, ему захотелось взять этот кусок рыжей шерсти и дергать каждую шерстинку пинцетом, без наркоза и обезболивания часа два, нет лучше четыре, чтобы насладиться мстостью.

Кот видимо прочитал в глазах Романа свой смертельный приговор, и медленно поднявшись, спрыгнул с кровати. Секунду он размышлял, что сделать лучше, выпрыгнуть самому в окно или предоставить Антонову возможность поупражняться еще раз. Потом все-таки решил, что самому это сделать будет безопасней и ближе. Вдруг Антонову вздумается еще по дороге свернуть ему шею, или побить мировой рекорд по метанию котов. Поэтому он сам вскочил на подоконник, а потом словно невзначай (но Антонов-то знал, что специально), задел горшок своим меховым телом, тот опасно закачался, но Роман в один прыжок успел схватить его, чтобы он не выпал на улицу.

Кот отойдя на безопасное расстояние, стал чистить свою рыжую шубу, всем своим видом выказывая сожаление, что не удалось ему еще раз позлорадствовать над Антоновым.

Спать уже можно было не ложиться. Во-первых, весь сон как рукой сняло, во-вторых, стрелки часов приближались к половине пятого. Антонов стал потихоньку собирать вещи и складывать их в дорожную сумку.

Глава 8 «Пропавшие»

Егор Рябинин проснулся от телефонного звонка, который трезвонил уже минут десять. Он еле разлепил глаза, и протянул к нему руку. Вчера он закончил работу только в десять вечера, потом зашел к своему другу Сергею Кузнецову, у него был день рождения. Рябинин валился от усталости, но поздравить друга было делом святым. Тем более, что подарок он купил на кануне. Сергей обожал пикники, рыбалки, походы. Все свободное время он посвящал этому. Хотя свободного времени у эксперта криминалиста практически не бывает. Но надежда все же остается. Поэтому Рябинин купил в подарок Сергею набор, состоящий из четырех раскладных стульчиков и ящичка-трансформера, в котором все это хранилось, а легким вкручиванием ножек этот ящичек превращался в походный столик для пикников.

Конечно, пришлось выпить три «штрафных» стопки водки: «за здоровье именинника», «за здоровье его семьи» и «за дружбу», остальные гости уже употребили до его прихода, и потому ему наливали по полной. Желудок Рябинина, в котором с утра успел перевариться лишь один пирожок с капустой, купленный по дороге на работу и съеденный тут же, воспринял «огненную воду», как живительную влагу и быстро впитал ее в себя. Закуска хоть и была обильной и сытной, действия уже не возымела. Сознание начинало затуманиваться, клонило в сон, уходить сразу было не вежливо, тем более, что Рябинин опоздал на четыре часа. Поэтому он из последних сил пытался изобразить на лице безмятежность и внимание, но видимо это у него плохо получалось. Сказывалась хроническая усталость и ненормированный график работы. Он несколько раз ловил себя на том, что просто отключается на мгновение, но старался тут же обрести бодрый вид, пока очередной сон резко не овладевал им.

Из-за этого от него ушла жена, потому, что его практически никогда не было дома, а когда был, то большую часть времени спал или бездумно смотрел телевизор. Жена тянула его то в гости, то в кино или в театр, или просто пойти погулять в парке. Рябинин ничего этого не хотел. Театра, кино и прогулок ему хватало на работе. Единственное, о чем он мечтал придя домой, это вкусно поесть, полежать на диване ни о чем не думая уткнувшись в телевизор и уснуть под его бормотание. Вся эта романтика с кино, цветами, свечами вызывала в нем лишь раздражение.

Конечно по началу, когда он только познакомился со своей будущей женой, все это было, но тогда, в прошлой жизни он был студентом юридического факультета. Он не был так занят, да и она была другой, менее требовательной, может быть, поэтому он и женился на ней. А теперь прожив с ней пять лет, он узнал ее лучше, особенно после рождения дочки, она почему-то стала менее внимательной и заботливой, умом он конечно понимал, что ребенок отнимает много сил и времени, но приходя с работы срывался по поводу того, что она вовремя не приготовила ужин, не купила хлеба, не повесила на место полотенце, хотя ему не составляло труда взять его из шкафа самому. Его раздражали порванные карманы куртки, в которых мелочь и ключи рассыпались по всей подкладке, и их нужно было оттуда выуживать. Но с другой стороны она по его карманам не лазила, и о этих дырах не знала, он конечно мог спокойно попросить ее зашить их, и она бы это сделала, но Рябинина словно подмывало накричать, обвинить ее в том, что она плохая хозяйка, и совсем не следит за своим мужем. Который ходит в порванных носках, и в куртке с дырявыми карманами. А потом с невозмутимым видом улечься на диван и не обращать внимание на то, что жена, скорее всего, пойдет в другую комнату плакать и зашивать карманы. Зато не будет приставать к нему, чтобы сходить в кино или съездить к родителям на дачу.

Жена Рябинина очень редко плакала в его присутствии, только когда уж совсем не могла справиться со своими эмоциями. Большую часть его нападков она выслушивала молча, потом уходила на кухню или в другую комнату и там давала волю скупым слезам, при этом старалась

не подать виду, что ее это сильно обидело или задело. Через время она выходила из своего укрытия, приносила куртку с уже зашитыми карманами, или звала его к столу на любимые «драники» со сметаной и кофе.

Постепенно, он даже не заметил, когда она стала отдаляться от него. Уже никуда не звала, старалась к его приходу все успеть сделать, реже заводила душевные разговоры, потому что ее работа Рябинина не интересовала, а о своей он разговаривать не любил и не хотел. Других общих тем для семейных бесед не находилось, так как выяснилось у них совершенно разные интересы и увлечения, поэтому его устраивало то, что она большую часть времени проводила на кухне или занималась с дочкой и не мешала ему отдыхать после трудного дня.

А в один прекрасный день она ушла совсем, забрала дочку, свои вещи, и переехала к родителям, оставив их двухкомнатную квартиру в полное распоряжение Рябинина.

В свои неполные тридцать лет, он наконец-то познал все «прелести» холостяцкой жизни. Иногда не то, что зашитых, но и чистых носков не было, потому, что он забывал заложить их в стиральную машину, или потом вынуть и повесить сушить. Карманы куртки превратились в один сплошной, в котором теперь терялись не только мелочь, ключи и зажигалки, но и руки самого Рябинина входили в них по локоть.

После дня рождения Сереги Кузнецова Рябинин пришел во втором часу ночи, и не раздеваясь, плюхнулся на диван. По привычке включил телевизор, но происходящие на экране действия его не интересовали, ему нужен был шумовой фон, который тот создавал. Уснул Рябинин сразу, спал крепко в одной позе. Снилось ему, что они с Серегой приехали в какой-то незнакомый лес на пикник, разложили подаренный им набор. Сам Рябинин стал наслаждаться теплом и покоем. Лес шумел какими-то отдаленными голосами, и наводил на него дрему. Серега пошел в лес с удочкой и пропал. Рябинин стал его звать, но тот все не шел. Тогда Рябинину пришлось идти искать его. В лесу было темно и страшно. «Мурашки» бегали по его телу. Ругая про себя этого горе-рыбака, Рябинин все шел и шел, пока лес стал совсем непроходимым. Он пробирался через чащу, почти ползком на ощупь, сучья деревьев раздирали его одежду и кожу, но боли он не испытывал, гораздо ужасней было осознавать то, что теперь придется все стирать и зашивать самому, или выбираться в магазин чтобы купить новую одежду, а это было еще хуже. Рябинин терпеть не мог ходить по магазинам, его бесили милые продавщицы, которые старались ему всячески угодить и начинали расхваливать свой товар, а еще хуже, когда они начинали критиковать его внешний вид: «Мужчина, эта рубашка не подходит к этим брюкам, а для этой нужен галстук в темную полоску», или «это не ваш стиль, этот джемпер ни в коем случае нельзя носить с этими джинсами».

Раньше все было гораздо проще, сначала мать покупала ему одежду, и вставая утром, он одевался бездумно, полагаясь полностью на ее вкус. Потом эту эстафету переняла жена, поэтому Рябинин не заморачивался на этот счет еще пять лет. И только последние два года он столкнулся с этой проблемой, которая даже во сне не давала ему покоя.

Наконец непроходимые дебри закончились, и показалась гладь какого-то озера. На берегу лежал Серега, сложив руки на груди словно покойник, вместо крестика и свечки в них торчала удочка. Леска уходила в черную воду, но поплавок не было видно.

«Нашел место, где умереть», подумал про себя Рябинин, – «как я теперь поташу его через эти заросли обратно. Еще и удочку его». Почему-то он не испытывал сожаления по поводу кончины друга, а воспринял его смерть, как само собой разумеющийся факт. И тут из озера вынырнула русалка, а может и не русалка, рыбьего хвоста, во всяком случае, Рябинин у нее не видел, и волосы у нее были русые, а не зеленые, как рисуют на картинках в детских сказках, она дала ему серебряный колокольчик и сказала:

– Позвони им три раза, друг твой и очнется. А сама исчезла в черной воде озера.

Рябинин стал трясти колокольчиком так, что у самого уже голова трещала от этого звука, а Серега все не шевелился.

«Я, наверное, тихо звоню», решил про себя Егор, и стал еще сильнее трясти колокольчик, который трезвонил популярную мелодию из кинофильма, пока до его сознания не дошло, что это звонит телефон.

Рябинин редко видел сны, а если видел, то как правило, ничего хорошего они не предвещали. А тут мало того, что сон сам по себе уже предвестник чего-то неприятного, так еще и плохой сон, а это уж точно, к какому-нибудь дерму, подвел он итог.

Звонил начальник оперативного отдела Еремеев, в чьем непосредственном подчинении работал Егор Рябинин. Накануне приезжали проверяющие из Главного Управления, и сегодня должен был прийти результат. Наверняка ничего хорошего они в своем отчете не написали, а все недочеты и промахи с удовольствием зафиксировали. И теперь майор Еремеев всех собирал на экстренное совещание, для того, чтобы выдать каждому по заслугам. Ему самому уже наверняка выдали свое «вышестоящие», и он воспылал к своим подчиненным яростной любовью. Это прослеживалось в том, как сильно он хотел видеть их всех сегодня, не позднее чем через полчаса, с отчетами по всем делам за последний месяц.

– Вот тебе и сон в руку, – сам себе сказал Рябинин и пошел на кухню.

На обеденном столе накопилась гора невымытой посуды, каждый день он уговаривал себя прийти пораньше и вымыть ее, но всегда находились дела поважнее. Полотенца, как всегда не оказывалось на месте, потому, что он сам растаскивал их по всей квартире, и потом забывал где оставил. В холодильнике болтался кусок засохшей колбасы, и кусок превратившегося в сухарь сыра. Хлеба не было.

– Завтрак как всегда отменяется, – пробормотал себе под нос Рябинин, закрыл холодильник и пошел в ванную.

После утренней «получки» от Еремеева, в кабинете стояла возня и шелест пересматриваемых дел, в которых не хватало больше половины всевозможных бумаг, справок, отчетов, рапортов и всякой другой писанины. Странно было видеть всех сотрудников сразу за своими столами. Обычно из шести столов, находящихся в помещении, заняты от силы были три. Остальные пустовали, в связи со спецификой работы. «– Оперативника ноги кормят», – любил повторять Еремеев. «– Идите и ищите», – было его напутственным посылом.

Но сегодня он изменил себе сказав:

– Идите и пишите! И чтоб к утру, все дела были пухлыми.

– Легко сказать, трудно сделать, – попытался возразить ему Рябинин, так как он терпеть не мог рутину письма и отчетности. – Летний период – отпуска. Людей и так не хватает, а вы еще практикантов всех в следственный отправили, а нам ни одного не дали. То бы хоть они помогли нам с оформлением дел разобраться.

На что получил ответ:

– А вы, капитан Рябинин, никогда не будите генералом из-за своего дерзкого характера. Вы хороший оперативник, но в бумажных делах у вас полный хаос и неразбериха и в вашей голове, я уверен, тоже. А должно все быть расставлено по полочкам, сложено стопочками, пронумеровано и прошито, скреплено печатью и подписью. И да, кстати, – добавил он с некоторым злорадством, – возьмите у дежурного заявление на пропажу человека, сегодня утром принесли, и займитесь им лично. Все свободны!

– Есть! – ответил Рябинин, без энтузиазма.

Остальные оперативники, загудели как улей и заторопились выйти, чтобы Еремеев им тоже не дал дополнительного задания.

День был длинным и утомительным. Мозг плавился от летней духоты и множества бумажной работы, строчки перед глазами рябили, сплывались в одну, путались, терялись, то

норовили залезть на верхнюю строчку, то спрыгнуть на нижнюю. Желудок урчал не переставая, хотелось и есть, и пить, и спать. Голова болела так, что казалось, скоро расколется на две части.

«Надо будет зайти к Сереге Кузнецову в криминалистический отдел, хотя бы кофе выпить, да бутерброд съесть», – подумал потягиваясь и зевая Рябинин, – «у него наверняка есть какая-нибудь еда», – и вышел из кабинета.

По дороге ему встретился дежурный, который держал в руке исписанный мелким почерком лист бумаги.

– Рябинин, я к тебе, – окликнул он его, – заявление забери. Еремеев велел тебе его отдать.

Дежурный буквально всунул его в руку Рябинина, а сам развернувшись, пошел обратно.

Рябинин про него помнил, но тянул время, чтобы успеть закончить накопившиеся за несколько месяцев бумажные дела. Раз срочно не вызвали и не приказали: «идти и искать», значит дело может подождать, и он не торопясь побрел по коридору в сторону экспертного отдела. Если бы тогда Рябинин знал, чем это ему обернется, то еще с утра после слов Еремеева: «займитесь им лично», он побежал бы бегом без оглядки, а еще лучше прикусил бы свой язык во время совещания, и не высовывался, как все остальные. Глядишь, и пронесло бы, а это дело поручили кому-нибудь другому.

Полчаса спустя, когда желудок Рябинина благодарно замолчал, а голова уже не грозила разломиться, Кузнецов взял со стола лист бумаги, врученный Рябинину дежурным, и стал читать.

– Бьюсь об заклад, что его писала женщина, скорее всего учительница и явно аккуратистка, – дал свое заключение эксперт, мимолетно взглянув на ровный текст заявления.

– Возможно, – отозвался Рябинин, и выхватив из его рук исписанный лист погрузился в чтение.

Ничего особенного и пугающего в заявлении не было. Ну, справляла молодежь день рождения, ну выпили, ну пошли прогуляться по городу. Пока никакого криминала не прослеживалось. Ну не вернулся именинник домой, с кем не бывает. Молодой, положительный со всех сторон, но это только версия матери. А у матерей их дети всегда самые лучшие и замечательные. Ему не десять лет, а уже двадцать четыре, скорее всего, остался на денек – другой у какой-нибудь девчонки. Вот и вся проблема, а мать уже паникует, сынок пропал. Причем сама же пишет в заявлении, что обзвонила все городские больницы и морги, наседала на нашего дежурного, пока он не пробил по базе данных все свежие криминальные сводки. Значит, парень просто загулял.

«Вот сдам все дела, а послезавтра займусь этим», – пообещал себе Рябинин, – «а, к тому времени он сам объявится, как было много раз в его практике».

Вечером раздался телефонный звонок, звонила мать пропавшего, интересовалась, как продвигаются поиски ее сына. Голос ее дрожал и срывался на плач. Рябинин сначала растерялся, а потом уверенным тоном заявил:

– Все версии отрабатываются, ищем, – и повесил трубку.

«Все-таки придется начать искать его завтра, с утра, если сегодня за ночь не объявится, а не то его мамаша вымотает мне все нервы», – завязывая очередную папку, и откладывая ее на край стола, решил он.

Кроме этого «пропавшего студента», так про себя стал называть его Рябинин, в его производстве было еще пять дел: две кражи, драка с нанесением тяжких телесных, мошенничество и подделка документов. А тут еще эта проверка, будь она неладна, как тут успеть, все оформить по правилам, шесть дел раскрыть, и при всем при этом умудриться выжить. Завтра

с утра Еремеев опять заведет свою громогласную шарманку и будет в течении тридцати минут рассказывать им все, что он о них думает, не стесняя себя в выражениях.

Рябинин оглянулся на столы своих собратьев по несчастью, у них видимо дела спорились гораздо быстрее, так как папки на конце стола лежали высокими стопками, а его застопорились на середине.

«Даже если я все успею сделать, то медаль мне все равно никто не даст, и в звании не повысит», – умозаключил он, и очередную папку со стола не взял.

В 20.00 он запланировал встречу с одним из подозреваемых, по делу о краже. А на часах уже было без двадцати. Рябинин взял ключи от своей белой «шестерки» и направился к выходу.

Двигатель завелся только с третьей попытки, барахлил стартер, ремонтом ему самому заниматься было некогда, и он каждый день обещал своей машине, что завтра он обязательно отвезет ее к хорошему мастеру. Но это завтра не наступало уже недели три. Тут Рябинин вспомнил о невытой посуде, которой тоже каждый день давал обещания, и грязному белью, и холодильнику, которому обещал, что набьет его продуктами. И своему желудку, который опять начал урчать и болеть, требуя нормальной еды.

В такие минуты он вспоминал свою жену, и думал, что надо бы помириться с ней, хотя, наверное, она этого не захочет, ведь два года они каждый жили своей жизнью.

У Рябинина были другие женщины, но он не испытывал к ним ни малейших чувств, кроме физиологических потребностей. Последнее время он все чаще сравнивал, их с женой, и приходил к выводу, что она была лучшей. Он скучал по дочке, по домашнему теплу и уюту, который создавала жена. Но понимал, что не сможет в полном объеме создать им с дочкой комфортные условия. Так, как и работу свою он тоже любил, хотя иногда ему хотелось все бросить. Такие порывы у него случались, когда он замертво падал от усталости, отключался на несколько часов, не успевал выспаться, а телефон или будильник начинали трезвонить и требовали, чтобы он немедленно вставал и шел на работу. Но когда случались редкие выходные, он изнемогал от осознания того, что ему не надо никуда идти, никого искать, никого спасать. Он чувствовал себя маленьким, никчемным, никому не нужным.

Раньше в такие дни его спасала жена, которая пыталась его отвлечь, вытянуть из дома, но тогда он этого не мог оценить, ему казалось, что она не дает ему отдохнуть, расслабиться, и воспринимал все, как некое насилие над собой. Чем больше он об этом думал, тем четче понимал, что любит ее, но боится себе в этом признаться. Боится признать себя последним самовлюбленным идиотом, а еще больше он боится, что окажется ненужным ей. Ведь наверняка у нее тоже был кто-то за последние два года.

Вот и дом, где жил подозреваемый. Пришлось подниматься на пятый этаж, лифта в старой «хрущевке» не было. В подъезде воняло сыростью и продуктами брожения. Голодный желудок при этих запахах, хотел вывернуться наизнанку, и Рябинин пытаясь не дышать, стал шагать через две ступеньки быстро поднимаясь вверх.

Дверь открыла худенькая девушка лет шестнадцати, когда Рябинин представился и показал удостоверение, она спросила:

– Вы, наверное, к Юре? Так он со среды не появлялся.

– А вы кто ему будите? – в свою очередь задал ей вопрос Рябинин.

– Я Даша, его сестра, – ответила она.

– Вы живете с братом вдвоем или в квартире еще кто-нибудь проживает? – вновь задал вопрос Рябинин.

– Мы живем с родителями, но их сейчас тоже нет дома, – поспешила заверить его девушка.

– А можно мне пройти в квартиру и задать тебе несколько вопросов? – любезно поинтересовался Рябинин, – а ты меня чаем угостишь.

Девушка отошла в сторону и пропустила его в комнату.

– Проходите на кухню, – кивнула она в сторону узкого коридора.

Квартира произвела на Рябинина неприятное впечатление. Полы хоть и были вымыты, и чистая посуда была сложена в старом, когда-то полированном серванте, все равно казалось, что везде беспорядок и грязь. Ключьями свисали обои со стен, потолок весь был в радужных разводах, видимо у этого дома давно протекала крыша. Трубы водопровода зияли ржавчиной и кое-где были перемотаны скотчем. На столе лежала старая клеенка, вся изрезанная ножом с закручивающимися краями. В углу стояли пустые бутылки из-под дешевой водки. Пол облупился, некоторые доски прогнили, обнажая железные зубы ржавых гвоздей.

Девушка поставила чайник на старую поцарапанную газовую плиту, достала две чашки, одна была с отколотым краем с изображением белого цветка лилии, которую она поставила перед Рябининым, другая в красный горошек, с отколотой ручкой, которую она поставила на другой конец стола для себя.

Заварочный чайник оказался под стать чашкам, он тоже был с отколотым носиком, и на нем был изображен красный мак. Заварка была самой дешевой, и больше напоминала чайную пыль. Девушка смущенно достала полбуханки черствого хлеба и практически пустую сахарницу.

Рябинина начала мучить совесть, – «напросился на чай, придурок», –мысленно обругал он себя, и чтобы как-то разрядить обстановку он приступил к намеченному разговору:

– Даша, скажите, ваш брат часто пропадает из дома?

– Нет, обычно он предупреждает, что не придет ночевать или, когда уходит на смену. А так чтобы не предупредить, и не появляться уже четвертые сутки, это в первый раз, – ответила девушка, и стала разливать чай в чашки.

– А ваш брат, – опять задал вопрос Рябинин, – он выпивает? Наркотики употребляет?

– Нет, что вы, наркотики нет, а выпивает он редко и то так, не сильно. Сейчас он на работу устроился на завод, компьютер мне купил в кредит. Так, что с Генкой, он теперь не дружит, – выпалила она.

– Ты имеешь в виду Долгалева Геннадия? – заинтересовался Рябинин.

– Ну, да. Раньше он все время к нам ходил, родителям иногда бутылки носил. Я его терпеть не могла и Юрке сто раз говорила, чтобы он с ним не связывался. Наглый он, противный, и вообще... – заключила девушка. – А вы, почему Юркой интересуетесь? Он что натворил что-нибудь? – спросила она, и в ее голосе Рябинин заметил беспокойство. – Он что в тюрьме?

– Нет, нет, – поспешил заверить ее Рябинин. – Я просто хотел с ним поговорить. Мне сказали, что он в это время будет дома, вот я и приехал. Скажите Даша, как вы думаете, а с чем связана пропажа вашего брата?

– Да я и сама не знаю. Ему позвонил его давнишний друг, у него тогда день рождения был. Хотя день рождения у него 24 августа, но отмечали в субботу. Юрка собрался и пошел его поздравить. Я видела, как они сидели в беседке в соседнем дворе.

– Когда это было, назови точную дату и время? – перебил ее Рябинин.

– В субботу 23 августа, где-то в половине двенадцатого ночи, – ответила она.

– А почему ты так поздно гуляешь? – поинтересовался Рябинин.

Девушка смутилась, опустила глаза, в нерешительности помолчала несколько секунд, а потом выпалила:

– Родители у нас пьют. Мама тогда у Верки Ивановой в гостях была, напилась как всегда, ну я и пошла за ней, чтобы домой забрать. Сама она могла и не дойти, валялась бы где-нибудь на улице. Ну, я иду, смотрю, а Юрка с Ромой сидят в беседке и еще там три парня с ними, но я их не знаю, не наши это точно. Я Юрку в сторону отозвала, и мы вместе с ним за матерью сходили, домой ее привели. Потом он опять к парням вернулся, а я дома осталась. Где отец был в тот вечер, мы не знали, а искать его Юрка не пошел. Он, правда, утром явился сам, говорит на дачах был, с Филимоном, это дворник наш, тоже алкоголик, – со вздохом добавила Даша.

- Тяжело тебе с ними? – тихо спросил Рябинин. Хотя и сам все понимал без слов.
- Нормально, – пожала плечами девушка.

Рябинин заметил в ее глазах тоску. Взгляд был уставшим и смиренным. Наверное, эта девочка-девушка за свою коротенькую жизнь уже нахлебалась и горя, и слез, и разочарования. Не верила никому, и ни на что не рассчитывала. Просто проживала каждый день один похожий на другой и старалась не мечтать и не загадывать, чтобы лишний раз не убедиться в том, что жизнь часто бывает не справедливой.

– А кто-нибудь сможет подтвердить, что именно в это время твой брат помогал привести тебе домой мать? – снова спросил девушку Рябинин.

– Ну, Верка, наверное, если вспомнит, а еще тетя Валя, соседка по лестничной площадке, она как раз кошку свою выпускала погулять.

– А брат твой Юрка, он какой? – спросил ее Рябинин.

– Юрка, он добрый, заботливый. Он меня очень любит, всегда гостинцы мне приносит, конфеты, яблоки, когда у него возможность есть, конечно, – еще он всегда всем помогает. Кому мебель передвинуть, кому на даче огород скопать. Еще он никогда не дерзит и старших уважает, за это его бабушки, наши соседки очень любят.

Она бы, наверное, еще долго перечисляла достоинства своего брата, если бы Рябинин не задал ей другой вопрос:

– А, этот парень Роман, с которым он сидел в беседке, ты его хорошо знаешь?

– Ну, да конечно, это Рома Антонов, очень хороший парень. Они с Юркой дружат еще со школы. Юрка, конечно, шалопай, учился не ахти как, а Рома отличником был, сейчас в медицинском институте учится на хирурга. Кстати это у него день рождения был. Его родители не любят нашего Юрку, особенно Ирина Петровна, мать Ромы, она у нас в школе химию и биологию преподает. Она и Юрку учила, и меня, и Павлика нашего, когда родители сюда только переехали. Так вот, Ирина Петровна не знает, что они дружили всегда, и сейчас дружат. Поэтому Рома домой его не приглашает, разве что когда родители его в отъезде. В тот день Рома позвонил Юрке, и они пошли в беседку. Вот там я их и видела в последний раз, – заключила девушка.

– Постой, а это не тот Роман Антонов, что живет по улице Северной дом 8, квартира 42? – вдруг спохватился Рябинин.

– Ну, да, это дом напротив, из новых построек, мы считаемся одним двором, только наш дом на улице Коммунаров стоит, а их на Северной. Мать его нам звонила уже несколько раз, сказала, что Рома пропал, спрашивала Юру, но я сказала ей, что он на работе и с Ромой конечно не встречался.

– Зачем ты ей соврала? – спросил Рябинин, хотя сам уже догадался, каков будет ответ.

– Чтоб потом мне от Юрки с Ромой попало, когда они найдутся? – опустила глаза девушка.

Потому с какой нежностью девушка произносила имя Романа Антонова, Рябинин догадался, что она в него тайно влюблена, а потому спросил, просто так, скорее всего для того, чтобы убедиться в своей правоте, нежели узнать объективную оценку человека.

– Расскажи мне об этом Романе, какой он?

– Рома, очень красивый, воспитанный, умный, очень добрый и порядочный, веселый. Я никогда от него грубого слова не слышала, если Юрка иногда может сорваться и накричать, то Рома никогда даже голоса не повысит. Его все очень любят и дорожат его дружбой. И вообще он душа компании, все девчонки в школе и во дворе, да и в институте, наверное, влюблены в него, с нескрываемым восторгом и в то же время с грустью признала Даша.

Видимо он был для нее неким небожителем, которому она хотела бы служить и не требовать ничего взамен. Одна мысль о том, что он существует, живет по соседству, иногда заходит

к ним в гости, дружит с ее братом, уже приводила ее в трепет и восторг. Она поклонялась ему и боготворила, а потому не видела в нем никаких недостатков, подвел итог Рябинин.

– Знаешь, Даша не могла бы ты мне помочь? – начал свою вступительную речь Рябинин. – Дело в том, что я сейчас живу один и все домашние хлопоты свалились на меня, как снежная лавина. Мне надо купить продукты, а что нужно я не знаю. Я хочу попросить тебя пойти со мной в магазин и помочь сделать необходимые покупки. А то я каждый день обещаю своему холодильнику наполнить его, и каждый день не успеваю.

– Хорошо, – улыбнулась девушка. И на ее щеках появились симпатичные ямочки. У нее была длинная белая шея, узкие плечи, каштановые волосы были собраны на затылке в пучок. Разрез глаз по форме напоминал миндаль, а цвет глаз Рябинин определить не мог. Вначале в коридоре они показались ему черными, когда она сидела напротив него на кухне, спиной к окну – коричневыми, а теперь, когда в них отражалось заходящее солнце коричнево-зелеными, как цвет болотной трясины. Сейчас она напоминала Рябинину оперившегося птенца, но еще не лебедя, хотя предпосылки этого превращения уже начинали прослеживаться.

«Скоро этот «гадкий утенок» обретет нужные формы, и тогда Роман Антонов берегись, засосет тебя это бездонное болото миндальных глаз», – мысленно пригрозил он пропавшему студенту.

Супермаркет находился внутри двора. Народа в нем почти не было, все уже давно ели приготовленные ужины, или насытившись смотрели телевизор. Только такие, как Рябинин, еще шатались, как неприкаянные по магазинам и соображали, что им купить.

Даша со знанием дела давала ему советы. Что лучше купить, что дешевле и выгоднее, что из чего можно приготовить. Когда продуктовая корзина до краев была наполнена. Рябинин спросил:

– А для чая? Мы ничего не купили к чаю.

Даша удивленно посмотрела на него, и окинув взглядом корзину, спросила:

– А сыр, колбаса, масло, паштет и еще куча всего разве не для чая?

– Это для него, – погладив себя по худому животу, ответил Рябинин, – а для души надо конфет, торт, фрукты, и обязательно сахар.

– Мы же взяли два пакета, песок и рафинированный, – удивилась Даша, но направилась в кондитерский отдел. – Вы какой любите, бисквитный или песочный?

– Не знаю, – пожал плечами Рябинин, – я доверяю твоему вкусу, какой ты выберешь тот и купим.

– Тогда давайте возьмем «Рыжик», он вкусный и не дорогой, на вид он конечно не очень красивый, зато в нем замечательный крем и нежные коржи, – объясняла ему девушка.

Рябинин в этот момент сравнил ее с этим «Рыжиком» и улыбнулся своему сравнению:

– Хорошо, Рыжик, так Рыжик. Про конфеты не забудь и сахар.

Расплатившись за продукты, он попросил Дашу помочь сложить их ему в машину. Он дал подержать ей торт и пакет с конфетами, фруктами и сахаром. Сел в машину, поблагодарил ее за помощь, и стал прощаться. Мотор уже гудел, когда Даша хотела отдать ему торт и пакет:

– Вы забыли, продукты к чаю.

– Это тебе, за помощь, – тронулся с места Рябинин, и уже отъезжая добавил, – может быть, еще как-нибудь зайду, чаю попить.

Он специально не стал провожать ее домой и говорить ей, что покупает часть продуктов для нее. Она бы их не взяла, это он понял сразу, девушка была гордой и независимой. Он решил воспользоваться эффектом неожиданности, и у него это получилось.

Заполнив свои пустые желудок с холодильником, Рябинин начал наводить порядок на столе. Он мыл посуду, а сам по рекомендации Еремеева складывал в стопочки и раскладывал по полочкам полученные вечером сведения: Первое – думал он, – отпадает подозреваемый Кондратьев, так как во время кражи он находился в беседке с Антоновым и еще какими-то

парнями. Квартиру Поздняковых ограбили между одиннадцатью вечера и часом ночи, если подтвердит слова Даши, эта тетя Валя. То у Кондратьева полное алиби. Еще хорошо бы найти тех, с кем он сидел в беседке. Второе – куда могли деться эти «тайные друзья» Антонов и Кондратьев? Опять же надо искать тех троих из беседки. Третье – где искать Генку Долгалева по кличке «Долгий». В том, что кража это его рук дело Рябинин не сомневался, но кто был его поделщиком? Кондратьев средний – отпадает. Конечно, какую-нибудь глупую аферу про-вернуть это в его вкусе, но на ограбление вряд ли бы он пошел. Старшему, из братьев Павлу Кондратьеву, еще срок мотать полтора года. Значит надо искать в другом направлении.

Когда вся посуда наконец-то была перемыта, а стол красовался своей пустотой, Рябинин мысленно поблагодарил себя за подвиг, совершенный сегодня, и с чистой совестью пошел на диван. Включив телевизор, он стал искать шумовой фон. По одному каналу шел детектив, по-другому мелодрама, на третьем показывали боевик. Решив, что под мелодраму он уснет быстрее, Рябинин переключил на нее. Под любовные переживания героев фильма, его мысли начали путаться, одна находила на другую, теряла свою логическую нить, переплеталась с тре-тьей, потом вдруг яркой вспышкой возникала снова, но уже была далека от первоначальной.

Он снова шел по дремучему лесу, где петляла узкая тропинка, опять лез через бурелом разрывая свою одежду и кожу, опять видел черную гладь озера. И вдруг из него вынырнула худенькая русалка с миндалевидными глазами непонятного цвета и почему-то мужским голо-сом спросила:

– Вы все еще кипятите? Тогда мы идем к вам!

Рябинин вздрогнул и открыл глаза, на экране шла реклама стирального порошка, кото-рый, кстати, он забыл вчера купить. Выключив телевизор, он снова погрузился в сон.

И снова он шел по лесу...

С утра до самого обеда шел дождь, Рябинин сидел за своим рабочим столом и с усердием заполнял бумаги для возбуждения уголовных дел. Так как Еремеев все утро призывал их к наведению порядка в томах картонных папок. А когда, наконец, отпустил всех, то его как в фильме про Штирлица, попросил остаться. И это было плохим знаком.

Приближалось время обеда, а эти проклятые дела никак не убывали. Если он их все же одолеет когда-нибудь, решил для себя Рябинин, то причислит себя к «Героям России», и в знак благодарности напьется в стельку, а потом все воскресенье будет спать, отключив все телефоны, и даже дверной звонок. Если ему опять не будет сниться этот дурацкий лес и озеро, которые стали его преследовать.

После обеда он поехал к Антоновым. Его проводили в зал, где была идеальная чистота и порядок. Даже книги в шкафу стояли по алфавиту и по росту. Его напоили чаем с пирож-ками, которые имели идеальную форму и были совершенно одинаково подрумянены. Чайные ложечки имели схожей рисунок с чайными чашками. И от этих правильных форм и правиль-ной речи матери «пропавшего студента», Рябинина начинало тошнить. Ему не хватало воздуха и хотелось побыстрее закончить беседу и выбежать в мир хауса.

«Если бы меня окружала такая атмосфера, я, наверное, тоже бы пропал», – решил Ряби-нин, а сам спросил:

– Ваш сын был аккуратным человеком? – и тут же осекся. Слава Богу, что мать не заме-тила, что он спросил о нем в прошедшем времени. Она, похоже, была погружена в свои мысли и слушала Рябинина в пол уха.

– Ромочка, очень хороший сын, заботливый, внимательный, послушный, всегда учился на одни пятерки. Как в комнату к нему заглянешь, он над тетрадками, или на компьютере занимается. Он и музыкальную школу закончил с отличием, и спортом занимался, ему про-

чили блестящее будущее. Мы с мужем ему репетиторов нанимали по языкам, так он и тут преуспел, английский, французский, немецкий, итальянский в совершенстве знает. Думали, поедет в Москву поступит в МГИМО, но он поехал в областную столицу и поступил в медицинский. Хотя, вы знаете, я за ним раньше не замечала наклонностей к медицине. До сих пор ума не приложу, почему он выбрал именно медицинский?

– Скажите, Ирина Петровна, – перебив, направил её в нужное русло Рябинин, – раньше он пропадал из дома на день, два?

– Ну, что вы, нет, конечно! Это впервые. Я чувствую, что с ним случилось что-то ужасное, – зарыдала она, и стала вытирать слезы белоснежным накрахмаленным носовым платком, с кружевом по краю.

Рябинину показалось, что и в кружевах прослеживался рисунок, гармонирующий с чайным набором.

– Ромочке, конечно не нравилось, что мы с папой очень сильно опекаем его. Но он старался никогда не подавать виду, что его это раздражает. Он умел сдерживать себя. Иногда я перегибала палку, а потом спохватывалась, и думала, что я наделала, сейчас он сорвется и уйдет из дома хлопнув дверью. Но к моей радости ничего подобного не происходило. Он успокаивал меня, старался не обидеть, деликатно обходил все острые темы, конечно, он мог поступить вопреки моим запретам и просьбам по-своему, но делал это так умело, что я этого даже не замечала.

– Скажите, а кто приходил к нему на день рождения? – снова прервал ее Рябинин

– Ребята приезжали из института, они вместе с Ромой учатся. Они неделю назад вместе приехали с практики: Андрей Тихомиров, Слава Караулов и Максим Самохин, – стала перечислять женщина, загибая пухлые ухоженные пальчики. – Я их видела впервые, да и Рома у нас не любит рассказывать о себе или своих друзьях. Из него коленным железом никакую информацию не вытащишь. На общие темы он может разговаривать, поддерживать беседу, причем он очень интересный человек, у него обширный кругозор, он ориентируется в разных областях знаний. Причем если говорит о чем-то, то значит знает об этом наверняка, и может апеллировать существенными фактами и доказать свою правоту. И сделает это не навязчиво, не в виде спора, а спокойно, аргументируя каждое свое слово так, что собеседник в конце концов сам согласится с ним и даже не вспомнит, что некоторое время назад был сторонником другой версии. А вот о личном, он никогда не рассказывал, дневники не вел.

– В котором часу ребята ушли от вас? – снова перебил Ирину Петровну Рябинин.

– В 20.40. – без запинки ответила Антонова, – я же в заявлении указала. Парни засобирались домой. Я хотела оставить их ночевать. Но Максим Самохин сказал, что он на машине и они утром будут дома.

– А они много выпили? – снова задал вопрос Рябинин.

– Нет, бутылочку сухого вина и двести грамм водки. Но водочку в основном пил папа Ромы и Слава Караулов. Максим Самохин не пил совсем, так как был за рулем, вино осталось еще, – добавила она и поспешила принести доказательства из холодильника.

Но Рябинин остановил ее, сказав:

– Не надо, я вам верю. И спросил следующее: – У Романа еще были друзья, или девушка, с которой он встречался?

– Друг у него есть, он с ним со школьной скамьи дружит, – это Юрка Кондратьев. Не знаю только, что у них общего, какие такие интересы? – с раздражением в голосе выпалила она. – Но они украдкой встречаются, поправ все мои запреты. Вот и в тот день он звонил ему и звал в беседку соседнего двора. Они часто там собираются и думают, что я об этом не знаю. Но я тридцать лет работаю с детьми в школе, и все их уловки знаю наперед, только виду не подаю, пусть думают, что они самые умные. Тут хоть под присмотром, а то найдут другое место, и ищи их потом. Вы только Роме, когда он найдется, не говорите, что я знаю про них, – попросила

Ирина Петровна. – А на счет девушки, у него ее не было, я бы знала. Хотя он пользуется большой популярностью у женского пола. Связи конечно были, но так ничего серьезного.

– Но, а вы сами, что думаете по этому поводу? Куда он мог отправиться? Может в последнее время вы за ним замечали, что-нибудь необычное? – поинтересовался Рябинин.

– Ума не приложу. Он не мог совершить какой-то необдуманный поступок. С ним что-то случилось, я чувствую, – снова заплакала женщина. Тем более, что он взял билет на поезд, ему нужно было сегодня уезжать на учебу. А насчет необычного, не знаю. Хотя, когда он приехал с практики, он как будто повзрослел лет на десять. Нет не в физиологическом плане, – пояснила женщина, – а морально. Как только приехал сразу за компьютер сел, в Интернете, что-то искал. Потом в библиотеку несколько раз ездил. Я попыталась узнать, что его интересует. Но он заулыбался и сказал: «Знаешь мам, а почему ты мне никогда сказки не рассказывала?»

– Странно, а вы действительно не читали ему сказки? – спросил ее Рябинин, а сам подумал, «что ему только сумасшедшего не хватало. Парню 24 года исполнилось, а он сказками интересуется».

– Читала, конечно, когда Ромочка совсем маленьким был, а лет с трех детские энциклопедии больше и классиков.

«Не повезло парню с родителями, тут у кого хочешь «крыша поедет», если ему в три года Толстого «Войну и мир» прочитать или «Капитал» Карла Маркса», – утрировал в мыслях Рябинин, выходя из квартиры Антоновых.

Перед уходом он попросил мать пропавшего, разрешить осмотреть его комнату, но там ничего наводящего на мысль о загадочном исчезновении парня не нашлось. Все вещи лежали на своих местах. Сумка, собранная вероятно заботливой матерью стояла приготовленной к отбытию студента. На столе не было никаких бумаг, записей или какой-либо другой «ниточки», которая могла бы привести к разгадке. Рябинин перекинул с компьютера Антонова несколько папок и файлов себе на флешку, чтобы дома их еще раз просмотреть. Но ничего полезного или указывающего на исчезновение студента в них не было.

Прошло уже две недели, а новостей об Антонове не поступало. Придется ехать в институт, где учатся друзья-товарищи пропавшего студента, решил Рябинин. Он уже сделал запрос в ВУЗ, чтобы ему прислали характеристики на всех четверых. Они были практически безупречны. Все подавали большие надежды и являлись лучшими студентами факультетов. И это наталкивало Рябинина на мысль «доверяй, да проверяй», как настоятельно рекомендовал начальник отдела Еремеев. Уж слишком все было идеально в жизни этого Антонова: идеальные родители, идеальные знания, идеальные друзья (ну кроме Кондратьева, но это было исключением из правил, скорее подтверждающим это правило), сам весь идеальный с головы до ног, ну просто ангел, а не человек.

Воображение Рябинина рисовало ему образ хилого, забитого, и задавленного родительским диктатом паренька, которому на вид можно было дать лет восемнадцать, скорее всего в очках с толстыми линзами, с немытыми волосами, торчащими в разные стороны. Но когда он увидел фотографию Романа Антонова, он был крайне удивлен, на «ботаника» он похож не был. Как это он забыл характеристики девушки Даши о том, что все девчонки в него влюблены, а в компаниях он везде «свой парень».

«Да, такой может пропасть только по причине, а не просто так», – сделал вывод Рябинин. Надо искать. Чем больше он узнавал об этом пропавшем студенте, тем сильнее ему хотелось встретиться с ним, чтобы убедиться, в том, что он на самом деле такой идеальный. Еще этот сон, который повторялся каждую ночь, как рекламный ролик, и действовал ему на нервы. Рябинин почему-то был уверен, что если он найдет парня, то сон, в котором он бродил по лесу перестанет его преследовать.

Сентябрь начался с бесконечных дождей, если дождя не было с утра, то он шел к обеду или к вечеру. Машины по улицам ездили одинакового серого цвета, потому, что мыть их было делом неблагодарным и совершенно бесполезным. Во дворах стояли лужи, которые превратились уже в целые озера, и чтобы добраться до своего подъезда люди лавировали между ними, как канатоходцы, вместо баланса используя сумки, кульки и пакеты. Рябинину выписали командировку на четыре дня поездки в областную столицу. По такой погоде ехать ему туда совершенно не хотелось. Он сначала взял билет на поезд, но потом подумал, что бегать по незнакомым улицам, да еще и по дождю, дело нелицеприятное, и решил ехать на своей «шестерке». Если вечером он выедет, то к утру будет в столице, решил он, сдал билет, и стал готовиться к поездке.

Еще один плюс в поездке своим ходом, заключался в том, что на машине он мог вернуться на день, а то и на два раньше, а на сэкономленное время отдохнуть от работы, и все-таки попытаться поговорить с женой, и повидаться с дочкой. Сходить с ними в парк или кафе, а может быть и в кинотеатр на мультики. Тем более его так загрузили работой, что он им не звонил уже больше месяца.

«Вот вернусь из командировки, и начну новую жизнь», – дал себе обещание Рябинин, в сто первый раз.

Открыв атлас автомобильных дорог, он стал искать кратчайший путь. На машине он туда еще не ездил. Был несколько раз по делам в городском УВД, и Линейном отделе, и то ехал на поезде, а у вокзала его встречали, а потом обратно доставляли. Но теперь ему предстояло самостоятельно найти в огромном городе медицинский институт, а потом возможно и общежитие, или того хуже, квартиры где они проживают. Нужно было переговорить с каждым свидетелем лично, потом с преподавателями и другими студентами. Иначе мать пропавшего скоро сведет с ума не только самого Рябинина, но и Еремеева и начальника УВД тоже.

Она каждый день либо приходила сама с самого утра, либо посылала отца пропавшего студента, если же они по каким-то причинам не приходили сами, то звонки раздавались поочередно: сначала у начальника, потом у заместителя начальника, потом у Рябинина. Если никто из них не мог с утра дать им вразумительного ответа, то тоже самое происходило в обеденное время и вечером. И поэтому Рябинина разгрузили, как смогли, отдав часть его дел другим оперативникам, и даже разрешили заполнить личные дела позже, когда найдется этот загадочный Антонов, а параллельно с ним и Кондратьев. Заявление, о пропаже которого принесла его сестра Даша, через день после посещения Рябининым их квартиры. Так как ни на работе, ни дома, ни у своих приятелей он тоже больше не появлялся.

Всю ночь Рябинин провел за рулем своей «шестерки», в напряжении всматривался в стену дождя, он уже пожалел, что сдал билет на поезд. «Сейчас бы спал вытянувшись на полке и не вглядывался в каждый указатель, чтобы не проскочить заветный поселок под названием Дубки, где ему нужно было повернуть направо, насколько он помнил. Дело в том, что атлас он не стал укладывать в сумку с вещами, а решил положить на обувную полку в прихожей, чтобы взять его с собой в салон, а не рыться потом в сумке в багажнике. И как следовало ожидать, взял сумку, ключи от машины, пакет с бутербродами, термос с кофе, и не взглянув на полку, загрузил все в машину и выехал из города. Об атласе он вспомнил только на кольцевой развилке, но возвращаться уже не стал.

В одиннадцать утра он отыскал медицинский институт и уже разговаривал с ректором. Ничего нового он не услышал. Антонов Роман один из лучших студентов за последние двадцать лет в его практике. Пользуется популярностью и уважением, как среди учебного контингента, так и среди профессорско-преподавательского состава. Умен, приятен в общении, никогда не кичится, и не выставляет на показ свои достоинства, скромнен, благожелателен, надежен. О таких говорят, добавил он, «что я бы пошел с ним в разведку, так вот я молодой человек, с

ним бы не только в разведку пошел, а куда угодно, на северный полюс, на Луну, на Марс», – заключил профессор медицинских наук.

– И еще, – добавил он, – пришли отчеты о прохождении практики в маленьком городишке Латуринске, где они стажировались у моего давнишнего приятеля Ильи Петровича Губкина. Так он им всем дает буквально «золотые характеристики», ну а Антонову просто «платиновую инкрустированную бриллиантами чистой воды», и вы знаете, я ему доверяю на все сто пять процентов, и даже больше, чем себе, – добавил он. – Илья Петрович никогда не ошибается в людях, – и поднял указательный палец вверх, как восклицательный знак.

Насчет остальных студентов интересовавших Рябинина ректор уже так не распался, кроме, пожалуй, Андрея Тихомирова, по его словам мальчику не повезло в жизни. Все доставалось ему тяжелым трудом, включая саму жизнь. Взяли его конечно по большому счету из жалости, но он не подкачал, и добился превосходных успехов. – «Сейчас является «Российской надеждой» не побоюсь этого слова в области кардиохирургии», – заключил ректор.

– Вы знаете, а ведь они чем-то похожи, эти два мальчика, – задумавшись, признал он. – Я никогда на это не обращал внимание, а теперь вдруг подумал. Не внешне конечно, а внутренне. Есть в них некая внутренняя сила, мужской характер или стержень. Они никогда не ищут легких путей, и в то же время не идут по головам на пролом. Никогда не перекадывают ответственность на других, наоборот берут ее на себя. И в равной мере то, что я говорил об Антонове я могу повторить и о Тихомирове. Единственное различие их в том, что Антонову все дается очень легко, он не прикладывает никаких усилий, а Тихомирову приходится очень много работать над собой, чтобы не отставать. Но это наоборот еще больше приветствуется и уважается.

Вячеслава Караулова он охарактеризовал, как везунчика. Он знает, где и когда нужно остановиться, как к кому подойти, что сделать. Он, конечно, учится на отлично, но выдающимся никогда не станет. Он боится идти на риск, взять на себя ответственность, ищет, где поспокойнее. Очень любит спорт, но сам ничем не занимается. Предпочитает наблюдать со стороны по телевизору. Так же дела обстоят и в обучении, да и скорее всего в медицинской практике тоже так будет.

Максим Самохин, по мнению ректора, был баловнем судьбы, но у него своя семейная трагедия. Он богатейший наследник своего деда Самохина Юрия Евгеньевича, доктора медицинских наук, академика в области фармакологии. Но дед не торопится расстаться со своими деньгами, он конечно, позволяет своим родным, а точнее сыновьям, их женам и своим внукам жить не тужить, вкусно есть, безмятежно спать, но и расслабляться им не дает. Что называется, «держит в ежовых рукавицах», заставляет работать и учиться, при этом лишает их дополнительных благ, созданных его именем. У него есть принцип: «Никто не будет почивать на его лаврах, каждый должен пройти свой путь». И он этому принципу неукоснительно следует. Конечно, случались моменты, о которых он не знал, и двери перед его отпрысками открывались при упоминании его магического имени, но это были незначительные уловки, в сравнении с тем, какое унижение испытывали они «имея все, и в то же время не иметь ничего». «Хитренький дедушка», позаботился о завещании, в пользу того, кто, по его мнению сам добьется успехов и продолжит дело, начатое им. Но это завещание не видел никто, это были лишь его слова, и за неимением другой информации, вся семья старалась оправдать надежды деда и стать тем самым успешным наследником.

Рябинин узнал, что учился Максим на «отлично», и не был лишен некоторых способностей в области медицины, хотя и особого рвения не проявлял. Он был человеком амбициозным, эгоистичным, в некоторой степени осторожным и хитрым. Знакомился и дружил только с нужными людьми своего круга, которые в дальнейшем смогли бы помочь ему в продвижении по карьерной лестнице. У него была цель, как и у всех остальных, и он также как все не откло-

нялся от заданного курса. И с Романом Антоновым дружил, видимо от того, что тот пользовался большой популярностью среди студентов и преподавателей.

Остаток времени Рябинин провел опрашивая друзей-приятелей Антонова, которые видели его последними. Все трое в показаниях были убедительны. Поздравили Антонова, посидели с его родителями, но гипперопека его матери их быстро утомила, и они под предлогом того, что пора и честь знать, вышли в соседний, двор посидеть в беседке. Антонов позвонил своему школьному другу Юрию, он пришел к ним в беседку, вместе посидели, выпили бутылку вина, купленную по дороге к беседке. Где-то в половине двенадцатого вечера, пришла сестренка этого Юры, и они вместе ушли за пьяной матерью, вернулся он минут через пятнадцать. В половине первого ночи, вся троица загрузилась в машину к Максиму Самохину и отправилась в столицу. А Роман Антонов остался с этим Юрой в беседке. Вечером следующего дня, когда выспались и отошли от длительной поездки, пытались дозвониться ему, но его телефон отвечал: «что абонент находится вне зоны действия сети», и так продолжается по сей день. А когда Антонов не прибыл на занятия, то они связались с его родителями и узнали, что он пропал, вместе с этим Юрием Кондратьевым. Больше им добавить было нечего.

Только Тихомиров, как показалось Рябинину, был искренне обеспокоен пропажей Антонова. Он старался припомнить каждую мелочь, каждую деталь, чтобы хоть чем-то помочь следствию. Он поведал ему о том, что Антонов жертвуя собой, спас ему жизнь, что без специального оборудования, провел уникальную операцию и практически раздробленный и оторванный палец собрал и пришил. Причем очень удачно. Он показал свою правую руку, где еще свежи были темно-розовые рубцы. Но палец двигался, и все его функции были сохранены, а значит, Тихомиров мог осуществить свою мечту, стать хирургом – кардиологом. Но он был не единственным спасенным Антоновым, еще был мальчик Витя Силиванов, с разорванным кишечником и внутренним кровотечением, которого тоже спас простой студент Антонов. И девушка по имени Тоня Белова, которую он спас в лесу, где они с Антоновым заблудились. Причем сделал это с вывихнутым плечом в полубморочном состоянии, что трое суток ему показались одной ночью.

Что ж подвел итог Рябинин, ничего нового он опять не узнал. Антонов оказался еще лучше, прям легенда какая-то, «Супермен» да и только. А по делу никаких зацепок. Придется ехать в этот Латуринск, будь он не ладен, наводить справки там, поговорить с Губкиным и этой девушкой Тоней, может быть они что-то прояснят в этом темном деле.

Глава 9 «В гостях у сказки»

«Прощай сэкономленное время, прощай жена и мечты о новой жизни», нудило в мозгу Рябинина, ехавшего по направлению к Богом забытому Латуринску. Дождь то прекращался, то вновь поливал как из ведра. Дорога была вся в выбоинах и канавах, наполненных до краев грязной водой, поэтому приходилось красться в час по тридцать километров. Рябинина переполняло чувство гнева, которое выходило наружу в виде нецензурной брани, и он в ней по примеру Николая Васильевича Гоголя давал оценку русским дуракам (имея в виду себя) и дорогам.

«Если я буду ехать с такой скоростью, то, пожалуй, доберусь туда дня через три, если не лопну от злости раньше», – думал Рябинин.

Дорога пролегла между поселками и деревнями с перекошенными, деревянными домишками, которые подмигивали Рябинину своими подслеповатыми окошками. Но чем дальше он отдалялся от цивилизации, тем реже они встречались на его пути.

В одной из таких деревенок, Рябинин увидел светящуюся вывеску «АЗС».

«Надо наполнить бак бензином, а не то не ровен час встану где-нибудь», подумал он.

Егор подъехал к ней, но ничего общего с современными автозаправочными станциями она не имела. Рядом с современной неоновой вывеской стояли два старых бензовоза и деревянный циферблат счетчика литров. На одном из бензовозов висела от руки криво написанная табличка «АИ – 93», на другой – «диз. топлива». Почему-то «топливо» в данной деревне имело женский род. И скорее всего АИ – 93, подразумевало АИ – 76, но выхода у Рябинина все равно не было. На всякий случай он залил полный бак и «поплелся» по бездорожью дальше. Указатель показывал стрелкой налево и сообщал, что до Латуринска осталось 182 км.

Примерно полпути Рябинин проехал, за каких-то четыре часа. Уже была глубокая ночь, как машина увязла в глубокой канаве и ни за что не хотела из нее выезжать. Рябинин и ругался, и пинал ей колеса, но машина его не боялась, и на его вспышки гнева не реагировала, сидела себе в канаве и смеялась над своим хозяином. Потом Рябинин решил изменить тактику, и стал уговаривать ее, и даже попросил прощение за свое хамское поведение, но и это не сработало. Дорога была пустынной, за весь вечер и часть ночи Рябинину не повстречалась ни одна машина. «Видимо придется здесь встретить рассвет», – пришло ему на ум, и от такой романтики Рябинину захотелось взвыть волком, но он себя сдержал, – «может быть хоть с утра кто-нибудь поедет по делам, и вытянет его из этого дорожного плена».

Рябинин решил выпить кофе, но оказалось, что вовремя «штормовой качки» по проселочным дорогам, термос опрокинулся и катался по полу машины, из него выскочила пробка, и весь кофе вытек на резиновый коврик.

– Что за напасть? Все против меня! Сговорились? – спрашивал он окружающие его предметы.

Он торопился с отъездом, хотел добраться до этого Латуринска еще вечером, а потому не обедал, решив, что перекусит где-нибудь по дороге или в самом городке. Но ему не встретилось ни одного заведения с названиями «Кафе», «Столовая», «Закусочная». Рябинин съел пол бутерброда, который кофе не успел намочить, но желудку оказалось этого мало, он как всегда завел свою песню и стал требовать от Рябинина, чтобы его хотя бы напоили чем-нибудь горячим.

– *Мил человек*, – услышал Рябинин в открытое окно, скрипучий голос, – *застрял что ли?*

Рябинин от неожиданности вздрогнул, в горле словно пересохло, и он в ответ утвердительно закивал.

– *Ну, пошли ко мне в гости, коли не боишься, я тебя чаем напою.*

Рябинин как загипнотизированный вышел из машины и пошел вслед за черной фигурой в старом дождевике с капюшоном. С дорожной насыпи по тропинке спустились вниз. Дождь, который минуту назад лил, как из ведра, резко прекратился. Черная фигура, шедшая впереди Рябинина, прихрамывала на левую ногу, и опиралась на клюку. Он так до сих пор и не определил, ее пол.

Было так темно, что Рябинин шел скорее на звук, издаваемый шедшей впереди него фигурой в плаще, наступающей на маленькие веточки и сброшенную листву деревьев.

Деревянная избушка возникла, словно из неоткуда. Как только фигура открыла дверь, в комнате загорелась свеча, стоящая на столе, а на улице снова полил дождь. Рябинина словно парализовало, он не мог взять в толк, как свеча могла загореться, если фигура еще к ней даже не подошла. Холодный пот заструился между лопаток Рябинина, он машинально стал нащупывать кобуру с пистолетом, но руки не слушались его, а плетью поднимались и снова свешивались вдоль тела.

– *Проходи мил человек гостем будешь, садись к столу вечерять будем,* – снова проскрипела фигура.

Ноги Рябинина стали ватными и словно приросли к полу. Он повернул голову в сторону голоса. Фигура скинула плащ, и постукивая клюкой прошла к столу и села на лавку.

– *Садись, чего стоишь к полу прирос что ли?* – засмеялась она.

От этого смеха у Рябинина мурашки пробежали по коже.

– Кто вы? – еле выдавил из себя он и не узнал собственного голоса.

– *Я, Недоля твоя!* – заскрипела фигура, и снова засмеялась. – *Эй, Филька, подавай на стол, спишь что ли?* – прикрикнула она на кого-то невидимого. – *А ты проходи, садись, да не трясись ты, как осиновый лист* – снова обратилась она к Рябинину.

Рябинин сел за стол напротив фигуры, чтобы наконец-то определить кто перед ним. Это было существо невысокого роста, одетое в домотканое рубище, с длинными седыми космами и крючковатым носом, на верхней губе был толстый рубец, на бороде сидела мерзкой лягушкой коричневая бородавка, из которой торчали седые волоски, один глаз был перекошен и зиял бельмом. «И все-таки, это женщина», – решил про себя Рябинин.

На столе чудесным образом стали появляться предметы кухонной утвари: медный самовар, берестяные кружки и тусок с медом, блины, сметана, жареная рыба. От всего этого изобилия у Рябинина потекли слюнки, а желудок, предвкушая еду заурчал, как голодный кот. Кто-то невидимый налил ему в кружку кипятку пахнувшего разнотравьем.

– *Извиняйте, кофю нету!* – проскрипела Недоля и снова залилась истеричным смехом, от которого у Рябинина в буквальном смысле слова волосы становились дыбом. Когда она просмеялась, то снова обратилась к нему:

– *Бери блинок, Егорушка, Филька большой мастер по ним, в смятанку макай аль в мядок, да чайком запивай,* – подставляя к нему поближе миску с блинами, проскрипела старуха.

– Откуда вы знаете, как меня зовут? – поперхнулся и закашлялся Рябинин.

– *Как же мне не знать про тебя, коли я Недоля твоя? Я все про тебя знаю, даже то, что ты сам про себя не знаешь,* – ответила она.

Рябинин взял блин и макнул его в сметану, но его руки так дрожали, что он боялся, что не попадет блином в рот. Сметана густой каплей сорвалась с блина, и чуть было не упала на джинсы Рябинина, если бы кто-то незримый не преградил ей путь миской. Рябинин выронил блин, и он тоже попал в миску, висящую в воздухе между ним и столом.

– Что это за чертовщина? – опять не своим голосом вырвалось у Рябинина.

– *Не бойся, это Филька. Домовой. Он по хозяйству мне помогает. И обращаясь к «невидимке» добавила, – да покажись ужже, хватит его пугать, а то не ровен час наложит в штаны с испуга,* – снова засмеялась Недоля.

«Невидимка» обрел очертания маленького старичка, ростом с четырехлетнего ребенка, с обширной лысиной и окладистой курчавой бородой почти по пояс. Нос картошкой, расплывшись на пол лица, издавал посапывающий и похрюкивающий звук, длинные косматые брови свисали паклей со лба и закрывали маленькие глазки. Одет он был в пижамную рубашу в синий горошек, перетянутую детским красным, вязаным шарфиком, обут в рваные комнатные тапочки, размеров на пять больше, чем требовалось.

– *Садись за стол, что стоишь, как не родной?* – снова скомандовала старуха.

Домовой Филька принес большую подушку, взгромоздил ее на лавку и сел на нее рядом с Рябининым.

Рябинин под столом ущипнул себя за ляжку, боль была ощутима, – «если мне больно – значит я не сплю, а если я не сплю – значит я это вижу наяву, а этого видеть нельзя, потому что этого не бывает, значит, из этого следует вывод – я схожу с ума», – решил он про себя. Рябинин зажмурил до боли глаза, с надеждой, что когда он их откроет все исчезнет, и он окажется один посреди дороги в своем милом «жигуленке». Но когда он снова открыл глаза, чуда не произошло, рядом с ним сидел старичок и уплетал блины за обе щеки, а напротив него сидела старуха и дула на дымящийся травяной чай в берестяной кружке. Рябинин протянул под столом руку к своему соседу и стал ощупывать сначала подушку, потом ему попалась нога Домового, она была теплой и костлявой. Филька засмеялся хрюкающим поросенком и одернул ногу:

– *До смерти щекоток боюсь,* – произнес он тоненьким голоском, – *живой я, настоящий, что меня щупать-то.*

– Я точно схожу с ума, – уже вслух заключил Рябинин. – Оно и понятно, больше суток не спал, не ел, еще и не такое померещится, – стал успокаивать он себя. – Это сон, страшный сон, сейчас я проснусь, и все исчезнет, как тот лес, что снится мне последнее время.

За столом засмеялись, а Рябину хотелось заплакать. Потому, что он никак не мог проснуться, а компания исчезнуть.

– *Ешь не бойся, когда еще случится тебе поест Филькиных блинов со смятанкой. Сам не умеешь, жену из дому выжил, у матери, когда последний раз был? А она ждет все тебя, пирожки с капустой, твои любимые часто печет, все думает, заглянешь к ней, а тебе все некогда. Работа, друзья, тати³. Вот и про день рождения друга ты не забыл, молодец, поздравил, а про день рождения матери вспомнил, сынок дорогой?* – увещевала его Недоля.

«А ведь и правда, он забыл даже позвонить матери, не говоря уже о цветах и подарке». Рябинина словно обдали кипятком:

– Откуда ты все знаешь? – с вызовом спросил он ее.

– *Ты, что бестолковый? Я тебе говорю, я Недоля твоя, ну несудьба, что ли, по-вашему, несчастье, неудача. Как же мне про тебя не знать, если я все время с тобой,* – с раздражением в голосе, на распев произнесла она.

– А почему я тебя раньше никогда не видел? – не отставал от нее Рябинин.

– *А ты вообще кроме своего носа ничего не видишь,* – ответила Недоля.

– А, что такие Недоли у всех людей есть? – не унимался Рябинин.

– *Ну почему же обязательно Недоли, есть и Доли. Вот у того, кого ты ищешь, на службе сама Доля состоит, а толку от этого никакого. От человека все зависит. А почему я тебе показалась, так это от того, что ты меня в своих бедах никогда не винил. Но и помогать я тебе не стану, не входит это в мои обязанности, я наоборот спать должна и бездельничать,* – вытянув перед собой крючковатые пальцы с длинными серыми ногтями и разглядывая их, призналась она. – *Это Доля, не спит все время, и во всем помощница своему господину.*

– Так ты знаешь того, кого я ищу? Знаешь где он и как его найти? – с заискиванием в голосе и надеждой задал вопрос Рябинин.

³ Тать – стар. – вор, разбойник.

– *Знаю, да сказать не могу, сам должен найти, если найдешь*, – засмеялась Недоля скрипучим смехом. – *Я и так тебе помогла, считай, свой план выполнила на десяток лет вперед. Так, что не обессудь.*

Домовой Филька тем временем макал блины в сметану и один за другим отправлял их себе в рот. Высокая стопка быстро уменьшалась. Очередной блин видимо застрял в его горле, и Филька стал задыхаться. Он ловил ртом воздух, выпячивал язык, его маленькие глазки хотели вылезти из орбит, потом он стал заваливаться на бок. Недоля при этом даже не пошевелилась, она наблюдала за происходящим со стороны и заливалась скрипучим смехом.

– *Ой, не могу, своими блинами подавилси, родимый!*

Рябинин схватил старичка за шиворот и, поставив его к себе на колени, надавил в область солнечного сплетения, как учили на занятиях по оказанию первой медицинской помощи. Домовой закашлялся и начал дышать. Глаза вернулись на свои места, по его морщинистым щекам из них потекли слезы. Еще минуту он откашливался и вытирал красную картошку носа, рукавом пижамы. Рябинин вытащил из своего кармана клетчатый носовой платок и протянул его Фильке. Тот с благодарностью закивал головой Рябину, взял его и трясушимися руками поднес к слезящимся глазам.

– Почему, ты не помогла ему, он же мог задохнуться и умереть? – обратился Рябинин к Недоле.

– *Одним нечистяком меньше, подумаешь потеря. Он уж девять веков живет, пора бы и честь знать, – надоели его блины ужю, в глотку не лезут, вона я гляжу и тябе тожа, –* кивнула она в сторону лежащего в миске блина, оброненного Рябининым. – *А ты я смотрю жалостливый больно, так смотри, чтобы жалость твоя, тебе же бедой и не обернулась. –* Филька проводил его, засиделся он в гостях, пуцай идет, ищет себе Долю, что ветра в поле, – заскрипела противным смехом старуха, ихватила костлявым кулаком по столу, так, что перевернулась берестяная кружка с дымящимся отваром, который стремительной струей ринулся на колени Рябинина.

Рябинин вздрогнул и подскочил, так что задел головой обшивку машины. На улице уже рассветало, дождь закончился, из леса наплывал туман.

– Сон. Слава Богу, это всего лишь сон, – успокоил он себя. – Я не схожу с ума, у меня нет никакой Недоли, и никаких домовых не существует. Он так обрадовался этому своему умо-заключению, что стал насвистывать какую-то популярную мелодию, вышел из машины, потянулся, несколько раз присел, сделал пару наклонов, чтобы размять спину, и еще раз обошел машину, чтобы посмотреть, на сколько сильно он застрял. К его удивлению колесо стояло не в канаве, а рядом. У Рябинина глаза непроизвольно стали подниматься на лоб: «что за ерунда, он же не мог выехать ночью из канавы, это он точно помнит, а может быть, ему и это приснилось, так же, как и все остальное. Ну, да конечно, – стал размышлять Рябинин, – я устал, остановился, шел непроглядный дождь, видимость была практически нулевая, я уснул и мне приснился весь этот бред».

Он сел за руль (как не странно машина завелась сразу, хотя стартер он так и не починил), и отправился дальше. Утром он перемещался значительно быстрее и уже к полудню достиг заветного указателя «Латуринск».

Илья Петрович Губкин пел своим студентам-практикантам такие же дифирамбы, как до этого ректор медицинского института. Ничего нового Рябинин не услышал, за исключением, пожалуй, того, что перед отъездом Антонов побывал в гостях у бывшего хирурга Северского. Но поговорить с ним не удалось, так как хирург был в очередном запое. Он только плакал,

вспоминал какую-то Лилию, и корил себя в том, что не смог ее удержать и понять. Об Антонове он только и смог, что сказать: «Помню, помню, интересный мальчик».

– А вы знаете, – обратился он к Рябинину, – он что-то узнал, про нее...

– Про кого? Не понял Рябинин, – про Лилию?

– Нет, про Берегиню, хотя может быть и про Лилию тоже... – Зачем, я тогда выпроводил его? Зачем не спросил, отчего он интересуется ею? – начал причитать и заламывать руки Северский. Потом зарыдал в голос, уронил голову на стол рядом с недопитой рюмкой, а через минуту, Рябинин понял, что он уснул.

Через полчаса после встречи с Северским, Рябинин подъезжал к медицинскому колледжу где училась Тоня Белова. Она долго не решалась, стоит ли говорить всю правду Рябинину, или с него хватит и того, что он уже знает. Но потом все-таки назначила встречу Рябинину, через час, в придорожном кафе.

Рябинин был смертельно голоден, поэтому сразу же помчался его искать, накидываться на еду при девушке было неудобно, и он решил, что как раз успеет плотно поесть, а когда придет Тоня, он вместе с ней выпьет чашечку кофе.

Кафе с громким названием «Престиж», оказалось такой же обшарпанной забегаловкой, как и все в этом городке. Меню не отличалось большим ассортиментом, и Рябинин заказал большую порцию борща «по-деревенски», две котлеты с картофельным пюре и салат из свежих овощей. Сорок минут ему пришлось ждать свой заказ, хотя посетителей в кафе, кроме двух дальнобойщиков не было.

Когда, наконец, перед Рябининым появились тарелки с едой, и он только взял ложку и приступил к приему пищи, как на пороге кафе появилась Тоня. Она беглым взглядом нашла Рябинина и направилась к его столику.

– Приятного аппетита, – улыбнулась она, взглянув на множество больших тарелок стоящих перед Рябининым, – да, вы не смущайтесь, кушайте, – поймав его растерянный взгляд, поспешила успокоить девушка. – Я не знаю, почему пропал Рома, и куда он мог деться, но то, что я вам сейчас расскажу, не дает мне покоя. Возможно, вы сочтете меня сумасшедшей, но если это поможет вам найти Рому, я согласна и на это.

Рябинин заполнял свой желудок пересоленным борщом, а сам внимательно слушал девушку.

– Во время прохождения практики, Рома вывихнул плечо, а в нашей амбулатории специалистов в области хирургии и травматологии нет уже давно, с тех пор как Ивану Николаевичу ампутировали руку. Вот Илья Петрович и посоветовал обратиться к бабке Лукерье. Это знахарка местная, живет в лесу, к ней многие ходят, кто за отварами, кто детей от испуга лечить, или от глаза, говорят она и вывихи вправляет. Я сама у нее никогда не была, ну а где она живет, примерно знала. А так, как кроме меня местных не оказалось, чтобы Рому проводить, Илья Петрович меня с ним на нашей машине «скорой помощи» и отправил. Дороги сами видели, какие у нас, а машина еще хуже. Добрались мы туда только к вечеру. Водитель у леса нас оставил, а дальше мы сами пошли. Да только не знаю я, как так получилось, что мы с тропинки сбились, да и по времени мы уже давно должны были прийти к бабке Лукерье, а домика ее все нет и нет. Темно в лесу, страшно. И вдруг со всех сторон, что-то черное на нас надвигаться стало. Меня просто дикий ужас охватил, я чувствовала, как мертвый холод пробирался в мою душу. Еще минуту и я наверное, умерла бы от разрыва сердца. И тут Рома, схватил меня за руку и потащил куда-то в сторону. Мы бежали с ним через бурелом, пролезали через какие-то заросли, раздирая в кровь кожу и одежду. Мне было очень больно, но я молчала, потому, что знала, что если «Это» настигнет нас, мы погибнем. Потом как будто из-под земли появился рубленый домик, и женщина со свечой в руке. Рома потерял сознание от боли, от перенапряжения, от усталости. Женщина вправила ему руку, дала выпить какого-то отвара и показала, куда нам надо идти. Утром мы вышли на то место, где нас уже искали люди, которые сказали,

что нас не было трое суток. Хотя по нашим ощущениям мы были в лесу всего одну ночь. Не может же быть такого, что ты не заметил несколько дней. Прожил, и совершенно не заметил? – задала вопрос девушка Рябинину.

Рябинин пожал плечами, не зная, что ей ответить.

– А самое интересное то, что эта женщина нас ждала, она знала, что нужно делать и все заранее приготовила.

– Так может быть, ей кто-то позвонил, и предупредил, что вы идете? – предположил Рябинин.

– Рома тоже, так решил вначале, но нет, откуда в лесу телефон? В ее избе даже электричества не было, где бы она, по-вашему, заряжала аккумулятор. Да и не ловит сеть в лесу. Из города и то проблема дозвониться, а из леса тем более, – заключила Тоня, а через несколько секунд, добавила, – нам с Ромой так и не удалось поговорить об этом, то одно случилось, то другое, а потом он уехал, а теперь вы говорите, что он пропал. Может быть это как-то связано? Хотя конечно нет, но мне так хотелось с кем-то поговорить об этом. Я вас, наверное, совсем запутала и ничего существенного не рассказала.

– Скажите Тоня, а какое впечатление на вас произвел Роман Антонов? Может быть, он специально завел вас в лес, чтобы как-то произвести на вас впечатление? – Задал неожиданный вопрос Рябинин.

Девушка вздрогнула, и махнув, пушистыми ресницами, подняла на него глаза:

– Нет, Рома, он настоящий! – с вызовом ответила она, – и потом замете, не он меня в лес повел, а я его. И еще одно обстоятельство, которое вы не учли, у него было выбито плечо, которое опухло и болело так, как если бы у вас заболели все зубы сразу, от такой боли люди ни о чем другом думать не могут. А он меня спасал и о руке своей думал в последнюю очередь. Ясно вам? – тоном нетерпящим возражений заключила девушка. Она резко встала и хотела выйти из-за стола, но Рябинин поймал ее за руку и жестом показал, чтобы она села на место.

Официантка принесла два кофе, плитку шоколада и одно заварное пирожное. Выставив все перед Рябининым, она оценивающе взглянула на него, потом смерила презрительным взглядом Тоню, фыркнула, собрала грязную посуду, и, виляя бедрами, удалилась.

Рябинин подвинул чашку кофе к девушке, положил перед ней пирожное и шоколад и продолжил:

– Я разговаривал с Северским, и он плел мне о какой-то Берегине, о какой-то Лиле, вы случайно не в курсе, кто эти таинственные дамы?

– Лиля, это бывшая жена Ивана Николаевича, я сама с ним лично не знакома, но слышала, что у него жена пропала более двадцати лет назад, кто говорит, что она якобы его бросила, кто-то что просто переехала в Москву, а там ее след потерялся, в общем болтают всякое, а правду даже ее мать Ольга Петровна, не знает. Это мать Лили, говорят, что она подавала в розыск несколько раз, да только Лилю так и не нашли. А Иван Николаевич все ждет ее, надеется, что она когда-нибудь вернется. Он был отличным специалистом, и мог бы добиться многого в своей жизни, его и в Москву приглашали, да только он отказался, единожды сделав свой выбор в пользу Лили. А до этого он в Томске работал, в лучшей клинике города. К нему сюда, в наше захолустье, люди из больших городов приезжали на операции. Он никому не отказывал, и никогда за это денег не брал, говорил, что Лиля бы не одобрила. Больше я о ней ничего не знаю, вам лучше с ее матерью, Ольгой Петровной поговорить. А Берегиня – это сказочный персонаж и о ней я знаю еще меньше. Мне про нее сказки никто не рассказывал, я ведь сначала в детдоме, а потом в интернате росла, – закончила свой рассказ девушка.

Она взглянула на часы и заторопилась попрощаться с Рябининым, сославшись на то, что ей надо успеть заглянуть в библиотеку, до ее закрытия.

Когда она ушла, Рябинин заметил, что девушка практически ни к чему не прикоснулась, разве, что выпила пару глотков противного кофе, чтобы не обидеть Рябинина. Шоколад и

пирожное остались не тронутыми. Рябинин расплатился с назойливой официанткой, которая навязывалась к нему в гиды по достопримечательностям городка, но Рябинин устоял, взял со стола на всякий случай шоколадную плитку, хотя в принципе сладкого он не любил, и вышел из придорожного кафе.

Зря время только потерял, ругал он себя и с чем собственно я возвращаюсь домой, вопросов у меня больше, чем ответов, и если в начале следствия был один неизвестный, то теперь их три. И как все это между собой связано, я не знаю. Берегини, Недоли, домовые Фильки, просто бред какой-то. Может быть, все люди тут с ума постепенно сходят, и он в том числе, развивал свою мысль Рябинин, подъезжая к дому Ольги Петровны Светояровой.

Девочка-подросток провела его в светлую чистую комнату, там, на маленьком старом диванчике сидела пожилая женщина, рядом с ней махая пушистым хвостом как веером, восседал большой рыжий кот с зелеными хитрыми глазами. Он не дружелюбно посмотрел на Рябинина и, прижав уши, громко замурлыкал, перебивая хозяйку.

– Проходите, присаживайтесь, где вам удобно, – обратилась она к Рябинину, а потом к девочке, – Мариночка, детка, поставь, пожалуйста чайник, да на стол собери.

– Нет, нет, – поспешил остановить девочку Рябинин, – я только что плотно пообедал и кофе выпил, так что вы не беспокойтесь.

– Что кофе, это ерунда, вы наш чай попробуйте, он из семи трав состоит, они силы передают, бодрости, а еще лечат от многих болезней, ведь так Ольга Петровна? – обратилась девочка к Светояровой.

– Да, конечно, выпейте хотя бы чаю, – поддержала ее хозяйка.

– Уговорили, – с улыбкой махнул рукой Рябинин, – давайте ваш знаменитый чай.

Девочка побежала на кухню, а Ольга Петровна обратилась к нему:

– Вы по поводу Лили? – ее голос задрожал, а руки стали теревить носовой платочек, – я права?

– И да, и нет, – решил успокоить ее Рябинин. – Дело в том, – начал он, стараясь подбирать слова, – что я веду расследование одного запутанного дела, о пропаже человека, а точнее Романа Антонова. Вы были с ним знакомы?

– Конечно, прекрасный молодой человек, он жил у меня со своим приятелем Самохиным Максимом, пока они практику проходили в нашей больнице-амбулатории. А, что случилось? – в свою очередь спросила Ольга Петровна.

– Сам до сих пор не знаю. Вот пытаюсь выяснить. А вы в его поведении ничего странного не замечали? – снова задал вопрос Рябинин.

– Нет, очень замечательный, молодой человек, порядочный, скромный, я еще подумала, его родители должны им гордиться. Он так лихо сложные операции проводил, как будто это у него в крови. Илья Петрович пошутил тогда на его счет «Мол, со скальпелем в руках родился», – улыбнулась пожилая женщина, обнажив свои ровные целые зубы.

Пришла худенькая девчушка, стала сервировать стол к чаю, появились красивые из тонкого фарфора чашки с изображенными на них одуванчиками, Рябинин вспомнил, как незадолго, до отъезда, пил чай с девушкой Дашей, в квартире Кондратьева из разномастных пораненных чашек. А потом, из чашек Ирины Петровны Антоновой, где все было подобрано в тон: и скатерть, и салфетки, и вазочка с цветами, и чайные ложки, и даже носовой платочек хозяйки. И там, и там он чувствовал дискомфорт, и ему хотелось быстрее покинуть эти квартиры. Однако теперь, он чувствовал гармонию, на ослепительно белой скатерти без всяких излишеств, были простые чашки, обыкновенные ложки, на столе стояли в разных приборах конфеты, печенье, булочки. Ароматный чай наполнил легкие Рябинина до боли знакомым ароматом. Он сосредоточил все свои обонятельные анализаторы, но где он пил такой чай вспомнить не мог.

– Пейте чай, когда-то дочь моя Лиля, тоже травы сама собирала, как-то по-особенному их сушила, а потом чайные букеты плела. Теперь вот Марина у нас этим занимается, – кивнула в сторону девочки Ольга Петровна.

– Ой, куда мне до тети Лили, – скромно потупила глаза девочка, – я так просто травы собираю, смотрю, какие тетя Лиля собирала, такие и я собираю.

– Расскажите мне, пожалуйста, все, что вы знаете о пропаже вашей дочери, – попросил Рябинин, – я знаю это нелегко, но от этого зависит успех моего дела и возможно проясниться ваше.

– Хорошо, спрашивайте, что вас интересует? – взяв себя в руки, приготовилась отвечать женщина.

– Расскажите о Лиле, какая она была? Чем занималась? Каковы были ее увлечения? По какой причине она пропала? Что предшествовало этим событиям? Каковы были результаты поисков? – завалил ее вопросами Рябинин.

– Лилия, моя единственная дочь, поэтому вам может показаться, что я буду необъективна. Но поверьте мне, она была именно такой, какой она осталась в моем сердце и памяти.

Женщина смахнула платочком наплывшую слезу и продолжала:

– Когда мы познакомились с ее отцом, мне было восемнадцать лет, я тогда на фронте была, при медсанбате на службе состояла, и медсестрой и санитаркой, в общем, кем придется. Бойцов с поля боя выносила, и в палаточном госпитале работала, и бинты стирала, и перевязки делала. И вот, как-то был немецкий авианалет, госпиталь палаточный разбомбило, врачи и хирург, как раз на операции были, их всех там сразу и накрыло. А меня хирург наш Сергей Александрович Воронин спас. Незадолго, до налета он меня выставил из операционного блока, и велел идти выспаться, да строго настрого наказал в общую палатку не ходить, там не дадут поспать, а идти за госпиталь в стожок сена. Я так и поступила. Уж не знаю, сколько я проспала или только уснула, как отовсюду крик, шум, взрывы доноситься стали. Я со сна ничего понять не могу, куда бежать, что делать. Наверное, эта заминка и решила мою жизнь. В стожок ни одна бомба не попала, а вокруг все в воронках, везде тела людские, живые, мертвые, руки, ноги, стоны. Мечусь я среди них, а у самой даже санитарной сумки нет, чтобы перевязку кому-нибудь сделать. И куда за помощью бежать не знаю. В тыл – далеко, на линию фронта – близко, но немцы могли ее прорвать, и в наступление пойти. И вдруг слышу, голос чей-то меня зовет: «Сестренка, милая, спаси!» Смотрю, лейтенантик молодой лежит, за живот держится, а из раны кишки видны. «Не жилец», думаю. Но он так жалостливо просит помощи, что не смогла я мимо пройти. Оттащила его к стожку, где сама спаслась, уложила поудобнее, а тут опять самолеты немецкие налетели, бомбить стали, а стожок опять не тронули. Так вдвоем мы и остались живы. Когда затихло все, оглядела я его рану, нижнюю свою рубашку порвала да перевязала, как смогла, и потащила его в тыл. Весь день без отдыха несла, он уже сознание терял, а все спасти просил. А тут немцы на мотоциклах догоняют, я в канаву за деревья. Его и себя ветками укрываю. Он застонал, они и пустили автоматную очередь по нам и дальше поехали. Перебило мне обе ноги, сама плачу идти не могу, ползу и раненого тащу. Он как в сознание придет, умоляет не бросать его: «вытащишь, говорит, женюсь на тебе».

Так я его и дотащила, до ближайшей деревеньки, потом люди местные помогли. Видимо от напряжения и боли я тоже сознание потеряла. Очнулась уже в госпитале, ноги перевязанные, лежу на кровати, встать не могу. Голову поворачиваю, рядом лейтенантик лежит, живой значит. Ухаживала я за ним почти полгода, пока он на ноги встал. Меня давно уж комиссовали, а я осталась при госпитале, сначала на костылях, потом с палочкой. А сама все к Алешеньке своему бегаю, так того лейтенантика звали, провожаю да помогаю чем могу. Долго у него рана не заживала, то гноилась, то потом еще один осколок обнаружился. А я все при нем, каждую свободную минуточку. А по вечерам, чтоб никто не видел, в часовенку бегала, Бога просила, чтоб сохранил жизнь моему дорогому человеку. Вот там-то я однажды и встре-

тила старушку-знахарку. Она за руку меня взяла, да и говорит: «Тяжелая судьба досталась тебе дочка, но ты сильная справишься. А паренька своего отваром попой, который тебе дам. Все и пройдет. Приходи завтра ко мне вечером, я тут не далеко живу, за часовой направо, там через парк, а в конце улицы домик мой последний и будет». Вот так она и подняла травмами, да заговорами разными моего Алешеньку. Выписали его из госпиталя, приехали за ним его родные, увезли домой в Рязанскую область. Перед отъездом обещал он мне вернуться, забрать меня и исполнить свое обещание. Да видно не судьба. И война уж закончилась, а я все при госпитале работаю, жду его, вдруг он приедет, а меня нет.

Часто я потом к этой старушке закахивала, родных у меня не было, в гражданскую еще с голода умерли, поэтому и ехать тоже было некуда. Помогала ей по хозяйству, самой тоже тяжело было, ноги особенно в непогоду очень болели, в подушку плакала, или на улицу выходила в уголок забивалась где-нибудь и рыдала в голос, чтоб подруг не разбудить. А бывало и на операции стою, хирургу помогаю, а ноги просто выворачивает, от боли в обморок падала. Да боялась признаться, что это из-за ног, пришлось бы с работы уйти. Уехать домой на Волгу, под Саратов. А этого нельзя было допустить, Алеша мог приехать, где бы он меня потом искать стал.

Но в 1947 году госпиталь расформировали, и меня отправили в Сибирь. Перед отъездом зашла я к знахарке попрощаться, а она передо мной на колени встала, и руки мои целует. Я ей говорю: «Что вы, Марфа Филипповна, не нужно, встаньте, мы же не навсегда с вами расстанемся, я приезжать к вам буду, а если захотите вас к себе заберу, как только устроюсь». А она мне отвечает: «Не тебе я кланяюсь и руки целую, а роду твоему горемычному, чадам твоим доселе не рожденным, ибо велики дела их будут, равно, как и беды их. Запомни Оля, – все мы на земле связаны, как волоски в косе, и я, и ты, и Алексей твой, и другие люди, и плетется коса длинная волосок к волоску, и нет ни одного дела, поступка, слова напрасного, и каждый волосок нужный, и всё всегда для чего-то нужно, и добро и зло, и счастье и горе, так мир устроен».

Уехала я по направлению, устроилась в больницу, поступила в институт, комнату получила через год. А в отпуск никак поехать не получалось, но писала я Марфе Филипповне исправно, к себе звала, деньги высылала, но от нее весточки редко приходили, сама она неграмотная была. И вот только через семь лет довелось мне попасть в те края, где когда-то госпиталь был. Пришла я проведать старушку, а ее уже год, как схоронили. Поплакала я, на могилку сходила, обратно иду, женщина меня какая-то окликает, спрашивает: «Ты Оля Светоярова?», – «Да, я!» – отвечаю. – «Тогда, это тебе» – говорит она и протягивает мне маленький сверточек, – «знахарка перед смертью просила передать», – сунула мне его в руку и пошла прочь. Развернула я его, а там колечко старое, да записка: «*Отдай дочке*». Стала я думать, где мне ее дочку искать. Никогда она мне про нее не рассказывала. Пошла я в архив, искать ее дочку, да только ничего мне там не сказали. Степанова Марфа Филипповна поселилась в городе буквально перед самой войной, про детей ее никто ничего не знал, жила всегда одна. Нашли какие-то бумаги, что родом она из Рязанской области, село Пестрюки.

Поехала я в эти Пестрюки, да только не нашла я ее родственников. Село маленькое в несколько дворов, все друг друга знают. А про Степанову Марфу Филипповну впервые слышат, послали меня к старушке, что жила на отшибе, никто с ней не общался, заходить боялись, говорили, что ведьма она. Живет здесь давно, может, что и слышала.

Пришла я к ней, гостинцы, что в городе купила, ей отдала. Обрадовалась старушка, к столу пригласила, самовар поставила. Стала я ее о Степановой Марфе Филипповне спрашивать, она мне и рассказала странную сказку, в которую я до сих пор поверить не могу.

Что давно это было, и историю эту она слышала от своей бабушки, а та от своей. Неподалеку от их села поселилась пришедшая женщина, вдова, с двумя дочками-близнецами на руках. Выкопала себе землянку, собирала в лесу грибы, ягоды, охотилась там, на речке рыбу ловила,

да огород сажала, знала толк в травах, лечить болезни разные умела, тем и жила, и дочек своих растила. Местных жителей избегала, никому о жизни своей не рассказывала, в деревне появлялась редко, только обменять, продать или купить что-то. Да только пошел слух по деревне, что она сама мужа своего убила, за то, что издевался над ней, да бил, а теперь скрывается от правосудия. Жила тихо никому не досаждала, а потому и ее никто не трогал. А дочки ее тем временем росли, да хорошели. А девочек тех звали Катерина, да Мария. Были они похожи как две капли воды наружностью, да совершенно разные по характеру. Мария была тихая, скромная, работающая, во всем помочь старалась и матери, и людям. А Катерина – своенравная, злая, гордая и завистливая. Поговаривали, что ходила она на старые капища – где древние славяне духам разным поклонялись, умела колдовать и водила дружбу с нечистой силой.

Рябинин слушал рассказ Ольги Петровны, а сам думал: «что за глупости она ему тут рассказывает, какие-то сказки, бредни выживших из ума старух, совершенно не относящихся к делу, а он сидит и слушает их. Вот бы ребята на работе поржали от души, если бы узнали, что он ехал к черту на кулички по бездорожью, чтобы послушать сказку». Но прерывать рассказ не стал, пусть человек выговорится, тем более Рябинин так пригрелся, что его стало клонить в сон, а чай живительной силой разлился по всем клеточкам тела и расслабил его так, что ему было лень даже языком пошевелить.

А Ольга Петровна тем временем продолжала:

– Заблудился в тех местах как-то охотник молодой, и совсем уж обессилил, как вдруг услышал песню девичью и пошел на голос. Смотрит, стоит в лесу девушка нагая, красоты неопи-сваемой, волосы густые, черные, почти до самых пят только тело и прикрывают. Увидела она охотника и засмеялась залившимся смехом, что у него по телу мурашки побежали. Говорит ему девушка, – «останься со мной до зари утренней, я золотом тебя одарю, возьмешь столько, сколько унесешь».

– Как зовут тебя красавица, – спросил он девушку.

Не ответила она, взяла березовую ветку и трянула ее с силой, и стали с неё листочки опадать и в золотые монеты превращаться. Подошла она к парню обвила его шею руками белыми, и заключила в свои объятия. Проснулся парень утром, а вся поляна золотом усыпана, а девушка стоит в стороне косы плетет да смеется, – «приходи», – говорит, – «и завтра, еще больше золота получишь». Приходил он потом, еще целую неделю, и дома золотом целый сундук набил. А однажды пришел, а девушка пропала, будто ее и не было. Каждый день много месяцев до самой зимы ходил парень в лес, искал ее, но все напрасно. И уже надежду потерял, как вдруг встрети-лась на его пути она, но какая-то другая, тихая, да скромная, а на лицо еще прекраснее. Встал он перед ней на колени и умолял выйти за него замуж. Девушка растерялась, пригласила его домой, с матерью и сестрой познакомить. Пришел парень со сватами в землянку к пожилой вдове, стал просить руки ее дочери. Пригласила она гостей в землянку, а там две ее дочери сидят, с лица совершенно одинаковые, а в глазах у одной – чертики пляшут, а у другой – взгляд кроткий, покорный, добротой веет. Остановился парень в растерянности, умом понимает, что в лесу с одной был, да только сердце и душа к другой тяготеют. И выбрал он Марию, засватали ее, день свадьбы назначили. Начала Мария подвенечное платье шить, да приданое готовить. А Катерина все в лесу пропадает, дома редко появляется.

Настал день свадьбы, гости подарки стали дарить молодым, да счастья желать. Дошла очередь до женщины, что сидела тихо в углу и все молчала. Никто не знал с чьей стороны была гостя. Протянула она колечко Марии, да сказала такие слова: «Дарю тебе я перстенок необык-новенный, а имеющий силу великую. Отныне род твой будет противостоять злу людскому и вселенскому. Береги его, передавай только надежным людям. А если попадет он к человеку с черной душой, настанет на земле вечная ночь и пустота». Отдала женщина перстенок неве-

сте и пропала, словно в воздухе растворилась. Поговаривали, что была это сама Берегиня.⁴ А перстенок этот не что иное, как высшая сила, которая все может и сокрушить и возвести. Да только нельзя ей пользоваться в угоду себе.

Позавидовала Катерина, что не ей достался перстенок заветный. Затаила злобу на сестру и сказала той:

– Отныне, будем мы с тобой по разные берега реки соперницами, за душами людскими. И еще посмотрим, кто кого одолеет, что сильнее доброта твоя тихая, или красота и богатство мое. Перстенок этот надо наследникам своим передавать, если они у тебя еще будут. А если нет, то тогда перстенок твой ко мне вернется, и стану я повелительницей судеб людских, и настанет на земле вечная ночь».

После свадьбы недолго молодые пожили счастливо, так как стал охотник все чаще в лесу пропадать, видели его в объездах другой сестры. А потом и вовсе ушел. Оказалось, что родила Катерина на капищах сына ему, еще до свадьбы с Марией, да специально не сказала, чтоб сестре больнее сделать из зависти, а потом мужа увести её. Как узнала про это Мария, собрала свой нехитрый скарб и ушла, куда глаза глядят. Так ее больше никто и не видел. Да только поговаривали в народе, что ушла она не одна, а с новой жизнью в чреве. Лютовала Катерина, искала её везде, а еще пуще ребенка ею рожденного, чтобы извести его, да так и не нашла, крепко Мария спрятала ребенка своего.

А муж её, когда опомнился, что не нужен он Катерине, что через него она вершила свои черные дела, ушел от неё. Марии не нашел, хотел храм Божий построить на те деньги, что Катерина ему за ночи платила, чтоб грехи свои замаливать. Да только открыл он сундук с золотыми монетами, как они на его глазах превратились в желтые, березовые листочки. Умер от тоски охотник, так и не узнал, кого ему жена законная родила.

Так вот легенда гласит, что с тех пор живут эти две сестры в образе Берегинь. Одна – добрая, всем помогает, заблудившимся дорогу указывает, больных лечит и бережет день ясный, да мир. Другая – злая, в лес заманивает, голову морочит, а потом губит, да все заветный перстенок ищет, чтоб на земле вечная ночь настала.

«Марфа, которую ты ищешь», – сказала мне старушка, – «искала наследников своих, чтоб передать перстенок тот проклятый, или заветный. Спросила я ее, – была ли у Марфы дочь, и как мне ее найти. Но она только плечами пожала, и ответила: «Может и была, да только с тех пор, прячут они наследников своих, чтобы перстень Черной Берегине не достался. Передают его только надежным людям, чтоб те берегли, пока наследник не отыщется». Не решилась я сказать ей о перстне, что в кармане у меня лежал, да только она видимо сама догадалась, и уже прощаясь со мной, сказала: «Неисповедимы пути господни, кому надо тот сам тебя найдет, а ты сюда по другой причине послана. Иди с Богом, и сделай то, что должно».

В районный центр вернулась я уже поздно вечером. Остановится мне было не у кого, пошла я в гостиницу, а сама думаю, если мест не будет, придется на вокзале ночевать. Так и случилось, гостиница была полной, в этом райцентре съезд каких-то политических работников проходил. Я уже собралась идти к вокзалу, как слышу голос мужской, окликнул меня:

– Оля!

Я оглянулась и глазам своим не верю. Стоит передо мной Алексей, улыбается. Совсем красавцем стал, только на висках волосы уже белеть начали.

– Как ты тут? Откуда? – завалил он меня вопросами.

⁴ Берегиня – по верованиям древних славян, – это великая богиня, породившая все сущее. Ее повсюду сопровождают светозарные всадники, олицетворяющие солнце. Берегиня от слова «оберег». Древние славяне верили, что Великая богиня должна оберегать созданных ею людей!

Пригласил меня к себе, оказалось, что он теперь парторгом на кирпичном заводе работает. А в гостинице засиделся с товарищами, обсуждали вопросы поставок дополнительного оборудования.

Я так ждала этой встречи. Яркими красками рисовала её в своём воображении: «что я ему скажу, а что он ответит мне, как долго мы будем смотреть друг другу в глаза, как скажет он мне, что так долго меня искал, писал каждый день письма, но на почте и без нас сейчас много людей, затерянных в войне. И что он теперь возьмет меня за руки, прижмет меня к своему сердцу, и скажет заветные слова своей клятвы». Но он просто обнял меня, стал целовать и просить прощенье.

А потом мы пили чай, говорили о жизни, оказалось, что он женат, у него двое детей, сейчас они гостят с женой у бабушки в деревне. И приедут только через два дня. Может быть, мне надо было уйти сразу, уехать утренним поездом, но я так долго ждала его, так мечтала о нем все эти годы, что не уехала, а осталась еще на два дня. Два самых счастливых дня в моей жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.